

P. o. russ. 60^c (1

<36603872530013

<36603872530013

Bayer. Staatsbibliothek

СОЧИНЕНІЯ

ДЕРЖАВИНА.

Печашано съ дозволенія С. Пешербургскаго
Цензурнаго Комитета.

Въ САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
Въ типографіи Шнора, 1808 года.

О Г Л А В Л Е Н І Е

П Е Р В О Й Ч А С Т И.

	Стран:
I. Богъ - - - - -	1
II. На освященіе каменнооспров- скаго инвалиднаго дома -	7
III. Власпишелямъ и Судіямъ -	10
IV. Величештво Божіе - - -	12
V. Праведный Судія - - -	18
VI. Испинное щаспіе - - -	20
VII. Побѣдипелю - - - -	22
VIII. Помощь Божія - - -	26
IX. Уповающему на свою силу -	27
X. Щаспливое семейство - -	29
XI. Успокоенное невѣріе - -	31
XII. Фелица - - - - -	36
XIII. Благодарность Фелиць - -	49
XIV. На ошсупствіе ея величества въ Бѣлоруссію - - -	51
XV. На приобрѣшеніе Крыма - -	56
XVI. Видѣніе Мурзы - - -	60
XVII. Къ Калліопѣ - - - -	67
XVIII. На Шведской мирѣ - -	73
XIX. На взятіе Измаила - - -	77
XX. Изображеніе Фелицы - - -	97
XXI. На новый годъ - - - -	117
XXII. Рѣшемыслу - - - - -	120
XXIII. Памятникъ Герою - - -	126
XXIV. Ключъ - - - - -	129
XXV. На смерть К. Мещерскаго -	132
XXVI. Осень во время осады Очакова	136
XXVII. На смерть Г. Румянцовой -	142
XXVIII. Любипелю художествъ -	147
XXIX. Меркурію - - - - -	155
XXX. На щаспіе - - - - -	157
XXXI. На выздоровленіе Меценаша -	168
XXXII. На умѣренность - - -	172
XXXIII. На коварство Французскаго воз- мущенія и въ честь Князя Пожарскаго - - -	178

XXXIV.	На панихиду Людовика XVI.	-	194
XXXV.	Первому Сосѣлу	-	199
XXXVI.	Пѣснь брачная чепѣ порфирород-		
	ной	-	203
XXXVII.	Къ лирѣ	-	206
XXXVIII.	Къ красавцу	-	208
XXXIX.	Вельможа	-	209
XL.	Монуменѣ Петра Великаго	-	218
XLI.	Петру Великому	-	221
XLII.	Къ Н. А. Львову	-	226
XLIII.	Водопадъ	-	229
XLIV.	На смерть Бибикова	-	248
XLV.	Прогулка въ Сарскомъ селѣ	-	253
XLVI.	На рожденіе ея высочества		
	Великой Княжны Ольги Па-		
	вловны	-	256
XLVII.	Канпаша	-	258
XLVIII.	Провидѣніе	-	259
XLIX.	На покореніе Дербенша	-	264
L.	Мой испуканъ	-	266
LI.	Новоселье молодыхъ	-	278
LII.	На взятіе Варшавы	-	281
LIII.	На кончину Великой Княжны Оль-		
	ги Павловны	-	291
LIV.	Ласпочка	-	296
LV.	Флопъ	-	289
LVI.	Приглашеніе къ обѣду	-	299
LVII.	Соловей	-	303
LVIII.	Павлинь	-	306
LIX.	Богиня здравія	-	308
LX.	На крещеніе Великаго Князя Ни-		
	колая Павловича	-	309
LXI.	Горѣлки	-	310
LXII.	На рожденіе Царицы Гремиславы		
	Л. А. Нарышкину	-	312
LXIII.	Храповицкому	-	317
LXIV.	На кончину Г. Орлова	-	319
LXV.	Памятникъ	-	320

[Gavril Romanovich]
СОЧИНЕНІЯ
ДЕРЖАВИНА.
Часть I.

въ Санктпетербургѣ.
1808 года.

За 1641586

14175

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ПРЕДЪУВѢДОМЛЕНІЕ

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Наконецъ исполняя обѣщаніе мое Почтенной Публикѣ, издаю чепыре часпи моихъ сочиненій.—Не могъ я по желанію моему всѣхъ ихъ украситъ каршинками за недоспашкомъ Художниковъ, предоспавляя по будущему времени. — Тогда снабжу и примѣчаніями, какъ на шѣ мѣспа, кои иносказательны, такъ и на шѣ собственныя имена, кои мнѣ одному извѣсны, и изъ скромности, чпобъ не сочпено было о нихъ сказанное грубымъ ласкапельспвомъ, или моимъ самохвальспвомъ, объявлены не были. — Со временемъ я, или кто другой по мнѣ, объясняшъ какъ ихъ, такъ и шѣ рѣченія, копорыя въ скрыпомъ смыслѣ употреблены и заключающъ въ себѣ двойное знаменованіе; а равно и случаи, для копорыхъ чпо писано, и чпо къ кому опносптся. Теперъ опъ сего удерживаюсь по шому, чпо, или не

совсѣмъ еще по позволяющъ обстоятель-
ства: или, что опасаюсь промедлить вре-
менемъ будучи извѣстенъ, что многіе
охотники моихъ произведеній требуютъ.
Послѣднее сіе паче побудило меня поспѣ-
шить симъ изданіемъ: съ одной стороны,
чтобъ удовлетворишь неперпѣливому ожи-
данію тѣхъ, копорые особую дѣлають мнѣ
честъ желаніемъ имѣть у себя поскорѣ
мною написанное; а съ другой, чтобъ обна-
ружить тѣ погрѣшности, копорыя въ пись-
менныхъ вкрались, или и въ печатныхъ,
совсѣмъ не мною писанныхъ, несправедливо
подъ моимъ именемъ разсѣянныхъ.—Чишашели
благоволять нынѣ увидѣть *первую* часть въ
томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ она (кромѣ
картинъ) въ 1795 году блаженной памяти
покойной Государынѣ Императрицѣ, съ
посвященіемъ Высочайшему имени Ея, мною
лично поднесена была, но оспавалась по
кончину въ Ея кабинетѣ не изданною; а не
такъ, какъ она въ 1798 году въ Универси-

шепской шипографіи въ Москвѣ напечатана,
 бывъ прислана шуда опъ покойнаго Ивана
 Ивановича Шувалова, по собраніи имъ оной
 изъ разныхъ шепрадей. Нѣсколько шолько
 изъ нея, по легкому ли слогу, или по при-
 личности содержанія, перенесены мною въ
 шрешью часшь, подъ названіемъ *Анакреонти-
 ческихъ лѣсней*, напечатанныхъ здѣсь въ
 Пешербургѣ въ 1804 году; а другія не
 помѣщены были въ Московскимъ изданіи
 по не пропуку ихъ по шогдашнимъ об-
 стояшельствамъ Цензурою; или которыя
 и внесены, по съ выключкою нѣсколь-
 кихъ стиховъ. Въ третьей часши на-
 ходишся довольно вновь добавленныхъ.
 Вторая часшь, посвященная нынѣ цар-
 ствующему Государю Императору
 Александру Первому, вообще никогда
 въ свѣшъ еще издана не была, кромѣ
 нѣкоторыхъ, по періодическимъ изданіямъ
 или по рукописямъ извѣстныхъ. О чет-
 вертой, содержащей въ себѣ небольшія

драматическія творенія, може сказати
 можно. Впрочемъ не объясняю я здѣсь и
 того, какія въ сихъ чешырехъ частяхъ
 находящіяся переведенныя мною, чьего имен-
 но сочиненія, и съ какихъ языковъ.—Люби-
 тели Словесности примѣшати ихъ сами.—
 Для прочихъ читателей, кажется, въ томъ
 и надобности нѣтъ; или благоволятъ они
 узнать о томъ въ будущемъ изданіи, о коемъ
 выше сказано: гдѣ все, касающееся до моихъ
 писемъ, объяснено будетъ, если не мною
 самимъ, то по оставленнымъ мною запискамъ
 другимъ кѣмъ нибудь. Нѣкоторыя піесы въ
 семъ собраніи, въ 1. и 3 части содержащіяся,
 найдутся такія, которыхъ въ первыхъ изда-
 ніяхъ 1798 и 1804 годовъ совсѣмъ въ виду не
 было; потому что какъ всѣ вообще мои про-
 изведенія писаны были въ разныхъ годахъ,
 между занятіями моими по службѣ, и боль-
 шею частію не съ шѣмъ, чѣмъ бытъ имъ
 извѣстнымъ свѣду: то и оставляемы были
 въ небреженіи или заперянными, или не-

докончанными; но какъ послѣ мною найдены и исправлены, то и помѣщены тамъ, гдѣ имъ бытъ слѣдуетъ. — Со временемъ и еще дополняясь, и нѣсколькими часпями вновь, прозою и стихами, приумножены бытъ могутъ. Въ заключеніе всего вышеписаннаго, изъ особой благодарности моей, любезнымъ моимъ соопечесивенникамъ сказать нахожу себя обязаннымъ: что ежелибы не благосклонные ихъ отзывы о трудахъ моихъ, и въ письменныхъ ко мнѣ опись нѣкоторыхъ особъ отношеніяхъ, и во многихъ печатныхъ сочиненіяхъ свѣту извѣстные, ободрили меня: то бы я никогда не дерзнулъ обременять ихъ нынѣшнимъ изданіемъ, вѣдая, сколь дорого время для насъ, которые желаютъ употреблять оное не на бездѣлки.

Державинъ.

ЕЯ

ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

ИМПЕРАТРИЦѢ

ЕКАТЕРИНѢ ІІ.

САМОДЕРЖИЦѢ ВСЕРОССИЙСКОЙ

СЪ БЛАГОГОВѢНІЕМЪ ПОСВЯЩАЕТЪ

Сочинитель.

С. Петербургъ.
1795 года.

М О Н А Р Х И Н Я !

Что смѣлая рука Поэзіи писала,
Какъ Бога, истинну Фелицу во плоти
И добродѣтели Твои изображала,
Дерзаю къ Твоему престолю принести;
Не по достоинству изящнѣйшаго слога,
Но по усердію къ Тебѣ души моей.
Какъ жертву чистую, возженную для Бога,
Прими съ небесною улыбкою Твоей,
Прими и освящи Твоимъ благоволеньемъ,
И Музѣ будь моей подпорой и щитомъ,
Какъ мнѣ была и естъ Ты опѣкунъ спасеньемъ.
Да веселясь она и съ бодрственнымъ челомъ
Пойдетъ сквозь шумъ временъ и спанетъ средь
попомковъ,
Суда ихъ не спрашась, Твои хвалы вѣщая;
И алчный червь когда, межъ гробовыхъ обломковъ,
Оставшій будетъ прахъ костей моихъ глодавъ;
Забудется во мнѣ послѣдній родъ Багрима,
Мой вросшій въ землю домъ никто не посягнетъ:
Но лира колы моя въ пыли гдѣ будетъ зрима,
И древнихъ струны ея гдѣ голосъ прозвучитъ,

Подъ именемъ Твоимъ громка она пребудетъ;
Ты славою,—Твоимъ я эхомъ буду жить.
Героевъ и Пѣвцовъ вселенна на забудетъ;
Въ могилѣ буду я, но буду говоришь.

О время благополучное и рѣдкое, когда мыслить и говорить не возпрещалось; когда соединены были вещи несовмѣстныя, владычество и свобода; когда при самомъ легкомъ правленіи общественная безопасность состояла не изъ одной надежды и желанія, но изъ достовѣрнаго полученія прочнымъ образомъ желаемого.

Тацитъ.

I.

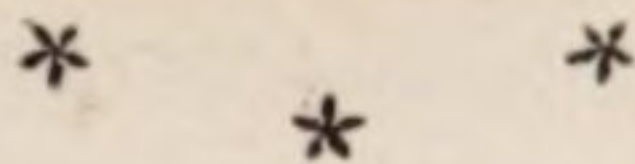
Б О Г Ъ.

О Ты, простиранствомъ безконечный,
Живый въ движенъи вещества,
Теченьемъ времени превѣчный,
Безъ лицъ, въ прехъ лицахъ Божества!
Духъ всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никпо постичь не могъ,
Кпо все собою наполняешь,
Объемлешь, зиждешь, сохраняешь,
Кого мы называемъ: — Богъ!

Часть I.

I

Измѣришь океанъ глубокій,
 Сочесъ пески, лучи планетъ,
 Хопя и могъ бы умъ высокій, —
 Тебѣ числа и мѣры нѣтъ!
 Не могутъ духи просвѣщенны,
 Опъ свѣша Твоего рожденны,
 Изслѣдовавъ судьбы Твоихъ:
 Лишь мысль къ Тебѣ взнесшися дерзаетъ,
 Въ Твоемъ величьи исчезаешь,
 Какъ въ вѣчности прошедшій мигъ.

Хаоса бытность довременну
 Изъ безднъ Ты вѣчности воззвалъ;
 А вѣчность прежде вѣкъ рожденну
 Въ себѣ самомъ Ты основалъ:
 Себя собою соспавляя,
 Собою изъ себя сіяя,
 Ты свѣтъ, откуда свѣтъ изшекъ.
 Создавъ все единымъ словомъ,
 Въ швореньи простираясь новымъ,
 Ты былъ, Ты еси, Ты будешь въ вѣкъ!

Ты цѣпь существъ въ себѣ вмѣщаешь,
 Ее содержишь и живишь;
 Конецъ съ началомъ сопрягаешь
 И смертію живою даришь.
 Какъ искры сыпляшся, спремяшся,
 Такъ солнца отъ Тебя родяшся;
 Какъ въ мразный, ясный день зимой
 Пылинки инея сверкають,
 Врашяшся, зыблюшся, сіяють:
 Такъ звѣзды въ безднахъ подъ Тобой.

* * *

Свѣпилъ возженныхъ миліоны
 Въ неизмѣримости текутъ,
 Твои они шворають законы,
 Лучи живошворящи льютъ.
 Но огненны сіи лампы,
 Иль рдяныхъ криспалей громады,
 Иль волнъ злапыхъ кипящій сонмъ,
 Или горящіе ээиры,
 Иль вкупѣ всѣ свѣпящи міры —
 Передъ Тобой, — какъ ночь предъ днемъ.

*

Какъ капля въ море опущенна
 Вся швердь передъ Тобой сія.
 Но что мной зримая вселенна?
 И что передъ Тобою я? —
 Въ воздушномъ океанѣ ономъ,
 Міры умножа миліономъ
 Сшокрапъ другихъ міровъ — и по,
 Когда дерзну сравнишь съ Тобою,
 Лишь будешь почкою одною:
 А я передъ Тобой, — ничто.

* * *

Ничто! — Но Ты во мнѣ сіяешь
 Величествомъ Твоихъ добротъ;
 Во мнѣ Себя изображаешь,
 Какъ Солнце въ малой каплѣ водъ.
 Ничто! — Но жизнь я ощущаю,
 Несышимъ нѣкакимъ лепаю
 Всегда пареньемъ въ высоты;
 Тебя душа моя бытъ чаепъ,
 Вникаепъ, мыслипъ, разсуждаепъ:
 Я есмь; — конечно естъ и Ты!

Ты еси!—Природы чинъ вѣщаешь,
 Гласишь мое мнѣ сердце по,
 Меня мой разумъ увѣряешь,
 Ты еси;—и я ужъ не ничто!
 Часпица цѣлой я вселенной,
 Поспавлень, мнишся мнѣ, въ почтенной
 Средишь еспешва я пой,
 Гдѣ кончилъ пварей Ты плесныхъ,
 Гдѣ началъ Ты духовъ небесныхъ,
 И цѣпь существъ связалъ всѣхъ мной.

* * *

Я связь міровъ повсюду сущихъ,
 Я крайня степень веществва;
 Я средопочіе живущихъ,
 Черпа начальна Божествва;
 Я пломъ въ прахъ исплѣваю,
 Умомъ громамъ повелѣваю,
 Я царь,—я рабъ,—я червь,—я Богъ!
 Но, будучи я споль чудесень,
 Ошколъ произшелъ?—безвѣспень;
 А самъ собой я бышь не могъ.

Твое созданье я, Создатель!
 Твоей премудрости я пварь,
 Испочникъ жизни, благъ Податель,
 Душа души моей и Царь!
 Твоей по правдѣ нужно было,
 Чтобъ смерсну бездну преходило
 Мое безсмерсно бытіе;
 Чтобъ духъ мой въ смерсность облачился
 И чтобъ чрезъ смерсь я возврапился,
 Опець! — въ безсмертіе Твое.

* * *

Неизъяснимый, Непоспижный!
 Я знаю, что души моей
 Воображеніи безсильны
 И пѣни начерпашъ Твоей:
 Но еспли славословишь должно,
 То слабымъ смерснымъ невозможно
 Тебя ничѣмъ инымъ почпишь,
 Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышашься,
 Въ безмѣрной разности перяшься
 И благодарны слезы лишь.

II.

НА ОСВЯЩЕНІЕ КАМЕННООСТРОВ-
СКАГО ИНВАЛИДНАГО ДОМА.

Воскликни вдохновенна Богомъ,
Воскликни громку пѣснь псалпырь,
И я святымъ твоимъ воспоргомъ
Да приведу въ воспоргъ весь міръ!

И ревность разожжетъ духовна
Благочестивыя сердца;
Какъ дымъ съ кадила благовонна,
Молишва взыдетъ предъ Творца.

Передъ Творца,—и Ты съ свящыя
О Творче! высоты въ сей храмъ
Воззри,—се Павелъ и Марія
Тебѣ приносятъ ѿиміамъ!

Въ угодну жертву не кассію,
Не смирну, не ливанъ прими;
Но щедришь и хранишь Россію,
Объшь ихъ чисныхъ душъ вонми.

Вонми,—и виждь, се показали
Они сердце Ихъ благость намъ;
Покой служившимъ воямъ дали,
И сей тебѣ опверзли храмъ.

Колико вздоховъ, капель слезныхъ,
Я вижу съ радоспныхъ очей!
Продли Ты имъ споль дней любезныхъ
Средь добродѣтели лучей!

Да Павлово одно воззрѣнье,
Какъ огонь изъ шучь, враговъ сразишь; —
Языковъ многихъ покоренье
Вселенной буря возвѣспишь.

А кропкая душой Марія
Улыбкой нѣжною своею
Наложить цѣпи золошья
На шьмы подвласпныхъ ей людей.

И процвѣпешъ, какъ вѣшвъ Эдема
Въ минувшій годъ, она плодомъ;
Еще носилеля дасъ шлема,
И дщерьми свой украсишь домъ.

Рука Твоя на нихъ почишь,
Сойдешъ Твоя къ нимъ благодашь;
Предъ ними щаспие предъидешъ,
И будешъ слава ихъ вѣнчасть.

Посѣянны Петромъ съ начала
Блиспашельны Россіи дни,
Екатерина чшо сбирала,
Положащъ въ жишницу они.

Положапъ, сохраняпъ, прибавяпъ
Ихъ свѣплые плоды собой;
Попомспву въ образецъ оспавяпъ
И Ихъ и Твой законъ свяпой.

А Ты, изъ свѣплоспи подзвѣздной
Опъ Нихъ Твой взоръ не опврацай;
Храни во вѣкъ Ихъ домъ любезной,
Россію милуй и спасай.

III.

ВЛАСТИТЕЛЯМЪ И СУДІЯМЪ.

Возспаль Всевышній Богъ, да судишь
Земныхъ Боговъ во сонмѣ ихъ;
Доколь рекъ, доколь вамъ будетъ
Щадишь неправедныхъ и злыхъ?

Вашъ долгъ есть: сохраняшь законы,
На лица сильныхъ не взирашь,
Безъ помощи, безъ обороны
Сиротъ и вдовъ не ославляшь.

Вашъ долгъ спасаешь отъ бѣдъ невинныхъ,
Нешапливымъ подаешь покровъ;
Отъ сильныхъ защищаешь безсильныхъ,
Испоргнуешь бѣдныхъ изъ оковъ.

Не внемлюшь! — видяшь и не знаешь!
Покрышы мздою очеса:
Злодѣисвы землю попрясають,
Неправда зыблетъ небеса.

Цари! — Я мнилъ, вы Боги власны,
Никто надъ вами не судья:
Но вы, какъ я, подобно спрашны,
И также смершны, какъ и я.

И вы подобно такъ падеше,
Какъ съ древъ увядшій листь падешъ!
И вы подобно такъ умреше,
Какъ вашъ послѣдній рабъ умрешъ!

Воскресни, Боже! Боже правыхъ!
И ихъ моленію внимли:
Приди, суди, карай лукавыхъ,
И будь единъ Царемъ земли!

IV.

ВЕЛИЧЕСТВО БОЖІЕ.

Благослови душа моя
Всесильнаго Творца и Бога;
Коль Онъ великъ! Коль мудрость многа
Въ швореньяхъ, Господи, Твоя!

Ты свѣтомъ, славой, красою,
Какъ будпо ризой облачился;
И какъ шапромъ Ты осѣнилъ
Небесъ лазурной высокою.

Ты звѣздну швердь изъ водъ сложилъ,
И по зарямъ ея спускаешь;
На крыльяхъ вѣтренныхъ лещаешь
Во сонмѣ свѣтоносныхъ силъ.

Послами Ангеловъ шворишь,
Повелѣваешь Ты духами;
Послушными себѣ слугами
Огню и бурямъ бышь велишь.

Поспавилъ землю на зыбяхъ,
Во вѣкъ шверда она собою;
Объяпы бездною, какъ пленою,
Споаяпъ въ ней воды на горахъ.

Среди хранилища сего
Онъ грозы Твоей бояпся;
Речешь:—ревушъ, бѣгушъ, спремятся
Ошъ гласа грома Твоего;

Какъ горы всходяшъ къ облакамъ;
Какъ долы, внизъ клонясь, лежапся;
Какъ спеша, разліясь спруясь
Къ показаннымъ Тобой мѣспамъ.

Предѣль Ты начерпалъ имъ Твой,
И изъ него онъ не выдушъ,
Не обрапся и не придупъ
Покрышъ лице земли волной.

Велишъ внутрь горъ ключемъ имъ бишъ,
Изъ дебрей рѣки проливаешъ;
Звѣрямъ, онаграмъ посылаешъ
Повсюду жажду уполишъ.

А шамъ, по синевѣ небесъ
Віясъ, пернапыя лепашъ,
Изъ облакъ гласы выпускаюшъ
И свищущъ на вѣшьяхъ деревесъ.

Ты дождь съ превыспреннихъ спремишъ;
Какъ перла, росы разсыпаешъ;
Туманомъ холмы осребряешъ
И плодоносными шворишъ.

Изъ нѣдръ земныхъ праву скошамъ
 Произращаешь въ насыщенье;
 На разное употребленье
 Различный злакъ изводишь намъ.

На хлѣбъ,—чшобъ укрѣплять сердца,
 И на вино,—чшобъ ободряшся;
 И на елей,—чшобъ услаждашся
 И умащашъ красу лица.

Твоя рука повсюду льешъ
 Древамъ пшпашельные соки;
 Ливанскихъ кедровъ садъ высокій
 Тобою насажденъ цвѣшешъ.

Ты мѣлкихъ пшпчекъ умудрилъ
 Свои вишъ сокровенно гнѣзды;
 Эродій же свое подъ звѣзды
 Чшобы на соснахъ возносилъ.

По висошамъ крупныхъ холмовъ
 Ты прядашъ научилъ еленей;
 А зайцамъ средъ кустовъ и шѣней
 Ты далъ зашпшу и покровъ.

И блѣдная Луна Тобой
 Своею чередой сіяешъ,
 И лучезарно Солнце знаешъ
 Во благовремя западъ свой.

Какъ день Ты удалишь, и ночь
 Покровъ свой разспилаешь чорный,
 Лѣсные звѣри и дубровны,
 И скимнѣ выходишь яръ и пощѣ.

Выходяшь, рыщущъ и рычашь
 И опъ Тебя всѣ пищи просяшь;
 Чпо Ты даруешь имъ,—уносяшь,
 И свой пѣмъ уполяюшь гладъ.

Но лишь проспрешь свой солнце взглядъ,
 Они сбираются спадами,
 И идущъ врозь между лѣсами
 И въ мрачныхъ логовищахъ спяшь.

По упру челоуѣкъ вспаешь,
 Идешь на прудъ, на земледѣлье,
 И солнечное захожденье
 Ему спокойствіе даешь.

Но коль дѣла Твои, Творецъ!
 Безчисленны и неизмѣрны;
 Премудрости Твоей супъ бездны,
 Полна земля Твоихъ чудесъ!

Сіи моря, сей водный сонмъ,
 Обширны хляби и бездонны,
 Большихъ и малыхъ шварей полны
 И чудъ, безчисленныхъ числомъ.

Тамъ кипѣ, — шамъ чолнъ спремятъ свой бѣгъ
 И насмѣхаюшся надъ бездною;
 И все сіе, о Царь вселенной!
 Себѣ Ты создалъ для ушѣхъ.

Къ Тебѣ всѣхъ смертныхъ очи зрятъ
 И на Тебя всѣ уповаютъ;
 Къ Тебѣ всѣ руки проспиратъ
 И милоспей Твоихъ хопятъ.

Даруешь имъ, — и собираешь;
 Разверзешь длань, — и рассыпаешь
 Щедроту всѣмъ; Ты всѣхъ питаешь
 И всѣ они Тобой живутъ.

Но есѣли опврашишь Свой зракъ, —
 Ихъ всюду ужасы смущаютъ;
 Опымешь душу, — исчезають,
 И превращаються во прахъ.

А есѣли духъ пошлешь Ты Свой; —
 Мгновенно вновь все сотворишся;
 Лице земное обновишся,
 Изъ пмы возстанешь свѣтъ другой.

И будешь слава средъ небесъ
 Твоя, Создатель! продолжашся;
 Ты вѣчно будешь ушѣшашся
 Твореніемъ Твоихъ чудесъ!

О Ты! прясепь чей землю взгляды,
 Коснешься ли горамъ,—дымяшся;
 Дохнешь ли на моря,—холмяшся;
 Въ рукъ держащій швердь и адъ!

Тебя, всесильный мой Творецъ!
 Я вѣчно славословишь спану,
 И пѣшь Тебя я не преспану
 По самый дней моихъ конецъ.

Моя бесѣда предъ Тобой
 И пѣснь угодны да явяшся,
 Тобой я буду восхищаюсь,
 Дышащъ и жищъ, о Боже мой!

Но грѣшныхъ племя и языкъ
 Да испребищъ десница спрога! —
 Хвали, душа моя, шы Бога:
 Сколь Онъ премудръ, и сколь великъ!

ПРАВЕДНЫЙ СУДІЯ.

Я милоспѣ воспую и судѣ
И возглашу хвалу я Богу;
Законы, поученье, шрудѣ,
Премудрость, добродѣтель спрогу
И непорочность возлюблю.

Въ моемъ я домѣ буду жишѣ
Въ согласіи, въ правдѣ, въ преподобіи;
Какъ чадѣ, рабовѣ моихъ любишѣ,
И сердца моего въ незлобіи
Одни пороки испреблю.

И мысленнымъ очамъ моимъ
Не предложу я дѣлъ пресупныхъ;
Ничѣмъ не пріобщуся къ злымъ,
Возненавижу и распупныхъ
И опвращуся опѣ льсפעцовѣ.

Опѣ своенравныхъ уклонюсь,
Не прилѣплюсь въ совѣпѣ коварныхъ,
Опѣ порицаній успранюсь,
Навѣшовѣ, наущеній шайныхъ,
И изгону клеветпниковѣ.

За споль съ собою не пуцу
Надменныхъ, злыхъ, неблагодарныхъ ;
Моей прапезой угощу
Правдивыхъ, чеспныхъ, благонравныхъ ,
Къ благимъ и добрымъ буду добръ.

И гдѣ со мною ни сойдутся
Лжецы, мздоимцы, гордецы ;
Ошвсюду мною изженутся
Въ дальнѣйшіе земны концы ,
Иль казнь повергнешь ихъ во гробъ.

VI.

ИСТИННОЕ ЩАСТІЕ.

Блаженъ попъ мужъ, кпо ни въ совѣшъ,
Ни въ сонмъ губишелей не сядешъ,
Ни грѣшниковъ на пупъ не спанешъ,
Ни пойдешъ нечеспивымъ въ слѣдъ:

Но будешъ нощю и днемъ
Въ законъ Божьемъ поучашся,
И всею волею спарашся,
Чшобъ только поступать по немъ.

Какъ при попокѣ чистыхъ водъ
Въ долину древо насажденно,
Цвѣтами всюду окруженно,
Дающее во время плодъ,

Котораго зеленый лисъ
Не падаетъ и не желтѣетъ:
Подобно онъ во всемъ успѣетъ,
Когда и что ни сотворишъ.

Но беззаконники не такъ:
Они съ лица земли спрахнушся,
Развѣюшся и разнесушся,
Какъ въпрямъ возмепенный прахъ.

Суда Всевидца не снесушь
И не воскреснушь нечестивы,
И грѣшники въ совѣтъ правдивый
Опнюдь явишься не дерзнушь.

Господь съ превыспреннихъ своихъ
Всѣхъ нашихъ помышленій зришь;
Онъ праведниковъ покровишь,
Карашъ и губишь злыхъ.

VII.
ПОБѢДИТЕЛЮ.

Въ Всевышней помощи живущій,
Въ покровѣ Бога водворень,
Заспупникомъ его зовущій,
Прибѣжищемъ своимъ, — и въ Немъ
Надежду кпо свою кладешъ въ свой вѣкъ,
Великъ, великъ пошъ въ свѣшъ человѣкъ!

Господь его опъ сокровенныхъ,
Опъ хипрыхъ сохранишъ съшей;
Спасешъ его опъ дерзновенныхъ
И опъ зломышленныхъ людей;
Избавишъ опъ клеветъ, опъ леспи злой,
Покроешъ пвердою своей броней.

Хошъ полкъ предъ нимъ враговъ предъидешъ,
И окружишъ опвсюду пьма;
Оружіемъ его обыдешъ
Небесна испина сама.
На крылахъ черныхъ пучъ пусть громъ лепишъ,
Освѣпишъ лишъ его и осѣнишъ.

Опъ спрѣлъ, какъ градъ, съ высопъ шумящихъ
Опнюдь не успрашился онъ;
Опъ вихрей, съ жупломъ преходящихъ,
И все огнемъ ядущихъ волнь
Не удалишся прочь: — и завсѣгда,
Какъ пвердый Тавръ, душа его пверда.

Тамъ тысящи падуть ошую,
 Кровавая горитъ заря,
 Тамъ миліоны одесную —
 Покрыты трупами моря:
 Къ нему же съ роковой косою Смерть
 Не смѣетъ хищныхъ рукъ своихъ простерть.

Но ты, смотри и виждь, о смертный!
 И Божьи разумѣй дѣла:
 Враговъ твоихъ полки несмѣнны
 Однимъ смертью взмахомъ посѣкла!
 Невѣрныхъ сокрушилъ ты гордый рогъ:
 Но симъ лишь чрезъ тебя казнилъ ихъ Богъ.

Казнилъ ихъ Богъ: — а ты средь бою
 Остался живъ! — И для чего?
 Что возлюбилъ его душою;
 Что всю надежду на Него
 Не усумнился ты предположить:
 Тебя Онъ предъизбралъ Свой судъ свершить.

Тебя, — и зло къ тебѣ не придетъ,
 Ни рана къ плечу твоему;
 На сердце здравіе почіетъ,
 Веселье сердцу и уму
 Пойдетъ со плесками тебѣ во слѣдъ:
 По торжествамъ тебя познаетъ свѣтъ.

Подъ надзираніе ты преданъ
 Невидимыхъ безплошныхъ силъ,
 И легионамъ заповѣданъ
 Всѣхъ Ангеловъ, чѣмъ цѣль ты былъ:
 Сафирныя свои они крыла,
 Разширя надъ тобой, блюдушъ ошъ зла.

Блюдушъ себя и сохраняюшъ
 Они во всѣхъ пущахъ твоихъ,
 Повсюду вокругъ себя лепашъ
 И носяшъ на рукахъ своихъ;
 И вѣпру на себя прешашъ порхнушъ,
 Въ пыли твоихъ о камень ногъ прешкнушъ.

На аспидовъ, на василисковъ,
 На шигровъ, на ехиднъ, на львовъ,
 Вдали рыкающихъ, и близко
 На пресмыкающихъ гадовъ,
 Шипящихъ вокругъ себя ужей и змѣй,
 Ты спушишъ и попрешъ ногой твоей.

Надеждъ твоихъ и всѣхъ желаній
 Ты никому не объявилъ;
 На небо воздѣвая длани,
 Ты вшайнѣ Бога лишь молилъ;
 Его превѣчное ты имя звалъ,
 Его изъ устъ твоихъ не выпускалъ.

Господь опъ звѣздъ тебя услышалъ,
 Твою мольбу проразумѣлъ,
 Изъ пренебесной бездны вышелъ,
 Невидимую длань просперъ.
 Опъ Солнца какъ бѣжишь ночь, пма и мгла:
 Такъ опъ тебя печаль, брань, смерть ушла.

Какъ въ зеркалѣ, въ тебѣ оставилъ
 Сіянье онъ Своихъ лучей;
 Побѣдами тебя прославилъ,
 Число твоихъ пробавилъ дней;
 Спасеніе людямъ Своимъ явилъ,
 Величіе Свое въ тебѣ открылъ.

Но кто ты, Вождь, кѣмъ спѣны пали,
 Кѣмъ твердь Очаковска взята?
 Чья вѣра, чьи успа взывали
 Намъ Бога въ помощь и Христа?
 Чей духъ, чья грудь несла Монаршій ликъ?
 Пошемкинъ ты! Съ тобой, знашь, Богъ великъ!

VIII.

ПОМОЩЬ БОЖІЯ.

Возвелъ я мысленные взоры
 Въ небесны, лучезарны горы,
 И помощь мнѣ опшоль пришла.
 Я помощь сильную приѣмлю
 Опъ Сопворившаго всю землю
 И въ небѣ звѣзды безъ числа.

Ноги моей въ поползновенье,
 Ниже въ малѣйшее смяпенье,
 Онъ не допусшишь, и хранишь.
 Хранишь меня и не воздремлешь,
 И всѣмъ моимъ онъ нуждамъ внемлешь
 И свыше на меня глядишь.

Господь, Господь мой Покровишель,
 Помощникъ, жезлъ и Подкрѣпитель,
 И щипъ онъ на груди моей;
 Ни солнце въ день не опалаетъ,
 Ни лунный свѣтъ не ужасаетъ
 Меня въ пмѣ блѣдностью своей.

Вездѣ со мною пребываетъ,
 Сопущспвуешь, осперегаешь
 Опъ всякаго меня Онъ зла.
 Блюдешь мой входъ и изхожденъе,
 Предупреждаетъ искушенъе,
 Чпобъ злосъ вредишь мнѣ не могла.

IX.

УПОВАЮЩЕМУ НА СВОЮ СИЛУ.

Хвалише Господа и пойше:
Коль сладко воспѣвать Его!
Ему единому вы спройше
Органы сердца своего.

Кѣмъ спѣны града вознесенны,
Не соберешъ ли пошъ гражданъ?
Кѣмъ скорби духа изцѣленны,
Плошскихъ не изцѣлишъ ли ранъ?

Создавый солнцы, круги звѣзды,
И имъ нареکشій имена,
Великъ Господь! великъ! — И бездны
Его премудроспи нѣшъ дна.

Онъ крошкихъ въ милоспъ принимаешъ
И праведнымъ даешъ покровъ;
Надменныхъ власпъ уничпожаешъ
И грѣшныхъ низвергаешъ въ ровъ.

Начнишежъ Бога вы, начнише,
О горды, познавать, умы!
И въ похвалу Ему спѣшише
Успроишъ гусли и псалмы.

Онъ небо мракомъ облакая,
Гоповишъ въ пучахъ дождь браздамъ;
Росою горы проникая,
Изводишъ злакъ на службу намъ.

Даешъ звѣрямъ и пшцамъ пищу,
И насѣкомымъ и червямъ:
Такъ рубище даруешъ нищу,
Какъ діадиму и Царямъ.

Не конскихъ крѣпкихъ мышцъ желаетъ,
Не къ мужеству благоволишъ:
Но на Него кто уповаетъ,
Онъ любящихъ Его хранишъ.

X.

ЩАСТЛИВОЕ СЕМЕЙСТВО.

Блаженъ, кпо Господа боишся
И по пущамъ Его идешь,
Своимъ доспапкомъ насладишся
И въ благоденствѣ поживеши.

Въ дому его нѣтъ ссоръ, развраща;
Но миръ, покой и пишина:
Какъ маслина плодомъ богаша,
Красой и нравами жена.

Какъ розы, киспи винограда
Румянцомъ веселятъ своимъ,
Его благословенны чада
Такъ милы вкругъ прапезы съ нимъ.

Такъ щасливъ, такъ благополученъ
И такъ блаженъ поплъ человекъ,
Кпо съ чеспью, правдой неразлученъ
И въ Божьемъ спрахѣ вель свой вѣкъ.

Благословишся опъ Сіона,
Благая снидушъ вся шому,
Кпо слезъ виновникомъ и спона
Въ сей жизни не былъ никому.

Кто не вредишь и не обидишь,
И зломъ не воздаешь за зло,
Сыны сыновъ своихъ увидишь
И въ жизни всякое добро.

Миръ въ жизни сей, и миръ въ дни оны,
Въ обители избранныхъ душъ,
Тебѣ, чувствительный, незлобный,
Благочестивый, добрый мужъ!

ХІ.

УСПОКОЕННОЕ НЕВѢРІЕ.

Когда по правда, человѣкъ!
 Что цѣпь печалей весь свой вѣкъ:
 По чтожъ намъ вѣкомъ долгимъ льстишься?
 На поль, чтобъ плакать и крушишься,
 И мѣря жизнь свою поскою,
 Не знаешь оправды никакой?

Кончашъ день золь днемъ золь другихъ,
 Спрашишься радостей своихъ,
 На щастья блескъ не полагаешься,
 И каждый мигъ того бояшься:
 Вошь грусть, вошь скорбь, вошь смерть при-
 дешъ!

Начала всѣ конецъ сѣчешъ.

Младенецъ лишь родился въ свѣтъ,
 Увы! увy! онъ вопіешъ.
 Ужъ чувствуетъ свое онъ горе;
 Низверженъ въ преволненно море,
 Волной несется чрезъ волну,
 Песчинка въ вѣчну глубину.

Се нашей жизни образецъ!
 Се нашихъ всѣхъ суешь вѣнецъ!
 Что жизнь?—Жизнь смерти плѣнно сѣмя.
 Что жишь?—Жишь мигъ лепяща время.
 Едва почувствовалъ, познаешь,
 Познаешь ничтожество, —спрадашь.

Спрадаць, — и скорбно чувствую мукъ
 Умѣшь еще сносить безъ скукъ.
 На то ли создалъ ты опъ вѣка,
 О Боже! бремена челоуѣка?
 Творецъ! Но на Тебяль ропшашъ?
 Такъ чпожъ оспалосся? — спрадаць.

Такая жизнь не жизнь, — но адъ;
 Змія въ груди, геенна, адъ,
 Живаго жрець меня до гроба.
 Ахъ! еспьли самая пажъ злоба
 По смерти мспишь намъ и въ гробахъ:
 Когожъ Творцемъ назвашъ? — Кпо благъ?

Лишь Парки жизни нишь прервущъ,
 Ужъ встрѣчу Фуріи бѣгущъ;
 Опселя изъемлетъ скоропечность:
 А памъ, а памъ разверста вѣчность!
 Дрожу! — Ліешся въ жилахъ хладъ.
 О вѣчность, вѣчна мука, адъ!

Но чпо? — Зрю молніи кругомъ!
 Въ свирѣпой бурѣ слышу громъ,
 Перунъ перуны прерываешъ,
 Звучнѣй всѣхъ громовъ гласъ взываешъ:
 „Богъ благъ, опецъ Онъ пвари всей;
 „Ты золь, — и адъ въ душѣ пвоей.

Божественный сей крѣпкій гласъ
 Кичливый духъ во мнѣ попрясъ;
 Возпрепешала совѣсть черна,
 Изчезла мысль неимовѣрна,
 Прошли опчаянья мечпы:
 Всесильный!—помоги мнѣ Ты!

Уйми спраспей моихъ Ты шумъ
 И бурный обуздай мой умъ;
 Чего поняшь онъ не возможешъ,
 Да благосъ въ помъ Твоя поможешъ,
 Чшобъ я средъ золь покоень былъ,
 Терпя бѣды, Тебя любилъ!

Поборствуй руку лобызашъ,
 Котора поднята карашъ.
 Средъ юности моей неспѣлой,
 Средъ зрѣлой жизни, преспарѣлой,
 Средъ ярыхъ волнь, мірскихъ суешъ,
 Дай силъ сносишь мнѣ иго бѣдъ!

Чшобъ меньше скорѣби ощущашъ,
 Собою больше обладашъ,
 Пошли, пошли Творецъ вселенной
 Своей Ты пвари бѣдной, бренной,
 Небесну помощь съ высоты;
 Ты щедръ, щедрость источникъ Ты!

Надъ безднами горящихъ шѣлъ,
 Которыхъ лучъ не долетѣлъ
 До насъ еще съ начала міра,
 Отколы, среди зыбей эѳира,
 Всѣхъ звѣздъ, всѣхъ лунъ, всѣхъ солнцевъ видъ,
 Какъ злачный червь, во шмѣ блеспишъ:

Тамъ внемлешь насѣкомымъ Богъ. —
 Доспигъ мой вопль въ Его чершогъ.
 Я зрю, избрана прежде вѣка
 Грядешь покоишь человѣка;
 Надежды вѣпъ въ рукѣ у ней:—
 Ты Вѣра?—Миръ душѣ моей!

Ты мысли дерзкія плѣнишь,
 Сердцамъ незлобіе даришь,
 Терпѣньемъ души укрѣпляешь,
 На подвигъ немошь ободряешь,
 Ты кропкимъ свѣпъ и красопа,
 Ты гордымъ мракъ и суеша.

Приспойно цѣль имѣпъ уму,
 Куда паря летѣпъ ему.
 Пусть все подвержено сумнѣнью:
 Но безъ Творца какъ быпъ пворенью?
 Его шы, Вѣра, учишь знапъ,
 Любишъ, молишъ,—не поспигапъ.

Непоспѣжимый сей Творецъ
Да будешь мой покровъ, опецъ!
Онъ взоромъ волны укрощаешь,
Онъ всей Природой мнѣ вѣщаешь:
„Испытываешь судьбы забудь,
„Надѣйся, вѣрь, — и щаспливъ будь.„

О вы! чпо мысли оспрошой,
Развраща славипесь мечшой,
Послѣдую сему примѣру,
Прійдише, обѣимите вѣру;
Она одна спокоишь васъ,
Упѣшишь въ самый смерпный часъ.

XII.

Ф Е Л И Ц А.

Богоподобная Царевна
 Киргиз-Кайсацкія орды!
 Кошорой мудроспъ несравненна
 Открыла вѣрные слѣды
 Царевичу младому Хлору
 Взойши на шу высоку гору,
 Гдѣ роза безъ шиповъ расшешъ,
 Гдѣ добродѣпель обипашъ:
 Она мой духъ и умъ плѣняешъ,
 Подай, найши ее, совѣшъ.

* * *

Подай, Фелица! наспавленье:
 Какъ пышно и правдиво жишъ,
 Какъ укрощашъ спрасшей волненье
 И щаспливымъ на свѣшъ бышъ?
 Меня Твой голосъ возбуждаешъ,
 Меня Твой сынъ препровождаетъ;
 Но имъ послѣдовашъ я слабъ.
 Мяпясь жипейской суешою,
 Сего дня власпвую собою:
 А завпра прихотямъ я рабъ.

Мурзамъ Твоимъ не подражая,
 Почасу ходишь Ты пѣшкомъ,
 И пища самая просшая
 Бываешь за Твоимъ споломъ;
 Не дорожа Твоимъ покоемъ,
 Чишаешь, пишаешь предъ налоемъ
 И всѣмъ изъ Твоего пера
 Блаженство смерпнымъ проливаешь;
 Подобно въ карпы не играешь,
 Какъ я, опъ упра до упра.

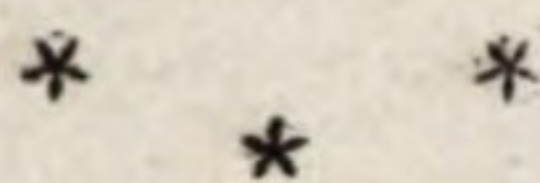
Не съ лишкомъ любишь маскарады,
 А въ клобъ не спужишь и ногой;
 Храня обычаи, обряды,
 Не донкишотспвуешь собой;
 Коня Парнаסקа не сѣдлаешь,
 Къ духамъ въ собранье не въѣзжаешь,
 Не ходишь съ прона на Воспокъ:
 Но кропоспи ходя спезею,
 Благопворящею душею,
 Полезныхъ дней проводишь покъ.

А я, проспавши до полудни,
 Курю табакъ, и кофе пью;
 Преображая въ праздникъ будни,
 Кружу въ химерахъ мысль мою:
 То плѣнь опъ Персовъ похищаю,
 То стрѣлы къ Туркамъ обращаю;
 То возмечшавъ, что я Сулпанъ,
 Вселенну успрашаю взглядомъ;
 То вдругъ, прельщаяся нарядомъ,
 Скачу къ поршному по кафшанъ.

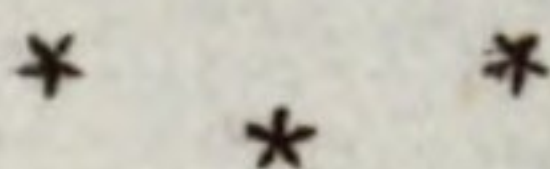
Или въ пиру я пребогатомъ,
 Гдѣ праздникъ для меня даюшъ,
 Гдѣ блещешъ споль сребромъ и злапомъ,
 Гдѣ пысячи различныхъ блюдь;
 Тамъ славный окорокъ Веспфальской,
 Тамъ звенья рыбы Аспраханской,
 Тамъ пловъ и пироги спояшъ,
 Шампанскимъ вафли запиваю;
 И все на свѣшъ забываю
 Средь винъ, сластей и ароматъ.

Или средь рощицы прекрасной
 Въ бесѣдкѣ, гдѣ фоншанъ шумишь,
 При звонѣ арфы сладкогласной,
 Гдѣ вѣшперокъ едва дышишь,
 Гдѣ все мнѣ роскошь представляешь,
 Къ ушѣхамъ мысли уловляешь,
 Томишь и оживляешь кровь:
 На бархатномъ диванѣ лежа,
 Младой дѣвицы чувствва нѣжа,
 Вливаю въ сердце ей любовь.

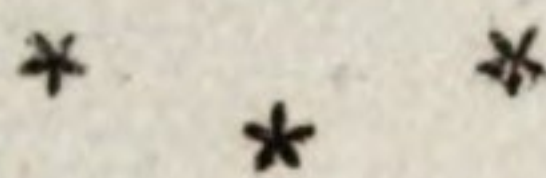
Или великолѣпнымъ цугомъ
 Въ каретѣ Англинской, златой,
 Съ собакой, шупомъ, или другомъ,
 Или съ красавицей какой
 Я подь качелями гуляю;
 Въ шинки пипъ меду заѣзжаю:
 Или, какъ по наскучишь мнѣ,
 По склонности моей къ премѣнѣ,
 Имѣя шапку на бекренѣ,
 Лечу на рѣзвомъ бѣгунѣ.

Или музыкой и пѣвцами,
 Органомъ и волынкой вдругъ,
 Или кулачными бойцами
 И пляской веселю мой духъ;
 Или о всѣхъ дѣлахъ заботу
 Оставя, ѣзжу на охопу,
 И забавляюсь лаемъ псовъ;
 Или надъ Невскими берегами
 Я шѣшусь по ночамъ рогами
 И греблей удалыхъ гребцовъ.

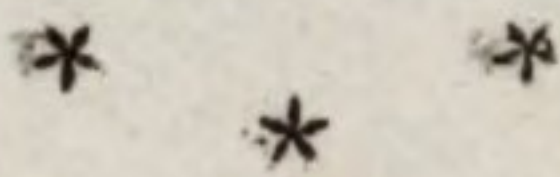
Иль сидя дома я прокажу,
 Играя въ дураки съ женой;
 То съ ней на голубяшню лажу,
 То въ жмурки рѣзвимся порой;
 То въ свайку съ нею веселюся,
 То ею въ головъ ищуся;
 То въ книгахъ рыпсья я люблю,
 Мой умъ и сердце просвѣщаю,
 Полкана и Бову чишаю;
 За Библией зѣвая сплю.

Таковъ, Фелица, я разврапень!
 Но на меня весь свѣтъ похожъ.
 Кто сколько мудросью ни знапень;
 Но всякой человѣкъ есть ложъ. —
 Не ходимъ свѣша мы пущами,
 Бѣжимъ разврапа за мечшами.
 Между лѣнпьемъ и брызгой,
 Между щеславья и порокомъ,
 Нашель кто развѣ не нарокомъ
 Путь добродѣтели прямой.

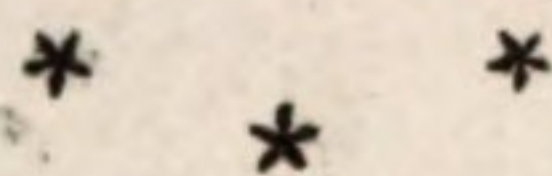
Нашель; — но лзяль не заблуждапсья
 Намъ слабымъ смерпнымъ въ семъ пущи,
 Гдѣ самъ разсудокъ спопыкапсья
 И долженъ въ слѣдъ спраспямъ идши;
 Гдѣ намъ ученые невѣжды,
 Какъ мгла у пупниковъ, шмяпъ вѣжды? —
 Вездѣ соблазнъ и лесъ живепъ:
 Пашей всѣхъ роскошь угнѣпаепъ. —
 Гдѣжъ добродѣтель обипаепъ? —
 Гдѣ роза безъ шиповъ распепъ?

Тебѣ единой лишь приспойно,
 Царевна! свѣтъ изъ тмы шворишь;
 Дѣля Хаосъ на сферы стройно,
 Союзомъ цѣлостъ ихъ крѣпишь;
 Изъ разногласія согласье
 И изъ спраспей свирѣпыхъ щасье
 Ты можешь только созидать.
 Такъ кормщикъ, черезъ поншъ плывущій,
 Ловя подъ парусъ вѣпръ ревуцїй,
 Умѣешь судномъ управлять.

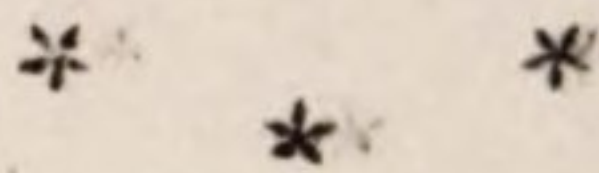
Едина Ты лишь не обидишь,
 Не оскорбляешь никого,
 Дурачествы сквозь пальцы видишь,
 Лишь зла не терпишь одного;
 Проступки снисхожденьемъ правишь,
 Какъ волкъ овецъ, людей не давишь,
 Ты знаешь прямо цѣну ихъ.
 Царей они подвластны волѣ:
 Но Богу правосудну болѣ,
 Живущему въ законахъ ихъ.

Ты здраво о заслугахъ мыслишь,
 Достойнымъ воздаешь Ты честь;
 Пророкомъ Ты того не числишь,
 Кто только риѣмы можешь плеснь:
 А что сія ума забава,
 Калифовъ добрыхъ честь и слава.
 Снизходишь Ты на лирный ладъ;
 Поэзія Тебѣ любезна,
 Пріятна, сладостна, полезна,
 Какъ лѣпомъ вкусный лимонадъ.

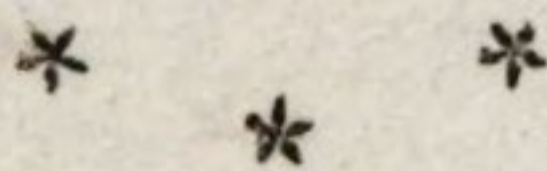
Слухъ идесть о Твоихъ поступкахъ,
 Что Ты ни мало не горда;
 Любезна и въ дѣлахъ и въ шушкахъ,
 Пріятна въ дружбѣ и пверда;
 Что Ты въ напасяхъ равнодушна:
 А въ славѣ пакъ великодушна,
 Что опреклась и мудрой слышь.
 Еще же говоряшь не ложно,
 Что будпо завсегда возможно
 Тебѣ и правду говоришь.

Неслыханное также дѣло,
 Достойное Тебя одной,
 Что будто Ты народу смѣло
 О всемъ, и взявъ и подъ рукой,
 И знашь и мыслишь позволяешь,
 И о Себѣ не запрещаешь
 И былъ и небыль говоришь;
 Что будто самымъ крокодиламъ,
 Твоихъ всѣхъ милоспей Зоиламъ,
 Всегда склоняешься просишь.

Спремяпся слезъ пріятныхъ рѣки
 Изъ глубины души моей.
 О! коль щаспливы человеки
 Тамъ должны бышь судьбой своей,
 Гдѣ Ангель крошкой, Ангель мирной,
 Сокрытый въ свѣтлости порфирной,
 Съ небесъ низпосланъ скиптръ носишь!
 Тамъ можно пошепташъ въ бесѣдахъ,
 И казни не боясь, въ объѣдахъ
 За здравіе Царей не пишь.

Тамъ съ именемъ Фелицы можно
 Въ спрокъ описку поскоблишь,
 Или порпнешь неосторожно
 Ея на землю уронишь.
 Тамъ свадебъ шуповскихъ не паряшь,
 Въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жаряшь,
 Не щолкаюшь въ усы вельможъ;
 Князя насѣдками не клохчущъ,
 Любимцы въявь имъ не хохочущъ
 И сажей не мараюшь рожъ.

Ты вѣдаешь, Фелица! правы
 И человѣковъ и Царей;
 Когда ты просвѣщаешь нравы,
 Ты не дурачишь такъ людей;
 Въ Твои опъ дѣль опдохновенъи,
 Ты пишешь въ сказкахъ поученьи,
 И Хлору въ азбукъ швердишь:
 „Не дѣлай ничего худова,
 „И самого сапира злова
 „Лжецомъ презрѣннымъ сотворишь.

Спыдишься слышь Ты шѣмъ великой,
 Чшобъ спрашной, не любимой бышь;
 Медвѣдицѣ прилично дикой
 Живошныхъ рвашь и кровь ихъ пишь.
 Безъ крайняго въ горячкѣ бѣдсхва
 Тому ланцешовъ нужныхъ средсхва,
 Безъ нихъ кто обойшися могъ?
 И славноль бышь шому шираномъ,
 Великимъ въ звѣрсхвѣ Тамерланомъ,
 Кто благосхью великъ, какъ Богъ.

* * *

Фелицы слава, слава Бога,
 Кшпорый брани усмирилъ;
 Кшпорый сира и убога
 Покрыль, одѣль и накормилъ;
 Кшпорый окомъ лучезарнымъ
 Шушамъ, шрусамъ, неблагодарнымъ
 И праведнымъ свой свѣшъ дарилъ;
 Равно всѣхъ смершныхъ просвѣщаешъ,
 Больныхъ покойшъ, изцѣляешъ,
 Добро лишъ для добра творишъ.

Копорый дароваль свободу
 Въ чужія обласи скакашь,
 Позволилъ своему народу
 Сребра и золоша искашь;
 Копорый воду разрѣшаешь,
 И лѣсъ рубишь не запрещаешь;
 Велишь и шкашь, и прясшь, и шишь;
 Развязывая умъ и руки,
 Велишь любишь торги, науки,
 И щасье дома находишь.

Копораго законъ, десница
 Даюшь и милоспи и судъ. —
 Вѣщай, премудрая фелица!
 Гдѣ опличень опъ чеспныхъ плушь?
 Гдѣ старосъ по міру не бродишь?
 Заслуга хлѣбъ себѣ находишь?
 Гдѣ месъ не гонишь никого?
 Гдѣ совѣсць съ правдой обишаюшь?
 Гдѣ добродѣтели сіяюшь? —
 У прона развѣ Твоего!

Но гдѣ швой пронъ сіяешъ въ міръ?
 Гдѣ, вѣшвъ небесная, цвѣшешъ?
 Въ Багдадѣ—Смирнѣ—Кашемирѣ?—
 Послушай, гдѣ ты ни живешъ;
 Хвалы мои Тебѣ примѣшя,
 Не мни, чшобъ шапки, иль бешмешя
 За нихъ я опъ себя желалъ.
 Почувсшвовашъ добра пріясшво
 Такое ешъ души богапшво,
 Какого Крезъ не собиралъ.

Прошу великаго Пророка,
 Да праха ногъ Твоихъ коснусь,
 Да словъ Твоихъ сладчайша пока
 И лицезрѣнья насладусь!
 Небесныя прошу я Силы,
 Да ихъ проспря сафирны крылы,
 Невидимо Тебя храняшъ
 Опъ всѣхъ болѣзней, золь и скуки;
 Да дѣль швоихъ въ пошомсшвѣ звуки,
 Какъ въ небѣ звѣзды, возблеспяшъ.

XIII.

БЛАГОДАРНОСТЬ ФЕЛИЦЪ.

Предшественница дня злашаго,
Весення ушрення заря,
Когда изъ понша голубаго
Ведешъ къ намъ звѣзднаго Царя,
Румяный взоръ свой ослабляешъ
На чела горъ, на лоно водъ,
Багрянымъ злапомъ покрываешъ
Поля, лѣса и неба сводъ.

Крылапы кони по ээиру
Лешашъ и разсѣкаюшъ мракъ,
Любезное свѣшило міру
Пресвѣплый свой возносишъ зракъ;
Бѣгушъ толпами тѣни черны:
Какое зрѣлище очамъ!
Тамъ блещешъ брегъ въ рѣкѣ зеленый,
Тамъ свѣшашъ перлы по лугамъ.

Тамъ шепи, какъ моря, спруяшся,
Сѣдымъ волнуясь ковылемъ;
Тамъ пучи журавлей спадяшся,
Волпорнъ съ высотъ пуская громъ;
Тамъ небо всюду лучезарно
Янтарнымъ пламенемъ блеспишъ:
Мое такъ сердце благодарно,
Къ Тебѣ усердіемъ горишъ.

Къ Тебѣ усердіемъ, Фелица,
 О кропкій Ангелъ во плоти!
 Кошорой разумъ и десница
 Намъ кажутъ къ щасію пути.
 Когда Тебѣ въ неліцемѣрномъ
 Угодна слогъ проспоша,
 Внемли:—но въ чувствіи безмѣрномъ
 Мои безмолвствуютъ уста.

Когда поверхъ спруиспой влаги
 Благопріятный дунетъ вѣтръ,
 Попутны возпрепятствую флаги
 И ляжетъ между водныхъ нѣдръ
 За кораблемъ серебро грядою:
 Тогда испустятъ гласъ пловцы,
 И съ восхищенною душою
 Вселенной полетятъ въ концы.

Когда небесный возгорится
 Въ Пѣишъ огонь, онъ будетъ пѣишъ;
 Когда опъ бремя дѣлъ случится
 И мнѣ свободный часъ имѣть:
 Я праздноши оставлю узы,
 Игры, бесѣды, суеты;
 Тогда ко мнѣ прійдутъ музы,
 И лирой возгласишься Ты.

XIV.
НА ОТСУТСТВІЕ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА
ВЪ БѢЛОРУССІЮ.

Не бряцай печальна лира
Громкой пѣсни ты сей часъ,
Благодѣшельница міра
Удалилася опъ насъ.
Музь Богиня удалилась,
Изъ Пепрополя сокрылась
Машерь опъ своихъ дѣшей:
Солнцу красному подобно,
Щасъе, кажешся, народно
Укапилось за ней.

* * *

Пусшы дома, пусшы роци,
Пусшопа у насъ въ сердцахъ.
Какъ среди глубокой ноци
Дремлешъ пишина въ лѣсахъ,
Вся природа унываешъ,
Мракъ боязни разсѣваешъ,
Ужасъ ходишъ по слѣдамъ;
Еспълибъ вѣпры не дышали
И попоки не журчали,
Образъ смерши зрѣлсябъ намъ.

*

Такъ, съ Тобою въ разлученьи,
 Скорбью мы помрачены;
 Лишь о насъ Твои раченьи
 Оживленье сей спраны.
 Мы успавы получаемъ,
 Вновь блаженство почерпаемъ
 Опъ премудрости Твоей;
 Но оно съ Тобой намъ краше:
 Возвратись, свѣпило наше!
 Возвратись къ намъ скорѣй.

* * *

Человѣчество Тобою,
 Истина и совѣсть въ судъ
 Сей начальствовати спраною
 Въ велелѣніи грядущъ;
 Благодашь на нихъ сіяешь,
 Памятникъ изображаешь
 Твой изъ радужныхъ лучей;
 Злосъ поверженна скрежещешь,
 Въ узахъ ябеда прещешь;
 Гласъ зовешь Твоихъ людей.

Будь усердія свидѣтель,
 Благодарность нашу зри.
 Ежели за добродѣтель
 Обожаемы Цари:
 Зри Ты жерпвы непорочны,
 Олпари Тебѣ заочны
 Въ сердцѣ щимся созидашь,
 Въ души Твой законъ влагаемъ,
 И въ воспоргѣ восклицаемъ:
 Возвращися наша Мать!—

* * *

Возвращися! — И успавы
 Ты Собою освяти,
 Къ храму щасія и славы
 Намъ являючи пуши.
 Возвращися! — Еспълижъ должно,
 Продолжай пущь неопложно
 Къ ушѣшенью спранъ другихъ;
 Пущь спраны узряшъ иныя
 Всѣ величешва земныя
 Въ добродѣтеляхъ Твоихъ.

Пусть и дальны зряшъ народы
 Крошосъ Твоего лица,
 Власъ, пріятнѣйшу свободы,
 Привлекающе сердца!
 Пусть Цари Тебѣ дивятся,
 Мирно царствовашъ учаща,
 Мирный Твой храня завѣшъ; —
 И проспра Европа длани,
 Пусть Тебѣ, на мѣсто дани,
 Благодарность принесетъ.

* * *

Намъ заря предвозвѣщаетъ
 Съ упрямъ солнца красоты;
 Насъ надежда улаждаетъ,
 Возвратишься скоро Ты. —
 Возвратишься, — и опраду
 Принесешь Пепрову граду,
 И Твоимъ черпогамъ свѣшъ.
 Проспирая дѣтски руки,
 Ждутъ Тебя младыя внуки,
 Сынъ Тебя съ супругой ждетъ.

Вспомни ихъ любезны взоры
 И къ Тебѣ всѣ ласки ихъ,
 Ихъ улыбку, разговоры
 Во объятіяхъ Твоихъ.
 По Тебѣ они скучають;
 Гдѣ она, гдѣ? — вопрошають: —
 Возвратише намъ Ее.
 Ждушь Тебя святыя храмы,
 И курящя еиміамы
 Ужь во срѣшеніе Твое.

* * *

О пріятный вѣпръ полдневный!
 Водъ прозрачныя струи!
 Нивы злачны! лѣсъ зеленый!
 Сладкопѣвны соловьи!
 Дни веселы! воздухъ чистый!
 Сельски Нимфы голосисты!
 И пріятная весна! —
 Долгъ Богинѣ отдавайше,
 И мѣста пѣ украшайше,
 Гдѣ грядетъ теперъ Она.

XV.

НА ПРИОБРѢТЕНІЕ КРЫМА.

Лешишь!—и воздухъ озаряешь,
 Какъ вешне упрѣ шихій поншь,
 Лешишь!— и опъ его улыбки
 Живая радость по лугамъ,
 По рощамъ и полямъ ліешся;
 Злапыя Пешпрополя башни
 Блистають, какъ свѣщи;—и шокъ
 Шумливый, бурный,—шокъ Днѣпровскій
 Въ себѣ изображаетъ живо
 Прекрасное лице его.—

* * *

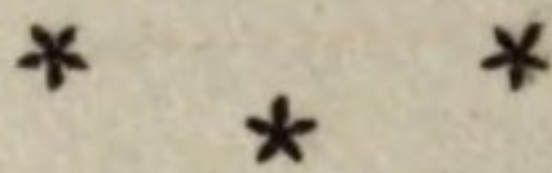
Не слыша громоваго преска,
 Не видя молненной зари,
 Паспухъ и земледѣлецъ въ пѣсняхъ
 Средь хижинъ воспѣваютьъ миръ.
 Опъ удовольствія сердечна
 Спруяпся по ланишамъ слезы
 У нѣжныхъ маперей и женъ;
 Прижавъ онѣ къ грудямъ вѣрнѣйшимъ
 Пришедшихъ въ домъ своихъ героевъ,
 Въ воспоргѣ вопрошаютъ: — кто?—

Который Богъ, который Ангель,
 Который челоѡковъ другъ,
 Безкровнымъ увѣнчалъ васъ лавромъ,
 Безъ брани вамъ профеи далъ
 И поржесство? — ЕКАТЕРИНА;
 Та вѣнценосна добродѣтель,
 То воплощенно божесство,
 Которое дождишь блаженствы. —
 Они вѣщали пакъ любезнымъ,
 Повѣся громы на спѣнѣ.

* * *

Увидѣль Марсъ, — нахмурилъ брови,
 Скрежещеть и кричишь, ярься:
 „Какъ! — миръ? — И безъ меня побѣды? —
 „Я васъ!,, — Но, будучи сраженъ
 Вдругъ съ сѣвера сіяньемъ кропкимъ,
 Упалъ съ желѣзной колесницы;
 Его паденье раздалося
 Внутрь сердца Зависпи, — и проснь,
 Водимая умомъ обширнымъ,
 Безсмертной пальмой обвилась.

Россія наложила руку
 На Тавръ, Кавказъ и Херсонесъ,
 И разпуспя въ Босфоръ флаги,
 Сшамбулу флошами гремишь;
 Не подвиги Готфридовъ храбрыхъ
 И не Кресповски древни рапи,
 Се мой пеперь паришь орель!
 Магмешъ, опъ ужаса блѣднѣя,
 Заносишь изъ Европы ногу, —
 И возрасшаешъ Конспаншинъ!

Цирцея опъ досады воешь,
 Волшебство все ея ничто;
 Ахеянъ, въ шварей превращенныхъ,
 Минерва вновь шворишь людьми;
 Осклабься Пифагоръ дивишся,
 Чшо мнѣніе его сбылося,
 Чшо зришь онъ преселенье душъ:
 Гомеръ изъ спрекозы изходишь,
 И громогласнымъ сладкимъ пѣньемъ
 Не баснь, — но истину поешъ.

Какая незабвенна слава!

Какая звучная хвала!

Екатери́нина держава

И мудрыя Ея дѣла

Кого и гдѣ не удивили?

Которые Цари доспигли

Величества Ея добропѣ?

На пронѣ со кропоспью вспунила,

На пронѣ кропоспѣ воцарила. —

Чудесь источникъ и щедропѣ!

XVI.

ВИДѢНІЕ МУРЗЫ.

На темноглубомъ эфирѣ
Злашая плавала луна,
Въ серебряной своей порфирѣ
Блиспаючи съ высотъ, она
Сквозь окна домъ мой освѣщала,
И палевымъ своимъ лучемъ
Злашая спекла рисовала
На лаковомъ полу моемъ.
Сонъ помною своей рукою
Мечпы различны рассыпалъ,
Кропя забвенія рососою
Моихъ домашнихъ усыплялъ;
Вокругъ вся область почивала,
Пешпрополь съ башнями дремалъ,
Нева изъ урны чуть мелькала,
Чуть Бельшъ въ берегахъ своихъ сверкалъ;
Природа въ тишину глубоку
И въ крѣпкомъ погруженна снѣ,
Мертва казалась слуху, оку,
На высотъ и въ глубинѣ;
Лишь вѣяли одни зephyры,
Прохладу чувстввамъ принося.
Я не спалъ,—и со звономъ лиры
Мой тихій голосъ соглася,
Блаженъ, воспѣлъ я, кто доволенъ

Въ семь свѣтъ жребіемъ своимъ,
 Обилень, здоровъ, покоень, волень
 И щаспливъ лишъ собой самимъ;
 Кшо сердце чисто, совѣсть праву
 И пвердый нравъ хранишь въ свой вѣкъ,
 И всю свою въ помъ спавишь славу,
 Чшо онъ лишъ добрый человѣкъ;
 Чшо карлой онъ и великаномъ,
 И дивомъ свѣта не рождень,
 И чшо не созданъ испуканомъ
 И оныхъ чпишь не принуждень;
 Чшо всѣ сего блаженспвы міра
 Находишь онъ въ семьѣ своей;
 Чшо нѣжная его Плѣнира
 И вѣрныхъ нѣсколько друзей
 Съ нимъ могушь въ часъ уединенный
 Дѣлишь и скуку и пруды! —
 Блажень и пошь, кому Царевны
 Какой бы ни было орды,
 Изъ перемовъ своихъ янпарныхъ,
 И сребророзовыхъ свѣплиць,
 Какъ будпо изъ улусовъ дальныхъ,
 Украдкой опъ придворныхъ лицъ,
 За розказни, за разшабары,
 За вирши, иль за чшо нибудь,
 Изподпишка драгіе дары
 И въ досканцахъ червонцы шлюшь;
 Блажень! — Но съ рѣчью сей незапно
 Мое все зданье попряслось,
 Раздвиглись спѣны, и спокрашно

Ярчѣе молній пролилось
 Сіянье вкругъ меня небесно;
 Сокрылась, поблѣднѣвъ, луна.
 Видѣнье я узрѣлъ чудесно:
 Сошла со облаковъ жена, —
 Сошла, — и жрицей очутилась,
 Или Богиней предо мной.
 Одежда бѣлая спруилась
 На ней серебряной волной;
 Градская на главѣ корона,
 Сіялъ при персяхъ поясъ златъ;
 Изъ черноогненна виссона,
 Подобный радугѣ, нарядъ
 Съ плеча деснаго половою
 Висѣлъ на лѣвую бедру;
 Просперпой на олтарь рукою
 На жертвенномъ она жару
 Сжигая маки благовонны,
 Служила вышню Божеству.
 Орель полунощный, огромный,
 Сопутникъ молній торжеству,
 Геройской провозвѣстникъ славы,
 Сидя предъ ней на грудѣ книгъ,
 Священны блюлъ ея уславы;
 Пошухшій громъ въ коихъ своихъ
 И лавръ съ оливными вѣтвями
 Держалъ, какъ будто бы уснувъ.
 Сафировѣстыми очами,
 Какъ въ гнѣвъ, или въ жару, блеснувъ,
 Богиня на меня воззрѣла. —

Пребудеть образъ въ вѣкъ во мнѣ,
 Она копорый впечатлѣла! —
 „Мурза! она вѣщала мнѣ:
 „Ты бышь себя щаспливымъ чаешь,
 „Когда по днямъ и по ночамъ
 „На лирѣ ты своей играешь
 „И пѣсни лишь поешь Царямъ.
 „Возпрепещи, Мурза нещасный!
 „И спрашны испины внемли,
 „Копорымъ спихопворцы спрасшны
 „Едва ли вѣряшь на земли;
 „Одно къ тебѣ лишь доброхотство
 „Мнѣ ихъ открыть велишь. — Когда
 „Поэзія не сумазбродство,
 „Но вышній даръ Боговъ: — тогда
 „Сей даръ Боговъ лишь къ чеспи
 „И къ поученью ихъ пущей
 „Бышь долженъ обращенъ, не къ леспи
 „И плѣнной похвалѣ людей.
 „Владыки свѣта люди шѣже,
 „Въ нихъ спраспи, хопъ на нихъ вѣнцы;
 „Ядъ леспи ихъ вредишь не рѣже:
 „А гдѣ поэты не льстецы?
 „И ты Сирень поющихъ грому,
 „Въ вредъ добродѣтели, не спрой;
 „Благошворителю прямому
 „Въ хвалѣ нѣтъ нужды никакой. —
 „Хранящій мужъ честные нравы,
 „Творяй свой долгъ, свои дѣла,
 „Царю приносишь больше славы,
 „Чѣмъ всѣхъ пѣшовъ похвала. —

„Оспавъ некшаромъ наполненну
 „Опасну чашу, гдѣ скрытъ ядъ.,, —
 Кого я зрю споль дерзновенну,
 И чи и успа меня разятъ?
 Кшо ты?—Богиня, или жрица?
 Мечшу споящу я спросиль. —
 Она рекла мнѣ: — “Я Фелица;“
 Рекла, — и свѣпмый облакъ скрылъ
 Опъ глазъ моихъ ненасыщенныхъ
 Божеспвенны ея черпы;
 Куреніе маспикъ безцѣнныхъ
 Мой домъ, и мѣспо по цвѣпы
 Покрыли, гдѣ она явилась.
 Мой Богъ! мой Ангелъ во плоши!
 Душа моя за ней спремила;ь;
 Но я за ней не могъ иппи,
 Подобно громомъ оглушенный,
 Безчувспвенъ я, безгласенъ былъ.
 Но шокомъ слезнымъ орошенный
 Пришелъ въ себя и возгласиль:
 Возможноль, кропкая Царевна!
 И пы къ Мурзѣ чшобъ своему
 Была сурова споль и гнѣвна,
 И спрѣлы къ сердцу моему
 И пы, и пы чшобы бросала,
 И пламени души моей
 Къ себѣ и пы не одобряла?
 Довольно безъ тебя людей,
 Довольно безъ тебя Поэшу,
 За каждую мысль, за каждый спихъ,
 Ошвѣпспвовапъ лихому свѣпу

И опъ сапиръ щипишься злыхъ!
 Довольно золопыхъ кумировъ,
 Безъ чувствъ мои чпо пѣсни чли;
 Довольно Кадіевъ, Факировъ,
 Копоры въ зависпи сочли
 Тебѣ ихъ неприличной леспью;
 Довольно нажилъ я враговъ!
 Иной опнесъ себѣ къ безчеспью,
 Чпо не дерупъ его усовъ;
 Иному показалось больно,
 Чпо онъ насѣдкой не сидишь;
 Иному—очень своевольно,
 Съ Тобой Мурза Твой говоришь;
 Иной вмѣнялъ мнѣ въ преспупленье,
 Чпо я посланницей съ небесъ
 Тебя бышь мыслилъ въ восхищеньѣ
 И лилъ въ воспоргѣ поки слезъ.
 И словомъ: пошъ хопѣлъ арбуза,
 А пошъ соленыхъ огурцовъ:
 Но пусть имъ здѣсь докажешь муза,
 Чпо я не изъ числа льспецовъ;
 Чпо сердца моего поваровъ
 За деньги я не продаю,
 И чпо не изъ чужихъ анбаровъ
 Тебѣ наряды я крою;
 Но, вѣнценосна добродѣпель!
 Не леспъ я пѣлъ и не мечпы,
 А по, чему весь мѣръ свидѣпель;
 Твои дѣла супъ красопы. —
 Я пѣлъ, пою и пѣшь ихъ буду,

И въ шупкахъ правду возвѣщу;
Тапарски пѣсни из-под-спуду,
Какъ лучь, попомспву сообщу;
Какъ солнце, какъ луну, пославлю
Твой образъ будущимъ вѣкамъ;
Превознесу Тебя, прославлю;
Тобой безсмертенъ буду самъ.

XVII.

КЪ КАЛЛІОПЪ.

Сойди, безсмертная, съ небесъ
Царица пѣсней, Калліопа!
И. громкую трубу твою,
Иль лучше лиру нѣжно звучну,
Иль, есѣли хочешь, голосъ твой
Ты согласи со мной.

Ужъ, кажется, я слышу бѣгъ
Твоихъ по арфѣ рѣзвыхъ персповъ,
Какъ гибкій при моряхъ проспникъ
Опъ порханья звенитъ зефировъ,
Далекимъ вѣпорясъ шумомъ волнъ:
Таковъ твоихъ спрунъ звонъ.

Ужъ въ легкихъ сизыхъ облакахъ
Прекрасна дѣва съ неба сходишь:
Смѣющійся въ очахъ сапфиръ,
Спыдливыя въ ланипахъ розы,
Багряную въ усахъ зарю,
Въ власахъ я злапо зрю.

Во сладкомъ испуленьи семъ
 Весь свѣрь зришся мнѣ Эдемомъ,
 И осень кажется весной;
 Въ кристальныхъ льдахъ зрю лѣсъ зеленый,
 Въ шѣняхъ ночныхъ поля злапы;
 А по снѣгамъ цвѣты.

Во мглѣ темнозеленой, тамъ
 Я вижу, нѣкпо древъ подъ сводомъ
 Лѣпообразенъ, спашенъ, младъ,
 Вокругъ главы его сіяють
 Спруями межъ лисповъ лучи;
 У ногъ шумятъ ключи.

Кпо сей, къ копорому идешъ
 Толь весело любезна дѣва,
 Какъ къ брапу своему сеспра,
 Какъ къ жениху въ черпогъ невѣспа?
 Зрю сходство въ ихъ очахъ, черпахъ;
 Какъ будпо въ близнецахъ.

Кпо ты, божественна чета?
 Какъ огонь со пламенемъ сближаясь,
 Единъ соспавишь хочешь лучъ!
 Не ты ли свѣта Богъ прекрасный
 Пришелъ съ небесъ на землю вновь
 Торжествовать любовь?

Уже согласіе сердець
 На нѣжныхъ арфахъ раздается,
 Белмолвно слушаешь земля;
 Склонились башни, рощи, горы,
 Ревущій водометъ ушихъ, —
 Споишь, — глядишь на нихъ.

На мягкой шелковой правѣ,
 Въ долину, миромъ осѣненной,
 Гдѣ шепчетъ съ розой чуть зефиръ,
 Чуть синій ключъ журча вѣется,
 Чуть дышетъ воздухъ ароматъ,
 Возлюбленны сидятъ.

Вокругъ ихъ спраспныхъ горлицъ вздохъ,
 Пѣснь лебедей въ дали несется,
 Обнявшись кусты споятъ,
 Роскошсшвуешь во всемъ природа;
 Все нѣжитъ, оживляетъ кровь,
 Все чувсшвуешь любовь.

Спрѣла ея средь ихъ сердець,
 Какъ лучъ межъ двухъ холмовъ криспальныхъ,
 По ихъ краямъ съ небесъ лепя,
 Сперва скользитъ, не проникаетъ;
 Но опъ спекла въ спектръ блещитъ,
 И роза въ нихъ горитъ.

Съ Олимпа множествомъ очесъ
 Сквозь твердь на нихъ янтарну смотришь
 Безсмертныхъ ликъ и масть боговъ,
 Какъ водъ въ струяхъ звѣзда вечерня,
 Съ высопъ любуется собой,
 Въ нихъ видя образъ свой.

Все улыбается на нихъ,
 Все пламень чистый, непорочный,
 Въ сердцахъ ихъ нѣжныхъ и молодыхъ
 Родящийся, благословляетъ.
 Всѣмъ добродѣтель въ нихъ видна,
 Какъ въ воздухѣ луна.

Въ златый, блаженный древній вѣкъ,
 Въ красы земны облекшись Боги
 Являлися между людьми,
 Чшобъ въ образъ Царей, Героевъ,
 Устроивашъ блаженство ихъ
 Примѣромъ дѣлъ благихъ.

Такъ кажется и въ нихъ Боговъ,
 Ихъ чадъ, или Монарховъ племя
 Мой восхищенный видишь духъ:
 Онъ бодръ, — и бросишь громы въ злобу,
 Она нѣжна, — и сотворишь
 Въ себѣ невиннымъ щипъ.

О! коль благословенъ пошъ вѣкъ,
 Когда цвѣшущу, благовонну,
 Подобны древу своему
 Сіи младыя вѣшъви будушъ!
 Въ шѣняхъ ихъ опочіешъ миръ,
 И гласъ раздася лиръ.

Но не въ мечшѣль? иль въ явѣ я
 Съ Діаной Аполлона вижу? —
 Нѣшъ!—нѣшъ!—Се пошъ младый Герой,
 Топъ опрокъ мой порфиродный,
 Я чье рожденье възпѣвалъ,
 Возросъ и возмужалъ.

Се онъ, копорому дары
 Сносили Генъи къ колыбели,
 И надѣлили всѣмъ его,
 Чшобъ бышъ на пронѣ челошѣкомъ,
 А въ челошѣкѣ божешшвомъ,
 Всѣхъ согрѣвашъ лучомъ.

Се онъ съ избранною своей!
 Гордись моя, гордися лира
 Пророчешшвомъ шеперь швоимъ,
 Уже оно почши сбылося;
 Мой полубогъ почши ужъ Богъ;
 Онъ всѣхъ сердца возжогъ.

Россія! радостный шокъ слезъ
Пролей, и возведи вокругъ взоры,
И виждь въ профеяхъ у тебя,
Какъ садъ, Екатерины племя
Цвѣшеть! Да поднебесной всей
Онъ дастъ Царицъ, Царей!

Премудрость возлелѣешь ихъ;
Народы, упомясь раздоромъ,
Упросятъ ихъ собой владѣть. —
Пѣвица славы, Калліопа!
Оспанься въ звѣздной въ вѣкъ спранъ:
Они здѣсь Музы мнѣ.

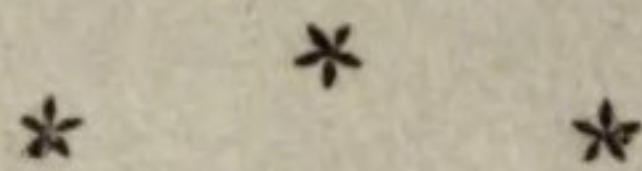
XVIII.
НА ШВЕДСКОЙ МИРЪ.

Ты шеспвуешь въ Пепрополь съ миромъ,
И лавры на главѣ несешь;
Ты провождаешься зефиромъ,
И Россамъ пальмы раздаешь.
Ты шеспвуешь! — Воззри, Царица,
На радоспныя всюду лица,
На сонмы вкругъ Тебя людей:
Не такъ ли на Тебя взирающъ,
Какъ нѣжную весну вспрѣчающъ
Въ одеждѣ розовыхъ зарей?

* * *

Ты шеспвуешь, и осклабляешь
Твой взоръ на нихъ, какъ божеспво;
Одной улыбкой соспавляешь
Воспоргъ Ты нашъ и поржеспво:
Средь свѣшлаго вельможей спроя
Въ Тебѣ Царя, вождя, героя,
И мироносицу мы зримъ;
Ужъ изумленны наши взгляды
Въ Тебѣ чипающъ пѣ опрады,
Чшо миромъ мы получимъ симъ.

Какъ Царь,—Ты наградишь заслуги;
 Какъ Матерь, — призришь Ты сиротъ;
 Лишенные дѣшей супруги
 Воскреснушъ опъ 'Твоихъ щедротъ;
 Освободишь Ты заключенныхъ,
 Обогашишь Ты раззоренныхъ,
 Незлобно винныхъ Ты проспишь;
 По нуждѣ Ты лила шокъ крови,
 Ты въ мирѣ будешь Богъ любви
 И щасъе наше обновишь.

Продлишь злапые наши годы,
 Продлишь всеобщій нашъ покой.
 Безчисленны Твои народы
 Воздремлюшъ подъ Твоей рукой.
 Опъ хижинъ даже до престола,
 На холмѣ и въ срединѣ дола
 Почіешъ бранный Россовъ духъ;
 Всѣ будупъ щаспливы Тобою:
 Законовъ подъ одной черпою
 Равенъ вельможа и паспухъ.

Проспрешь Ты живошворны длани
 На тяжкій земледѣльцевъ прудъ;
 Оппустишь неимущимъ дани,
 Да нивы и луга цвѣшущъ;
 Дохнешь въ вѣприлы корабельны,
 Пошлешь избытки рукодѣльны,
 И рѣки злапа и сребра
 Опъ Орма до Невы прольются;
 Народы чужды къ намъ сберутся
 Вкусишь покоя и добра.

И се ужъ возвѣщають громы
 Событіе блаженныхъ дней;
 По вѣпру трубный звукъ несомый
 Сзываетъ тысячи людей:
 Народъ колеблется, какъ волны,
 Течетъ вездѣ, веселья полный,
 Враговъ цѣлуешь и друзей;
 По спогнамъ гласы раздаются,
 Въ домахъ нѣжнѣйши слезы льются,
 Объемлютъ женъ, опцовъ, дѣшей.

О вы! носящи душу львину,
 Герои, любящіе бой!
 Воззрише на сію каршину,
 Сравнише вы ее съ войной:
 Тамъ всюду ужасъ, спонъ и крики;
 Здѣсь всюду радость, плескъ и лики;
 Тамъ смерть, болѣзнь;—здѣсь жизнь, любовь.
 Я вижу убіенныхъ пѣни
 И слышу вамъ ихъ грозны пени:
 Вы пролили невинну кровь!

* * *

Но, вѣнценосна добродѣшель!
 О Ангель нашихъ пихихъ дней!
 Екатерина! Мы свидѣшель,
 Не Ты виной была смерпей;
 Ты бранной не искала славы,
 Ты наши просвѣщала нравы
 И украшалась пишиной.
 Слеза, щедрошой извлеченна,
 Тебѣ пріятнѣй, чѣмъ вселенна,
 Пріобрѣтенная войной!

XIX.

НА ВЗЯТІЕ ИЗМАИЛА.

О коль Монархъ благополучень,
 Кшо знаешъ Россами владѣть!
 Онъ будешъ въ свѣтѣ славой звучень
 И всѣ сердца въ рукѣ имѣть.

Ода Г. Ломоносова.

* * *

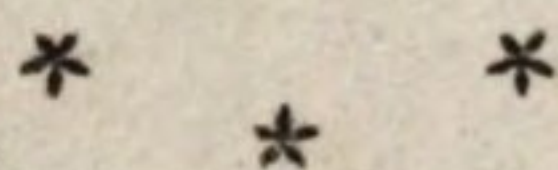
Везувій пламя изрыгаешъ,
 Сползъ огненный во пмѣ спойшъ,
 Багрово зарево зіяешъ,
 Дымъ черный клубомъ въ верхъ лешишъ;
 Краснѣешъ поншъ, ревешъ громъ ярый,
 Ударамъ въ слѣдъ звучашь удары;
 Дрожишъ земля, дождь искръ печешъ;
 Клокочупъ рѣки рдяной лавы:
 О Россъ!—Таковъ швой образъ славы,
 Чшо зрѣль подъ Измаиломъ свѣшъ!

О Россѣ! — О родъ великодушный!
 О твердокаменная грудь!
 О исполинъ, Царю послушный!
 Когда и гдѣ ты досягнешь
 Не могъ себя доспойной славы?
 Твои пруды — тебѣ забавы;
 Твои вѣнцы — вкругъ блескъ громовъ:
 Въ поляхъ ли брань, — ты пмишь сводъ звѣздный;
 Въ моряхъ ли бой, — ты пѣнишь бездны, —
 Вездѣ ты спрахъ пвоихъ враговъ.

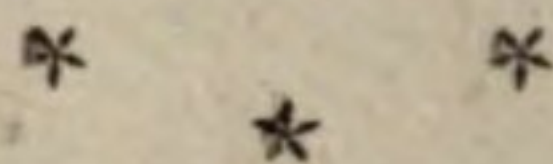
На подвигъ пвой Вождя велѣньемъ
 Ты идешь, какъ женихъ на бракъ.
 Марсъ видишь часпо съ изумленьемъ,
 Чшо и въ бѣдахъ пвой весель зракъ:
 Гдѣ вкругъ драконы мѣдны ржали,
 Изъ прехъ сопъ жерлъ огнемъ дышали,
 Ты шамъ прославился днесъ вновь.
 Вождь рекъ: „Се спѣны Измаила!
 „Да сокрушишь пвоя ихъ сила!,, ...
 И возкипѣла бранна кровь.

Какъ воды съ горъ весной въ долину
 Низвержась, пѣняпся, ревущъ,
 Волнами, льдомъ прясущъ плошину:
 Къ швердынямъ Россы шакъ пекущъ. —
 Ничпо имъ пущъ не воспящаетъ;
 Смершей ли блѣдныхъ полкъ встрѣчаетъ,
 Иль адъ скрежещентъ зѣвомъ къ нимъ:
 Идущъ,—какъ въ шучахъ скрышы громы,
 Какъ двигнушы безмолвны холмы;
 Подъ ними спонъ,—за ними дымъ.

Идущъ въ молчаніи глубокомъ,
 Во мрачной спрашной пишинѣ,
 Собой пренебрегаютъ, рокомъ;
 Зарница только въ вышинѣ
 По ихъ оружію играетъ;
 И только ихъ душа сіяетъ,
 Когда на бой, на смерть идетъ.
 Ужъ блещущъ молніи крылами,
 Ужъ осыпающся громами;
 Они молчатъ,—идущъ впередъ.

Не Бардъ ли древній, испугленный,
 Волшебнымъ ихъ ведешь жезломъ?
 Нѣтъ! выше пастырь вдохновенный
 Предъ ними идетъ со крестомъ;
 Вѣнцы неплѣнны обѣщаетъ
 И кровь проливъ благословляетъ
 За честь, за вѣру, за Царя;
 За нимъ вождей рядъ предъ полками,
 Какъ бурныхъ дней предъ облаками
 Идетъ огнистая заря. —

Идутъ. — Искусство зришь заслугу,
 И сколь ихъ духъ былъ шире великъ;
 Вѣщаетъ слухъ земному кругу:
 Но мнѣ ихъ раздаются крикъ;
 По лѣспвицамъ на градъ, на спогны,
 Какъ шумны волны черезъ волны,
 Они возносясь челомъ;
 Какъ уголь, — ихъ взоры раскалены,
 Какъ львы на шигровъ уснажены, —
 Бѣгутъ, спѣсясь, на огонь, на громъ.

О! чпо за зрѣлище предспало?
 О пагубный, о спрашный часъ!
 Злодѣйство чпо ни вымышляло,
 Поверглось, Россы, все на васъ!
 Зрю камни, ядра, варь и бревны:—
 Но чѣмъ Герои успрашенны?
 Чѣмъ можешъ опраженъ бышь Россъ?—
 Топъ лѣзешъ по бревну на спѣну;
 А топъ лепилъ съ спѣны въ геенну;
 Всякъ Курцій, Децій, Буарозъ!

Всякъ помнишь должностъ, честъ и вѣру,
 Всякъ душу и живошь кладешъ.
 О Россы! нѣшь вамъ, нѣшь примѣру;
 И смертъ сама вамъ лавръ даешъ.
 Тамъ въ грудь, въ сердца лежатъ пронзенны,
 Безъ силъ, безъ чувствъ, полмертвы, блѣдны;
 Но мнятъ еще сперъ вражій рогъ:
 Иной движенемъ ободряешъ,
 А топъ съ побѣдой восклицаетъ:
 ЕКАТЕРИНА!—съ нами Богъ!

Какая въ войскахъ храбросшь рьяна!
 Какой великой духъ въ вождяхъ!
 Въ однихъ душа, разсудкомъ льдяна:
 У пѣхъ пылаешъ огнь въ сердцахъ.
 Въ зимѣ рожденны подъ снѣгами,
 Подъ молніями, подъ громами,
 Копорыхъ съ самыхъ юныхъ дней
 Пишала слава, вѣрносшь, вѣра:
 Гдѣ можно вамъ сыскашь примѣра?
 Не посрединѣ спихійныхъ прей?

Предспавь: по свѣплоспи лазуря,
 По наклоненію небесъ,
 Взошла чернобагрова буря
 И грозно возлегла на лѣсъ;
 Какъ спрашна нощь, надулась чревомъ,
 Дохнула съ свиспомъ, воемъ, ревомъ,
 Помчала воздухъ, прахъ и лиспъ;
 Подъ пѣжкими ея крылами
 Упали кедры вверьхъ корнями,
 И запрещаль Ливанъ кремниспъ.

Представь послѣдній день природы,
 Что пролилася звѣздъ рѣка;
 На огонь пошли спѣною воды,
 Бугры взвились за облака;
 Что вихри пучи къ пучамъ гнали,
 Что мракъ лишь молнии освѣщали,
 Что громъ попрясь всемирну ось,
 Что солнце мглою покровенно,
 Ядро казалось раскаленно:
 Се видѣ, какъ вшелъ въ Измаиль Россъ!

* * *

Вошелъ! — не бойся, рекъ, — и всюды
 Просперъ свой проегранный шпыкъ:
 Поверглись пѣль кровавы груды,
 Напрасно слышанъ жалобъ крикъ;
 Напрасно, — бранны человѣки! —
 Вы льете крови вашей рѣки,
 Кошору должно бы беречь:
 Но съ самага вѣковъ начала
 Война народы пожирала,
 Священъ спаль долгъ: рубить и жечь!

*

Тотъ мыслишь овладѣшь всѣмъ міромъ,
 Тотъ не приняшь его оковъ;
 Вселенной Царь спалъ врану пиромъ,
 Герои снѣдію волковъ.
 Увы! палъ кринь, и пали перны. —
 По чпожъ?—Судьбы небесны шемны; —
 Я здѣсь пою лишь браней чесъ.
 Насъ горсшь,—но полкъ лежишь предъ нами;
 Насъ полкъ; — но съ пысячymi и шьмами
 Мы низложили городъ въ персшь.

И се уже шумя спремишся
 Кровавой пѣны полнь Дунай,
 Пучина черная багришся,
 Спершись опъ шруповъ, съ краю въ край;
 Уже блѣднѣюща Мармора
 Дрожишь пловуща къ ней позора,
 Коспры шѣль видя за коспромъ!
 Луна полна на башняхъ крови,
 Поникли гордой Мекки брови;
 Сшамбуль склонился внизъ челомъ.

О! ежели издревле міру
 Побѣдъ славнѣйшихъ звукъ гремишъ,
 И есѣли приспунъ славенъ къ Тиру:
 Къ Измаїлу больше знаменишъ.
 Тамъ былъ вселенной Покоришель
 Машинъ и башенъ самъ строишель,
 Горой онъ море запрудилъ:
 А здѣсь вождя одно велѣнье
 Свершило храбрыхъ Россовъ рвенье;
 Великій духъ былъ вмѣсто крыль.

Услышь, услышь, о пы, вселенна!
 Побѣду смертныхъ выше силъ;
 Внимай Европа удивленна,
 Каковъ сей Россовъ подвигъ былъ.
 Языки знайте, вразумляйтесь,
 Въ надменныхъ мысляхъ содрагайтесь;
 Увѣрьтесь симъ, что съ нами Богъ;
 Увѣрьтесь, что его рукою
 Одинъ попрешъ васъ Россъ войною,
 Коль вспасть изъ бездны золь возмогъ!

Я вижу страшную годину:—
 Его при вѣка держишь сонъ,
 Проспершую подъ нимъ долину
 Покрыль вездѣ колючій пернь;
 Лице шуманъ подернулъ блѣдный,
 Ослабли мышцы удрученны,
 Скапилась въ мракъ глава его;
 Разбойники вокругъ суровы
 Вложили тяжкія оковы,
 Змія на сердцѣ у него.

Онъ спишь!—и несѣкомы гады
 Румяный поземняютъ зракъ,
 Войны опустошаютъ грады,
 Раздоры пожираютъ злакъ;
 Чуть зришься блескъ его короны,
 Спрадаешь вѣра и законы,
 И ты, къ опечесѣву любовь!
 Какъ звѣрь,—его Батый рветъ гладный,
 Какъ змѣй сосепъ, лжецарь коварный:
 Повсюду пролилася кровь!

Лежалъ онъ во своей печали,
 Какъ шемная въ пуспынѣ ночь;
 Враги его рукоплескали,
 Друзья не мыслили помочь,
 Сосѣди грабежемъ алкали;
 Князья, Бояра въ нѣгѣ спали
 И ползали въ пыли, какъ червь:
 Но Богъ, но духъ его великій
 Сопрясъ съ него бѣды долики,—
 Разпоргнулъ левъ желѣзну вервь!

Возспаль!—какъ упромъ холмъ высокой
 Вспаешъ, подъемляся челомъ
 Изъ мглы широкой и глубокой,
 Разлишой вокругъ его,—и громъ
 Поверхъ главы въ ничто вмѣняя,
 Ногами волны попирая,
 Пошелъ:— и кто возмогъ прошивъ?—
 Опъ шлема молніи скользили,
 И океаны успунили,
 Стопамъ его пужи открывъ.

Онъ сильны Орды пхнулъ ногою,
 Края Азіѣски попрысались;
 Упали царствы подъ рукою,
 Цари, царицы въ плѣнь влеклись;
 И побѣдителей разишель,
 Монархій свѣта разрушишель
 Просперся подъ его пяшой:
 Въ Европѣ грады бралъ, прясъ проны,
 Свергалъ Царей, давалъ короны
 Могущею своею душой.

* * *

Гдѣ естъ народъ въ краяхъ вселенны,
 Кшобъ сполько силъ въ себѣ имѣлъ:
 Безъ помощи, опъ всѣхъ спѣсненный,
 Яремъ съ себя низвергнушь смѣлъ,
 И вырвавъ бы вѣнцы лавровы,
 Возвергъ на пѣхъ самихъ оковы,
 Кшо сполько свѣшу спрашенъ былъ?
 О Россѣ! швоя лишь добродѣшель
 Такихъ великихъ дѣлъ содѣшель;
 Лишь швой орелъ луну зашмилъ.

Лишь ты, простря твои победы,
 Умѣль щедроты распочасть:
 Полякъ, Туркъ, Персъ, Прусь, Хинь и Шведы
 Тому примѣры могутъ дать. —
 На пѣхъ ты зришь спокойно спѣны,
 Тѣмъ паки опдалъ грады плѣнны;
 Тамъ унялъ прю, шупъ бунъ смирить;
 И сколь ты былъ ихъ побѣдиль,
 Не меньше другъ, благошвориль,
 Свое лишь только возвратилъ.

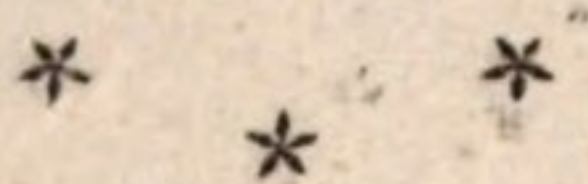
О кровь Славянъ! — Сынъ предковъ славныхъ!
 Несокрушаемый колоссъ!
 Кому въ величествѣ нѣтъ равныхъ,
 Возросшій на полсвѣтѣ Россъ!
 Твои коль славны древни слѣды!
 Громчай сушь нынѣшни победы:
 Зрю вокругъ тебя лавровый лѣсъ;
 Кавказъ и Тавръ ты преклоняешь,
 Вселенной на среду спускаешь
 И досягаешь до небесъ.

Уже въ Эвксинѣ съ полунощи
 Межъ водъ и звѣздъ лежишь шуманъ,
 Подъ нимъ плывушь дремучи рощи;
 Средь нихъ, какъ горь опломокъ льдянь,
 Иль мужа нѣка шѣнь сѣдая
 Сидишь, очами озирая:
 Какъ полный мѣсяцъ щипъ его,
 Какъ сосна, рында, обожженна,
 Глава до облакъ вознесенна, —
 Орель надъ шлемомъ у него.

За нимъ злапая колесница
 По розовымъ лежишь зарямъ;
 Сѣдящая на ней Царица,
 Великимъ равная мужамъ,
 Рукою держишь кресль одною,
 Возженный пламенникъ другою,
 И сыплешь блески на Босфоръ;
 Уже опъ сѣвернаго свѣша
 Лице блѣднѣешь Магомета,
 И мрачный опвращиль онъ взоръ.

Не вновъ ли по Олегъ къ Воспоку
 Подъ парусами флотъ ведешъ,
 И Ольга къ древнему попоку
 Занятый ею свѣтъ ліешъ?
 Иль Россовъ идешъ духъ военный,
 Христовой вѣрой провожденный,
 Ахейнъ спасъ, Агарянъ сперъ?—
 Я слышу громы ударяющъ,
 Пророки, камни, возглашающъ:
 То будешъ нынѣ, или впредь!

О! вы, чпо въ мысляхъ суешишесь
 Споль славный Россу пущъ препишъ,
 Помочь врагу Христову щипшесь
 И вѣрѣ вашей измѣнишъ!
 Чѣмъ сполько посупающъ неправо,
 Сперьва изслѣдуйте вы здраво
 Свой пущъ, цѣль Росса, судъ небесъ;
 Изслѣдуйте и заключите:
 Вы съ кѣмъ и на кого хошите?—
 И чпо вашъ Року перевѣсь?

Ничто;—коль Россъ рождень судьбою
 Опъ варварскихъ хранишь васъ узъ,
 Темировъ попирашь ногою,
 Блюсь вашихъ опъ Омаровъ музъ,
 Опмспишь крестовые походы,
 Очиспишь Іордански воды,
 Священный гробъ освободишь,
 Аѣинамъ возврашишь Аѣину,
 Градъ Констанпиновъ Конспаншину
 И миръ Афешу водворишь.

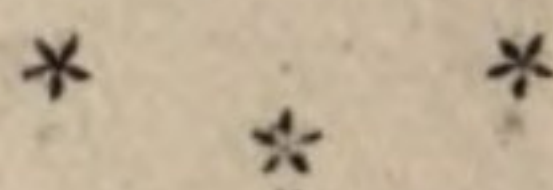
Афешу миръ?—О прудъ избранный!
 Достойнѣйшій его дѣшей,
 Великими людьми желанный,
 Свершишься ты средь нашихъ дней? . . .
 Доколь Европа просвѣщенна
 Съ перуномъ будешь успрямленна
 На кровныхъ братіевъ своихъ?
 Не лучшесть вънутрь раздоръ оставишь,
 И съ Россомъ грудь одну составишь
 На общихъ супоспашъ швоихъ?

Дай руку!—и пожди спокойно;
 Сіе и Россъ одинъ свершишь,
 За безпрепятствіе доспойно
 Тебя профеемъ наградишь.—
 Дай руку! — дай залогъ любви!
 Не лей твоей и нашей крови,
 Да месъ всѣмъ въ грудь намъ не взойдешь:
 Пусъ только умъ Екатерины,
 Какъ Архимедъ, создасъ машины;
 А Россъ вселенной попрясешъ.

Чего не можете родъ сей славный,
 Любя Царей своихъ, свершишь?
 Умѣйте лишъ, главы вѣнчанны!
 Его безцѣнну кровь щадишь. —
 Умѣйте дасть ему вы льготу,
 Къ дѣламъ великимъ духъ, охоту,
 И правошой сердца плѣнишь. —
 Вы можете его рукою
 Всегда, войной и не войною,
 Весь миръ себя заспавишь чшишь.

Война, — какъ сѣверно сіянье,
 Лишь удивляешь чернь одну:
 Какъ свѣшлой радуги блиспанье,
 Всякъ мудрый любишь пишину.
 Чшо благовоннѣй аромаша?
 Чшо слаще меда, краше запаха,
 И драгоцѣннѣе порфирь?
 Не пыль, кошораго всѣмъ взгляды
 Любятъ обиліе, прохлады,
 Прекрасный и полезный миръ?

Приди, о кропкѣй жителъ неба,
 Эдемской гражданинъ страны!
 Приди! — и какъ соупникъ Феба,
 Духъ теплотворный, богъ весны,
 Дохни вездѣ швоей душою!
 Дохни, — да разцвѣшешь побою
 Рай сладосши въ домахъ, въ сердцахъ!
 Подъ сѣнію Екатерины
 Вѣнчанны лавромъ исполины
 Возлягутъ на своихъ громахъ.

Премудрость царствы управляешь;
 Крѣпишь ихъ: вѣра, правый судъ;
 Ихъ прудъ и миръ обогащаетъ,
 Любовію они цвѣтутъ.
 О полъ прекрасный и почтенный,
 Кѣмъ Россы рождены, кѣмъ плѣнны!
 И вамъ днесъ предлежахъ вѣнцы.
 Плоды побѣдъ суть звуки славы,
 Побѣдъ основа пверды нравы:
 А добрыхъ нравовъ вы творцы!

Когда на брани вы предмешовъ
 Лишились любви своей,
 И есхли безъ войны, навѣшовъ,
 Полна жизнь наша слезъ, скорбей:
 Ушѣшьтесь!—Вѣпры въ вѣпры дуютъ,
 Спихіи межъ собой воюютъ;
 Сей свѣтъ—училище перпѣтъ.
 И брань колъ воспаетъ судьбою,
 Сынъ Россіянки среди бою
 Со славой долженъ умереть.

А слава шѣхъ не умираетъ,
Кто за опечесиво умретъ;
Она такъ въ вѣчности сіяетъ,
Какъ въ морѣ ночью лунный свѣтъ.
Временъ въ глубокомъ опдаленъи
Попомство шѣхъ увидишь шѣни,
Которыхъ мужесквенъ былъ духъ.
Съ гробовъ ихъ въ души огонь польетъся,
Когда по рощамъ разнесетъся
Безсмертной лирой дѣлъ ихъ звукъ.

XX.

ИЗОБРАЖЕНІЕ ФЕЛИЦЫ.

Рафаэль! живописецъ славный,
 Творецъ искусствомъ еспесства!
 Рафаэль чудный, безприкладный,
 Изобразишь божесства!
 Умѣль пы кистию свободной
 Непоспижимость написать:
 Умѣй моей богоподобной
 Царевны образъ начерпашь.

Изобрази ея мнѣ почно
 Осанку, возрасъ и чершы,
 Чпобъ въ нихъ я видѣль и заочно
 Ея и сердца красоты
 И духа чувстввы возвышенны,
 И разума ея дѣла:—
 Фелица, Ангель воплощенный,
 Въ швоей карпинѣ бы жила.

Часть I.

7

Небесно - голубые взоры
 И по ланишамъ нѣжна шѣнь,
 Сквозь мракъ временъ, спихіевъ споры,
 Блиспали бы, какъ ясный день;
 Какъ упренна заря весення,
 Такъ улыбалась бы она;
 Какъ пальма, въ раѣ насажденна,
 Такъ возвышалась бы спройна.

Какъ пальма клонишь благовонну
 Вершину и лице свое:
 Такъ шиху, важну, благородну
 Ты поспуй напиши ее. —
 Коричными чело власами,
 А перломъ перси осѣни;
 Премудросъ и любовь успами,
 Какъ розы дышущъ, изъясни.

Предспавъ въ лицѣ ея геройство,
 Въ очахъ величіе души;
 Премилосердо, нѣжно свойство
 И снисхожденіе напиши.
 Не позабуди пріятность въ нравѣ
 И крошкѣй гласъ ея рѣчей;
 Во всей изобрази ты славѣ
 Владычицу души моей.

Одѣнь въ доспѣхи, въ брони златы,
 И въ мужество ея красы:
 Чѣмъ шлемъ блисталь на ней пернаый,
 Зефиры вѣяли власы;
 Чѣмъ конь подъ ней главой крушился
 И бурно броды опѣнялъ;
 Чѣмъ Нордъ сѣдый ей удивился
 И обладать собой избралъ.

Избралъ,—и падши на колѣна,
 Поднесъ бы скиптръ ей и вѣнецъ;
 Она, мольбой его смягченна
 И спавъ владычицей сердцеъ,
 Безспрашнобъ узы разрѣшила
 Издревле скованныхъ цѣпями,
 Свободой бы рабовъ плѣнила
 И нарекла себѣ дѣтьми.

Престоль ея на Скандинавскихъ,
 Камчатскихъ и Златыхъ горахъ,
 Опъ спранъ Таймурскихъ до Кубанскихъ
 Поспавъ на сорокъ двухъ столпахъ;
 Какъ восемь бы зеркаль стояли
 Ея великія моря;
 Съ полнеба звѣзды освѣщали,
 Вокругъ багряная заря.

Средь дивнаго сего чершого
 И велелѣпной высопы
 Въ величествѣ, въ сіяньи Бога,
 Ее изобрази мнѣ ты;
 Чпобъ сшедъ съ престола, подавала
 Скрыжаль заповѣдей свяпыхъ;
 Чпобы вселенна принимала
 Гласъ Божій, гласъ природы, въ нихъ.

Чпобъ дики люди, опдаленны,
 Покрыты шерстью, чешуей,
 Пернапыхъ перьемъ изпещренны,
 Одѣты лиспьемъ и корой,
 Сошедшися къ ея престолу
 И кропкихъ внявъ законовъ гласъ,
 По желпосмуглымъ лицамъ долу
 Спруили поки слезъ изъ глазъ.

Спруилибъ слезы,—и блаженство
 Своихъ проразумѣя дней,
 Забыли бы свое равенство
 И были всѣ подвластны ей:
 Финъ въ морѣ блѣдный, рыжевласый,
 Не разбиваль бы кораблей,
 И узкоглазый Гуннъ жалъ класы
 Среди сѣдыхъ, сухихъ зыбей.

Припомни, чѣмъ она вѣщала
Безчисленнымъ ея Ордамъ:

„Я щасѣя вашего искала
„И въ васъ его нашла я вамъ;
„Спавъ сами вы себѣ послушны,
„Живите, славышеся въ мой вѣкъ
„И будьте споль благополучны,
„Колико можешъ чловѣкъ.

„Я вамъ даю свободу мыслишь
„И разумѣшь себя цѣнишь,
„Не въ рабствѣ, а въ подданствѣ числишь,
„И въ ноги мнѣ челомъ не бишь.
„Даю вамъ право безъ препоны
„Мнѣ ваши нужды предспавляшь,
„Чишашъ и знашь мои законы,
„И въ нихъ ошибки замѣчашъ.

„Даю вамъ право собирашся,
„И въ думахъ золопо копишь,
„Ко мнѣ послами опсправляшся
„И не всегда меня хвалишь.
„Даю вамъ право безприспраспно
„Въ судьи другъ друга выбирашъ,
„Самимъ дѣла свои всевластно
„И начинашъ и окончашъ.

„Не возпрещу я спихотворцамъ
 „Писать и чепуху и лесъ;
 „Халдеямъ, новымъ чудотворцамъ,
 „Махамъ съ духами, пить и ѣсть:
 „Но я во всемъ, что лишь не злобно,
 „Пошуся равнодушной бытъ;
 „Великолѣпно и спокойно
 „Мои благодѣянья лишь.,,

Рекла,—и взоръ бы озарился
 Величествомъ ея души,
 Хаосъ на сферыбъ раздѣлился
 Ея рукою,—напиши.
 Чшобъ солнца въ путь свой покапились,
 И пысящи вкругъ ихъ планетъ;
 Изъ праха грады возносились,
 Возспали царствы,—и былъ свѣтъ.

Изобрази мнѣ мѣръ сей новый
 Въ лицѣ младаго лѣпна дня;
 Какъ рощи, холмы, башни, кровы,
 Опъ горняго злапясь огня,
 Изъ мрака воспашюшъ, блиспашюшъ
 И смопряшся въ зеркало водъ;
 Всѣ новы чувства получаюшъ
 И движешся всѣхъ смертныхъ родъ.

Представь мнѣ лучезарны храмы
 И Ангеловъ поющихъ ликъ,
 И благовонны еиміамы
 Какъ облака бѣ носились въ нихъ;
 И чщобъ Царевна, умиленна,
 Вперя свой взоръ на небеса,
 Слезами зрѣлась окропленна,
 Блиспяющими какъ роса.

Какъ съ синей крупизны ээира
 Лучамъ случился низпадашь:
 Ошъ Вседержишеля шакъ міра
 Чщобъ къ ней сходила благодашь,
 И въ видѣ щаспія земнаго
 Чщобъ сыпала предъ ней цвѣшны,
 И купно вѣка бы драгаго
 Капилися часы злашы.

Чщобъ видѣлъ я въ рога зовущихъ
 Тамъ паспуховъ спада на лугъ;
 На рощахъ липовыхъ, цвѣшущихъ,
 Рои жузжащихъ пчель вокругъ;
 Шумя младыхъ бы класовъ волны
 Переливались вѣшперкомъ,
 Граненыхъ бриліаншовъ холмы
 Въ слѣдъ сыпались за кораблемъ.

Чпобы съ ристалища мнѣ громы .
 И плески доходили въ слухъ,
 И вихремъ всадники несомы
 Поспѣшнобъ напягали лукъ,
 И спрѣлу, къ облакамъ пущенну,
 Пересѣкали бы другой;
 И всю въ спязаньи бы вселенну
 Я предъ фелицей зрѣлъ молодой.

И зрѣлъ бы я ее на пронѣ
 Сѣдящу въ упваряхъ Царей:
 Въ порфирѣ, бармахъ и коронѣ,
 И взглядомъ вдругъ однимъ очей
 Объемлющу моря и сушу
 Во всемъ владычеспвѣ своемъ,
 Всему дающе жизнь и душу,
 И управляющую всѣмъ.

Чпобъ свыше ея вдохновенны
 Мурзы, Паши и Визири,
 Сѣдиной мудроспи почпенны,
 Въ диванѣ зрѣлись какъ Цари;
 Законъ бы свяшо сохраняли
 И по спезямъ бы правды шли,
 Носишь ей скипетръ пособляли
 И пользу общую блюли.

Онабъ предъ ними предсѣдала,
 Какъ всемогущій Царь Царей,
 Свои наказы подпверждала
 Для благоденствія людей. —
 Реклабъ: „ — Почто писашь уставы,
 „Коль ихъ въ диванахъ не пворяшь?
 „Развращные вельможей нравы
 „Народа цѣлаго развращъ.

„Вашъ долгъ Монарху, Богу, царству
 „Служишь, и кляпвой не играешь;
 „Неправдѣ, злобѣ, мздѣ, коварству
 „Пуши повсюду пресѣкаешь; —
 „Приспращный судъ разбоя злѣя, —
 „Судьи враги, гдѣ спишь законъ: —
 „Предъ вами гражданина шея
 „Просянуша безъ оборонъ.„

Предспавъ, чшобъ гласъ сей свѣшозарный,
 Какъ лучъ съ небесъ, проникъ сердца,
 Извлекъ бы слезы благодарны,
 И всѣ Монарха и Опца
 И Бога бы въ фелицѣ зрѣли,
 Который праведень и благъ;
 Изъ успъ бы громы лишь гремѣли,
 Которы у нея въ рукахъ.

Содѣлай, чѣмъ судебны храмы
 Ея лугами обросли,
 Въсы бы въ нихъ спояли прямы,
 И рѣдко къ нимъ бы люди шли;
 Чѣмъ совѣсть всюду предсѣдала
 И обнимался съ ней законъ,
 Чѣмъ милость испину лобзала,
 И миру поспавляла пронъ.

Предспавъ, чѣмъ всѣ Царевна средспвы
 Въ пособіе себѣ брала,
 Предупреждашь народа бѣдспвы
 И сохраняешь его опъ зла;
 Чѣмъ опворила всѣмъ дороги
 Чрезъ почпу письма къ ней писаешь,
 Велѣла бы въ свои черпоги
 Для объясненія допускаешь.

Какъ молнія, ея бы взоры
 Сверкали быспро въ небесахъ,
 Проникнуешь мысли были скоры
 И въ самыхъ скрыпнѣйшихъ сердцахъ;
 Чѣмъ издалече познавала
 Она невиннаго ни въ чемъ,
 Какъ Ангель бы къ нему блиспала
 Благоволенія лицемъ.

Дерзни мнѣ кистію волшебной
 Святилище изобразить,
 Гдѣ взора смертныхъ удаленной
 Благоволишь фелица бытъ;
 Гдѣ тайна перстомъ помаваетъ
 И на уста кладетъ печатъ,
 Гдѣ благочестіе предсѣдаетъ
 И долгъ великъ спраспямъ молчатъ.

Представь ее облокоченну
 На Зороаспровъ испуканъ,
 Смопящу паче на всю вселенну,
 На огневъздный океанъ,
 Въщающу: „ — О Ты, Превѣчный!
 „Который волею своей
 „Колеса движешь быспропечны
 „Врапщейся природы всей!

„Когда Ты есть душа едина
 „Движенью сихъ огромныхъ шѣлъ:
 „То Тыжъ конечно и причина
 „И нравспвенныхъ народныхъ дѣлъ;
 „Тобою царспвы возраспаютъ,
 „Твое орудіе Цари;
 „Тобой они и померцаютъ,
 „Какъ блескъ вечернія зари.

„Наспавъ меня, міровъ Содѣпель!
 „Да волѣ слѣдую Твоей,
 „Тебя люблю и добродѣпель
 „И зижду щасіе людей;
 „Да вѣкъ мой на дѣла полезны
 „И славу ихъ я посвящу,
 „Самодержавства скипсръ желѣзный
 „Моей щедротой позлащу.

„Да удостоенна любви,
 „Надзрѣнія пвоихъ очесъ,
 „Чшобъ я за каждую каплю крови,
 „За всякую бы каплю слезъ
 „Народа моего, пролишихъ,
 „Тебѣ опвѣшсвовашь могла,
 „И чувсвъ души моей сокрытыхъ
 „Тебя свидѣтелемъ звала,,

Предспавъ, чшобъ шупъ кидала взоры
 Со опвращеніемъ она
 На шѣ ужасны приговоры,
 Гдѣ смерть написана, война,
 Свинцова грифеля черпами,
 И медленно бѣ крѣпила ихъ, —
 И шупъ же горькими слезами
 Смывала бы слова всѣ съ нихъ.

Но милоспи бѣ опредѣляла
 Она съ смѣющимся лицомъ,
 Злашая бы струя бѣжала
 За скоропишущимъ перомъ,
 И проливала бы съ престола
 Въ несчетныхъ тысящахъ прохлада,
 Какъ въ ясный день съ крутыхъ горъ долу,
 Лучистый съ шумомъ водопадъ.

Чтобъ сей рѣкой благодѣяній
 Покрылась вся ея страна;
 Я зрѣла бы цѣпь проспанныхъ зданій,
 Гдѣ пользуешь больныхъ она,
 Гдѣ бѣдныхъ пищей насыщаешь,
 Гдѣ брошенныхъ берешь сиротъ,
 Гдѣ ихъ лелѣешь, возвращаешь,
 Гдѣ просвѣщаешь свой народъ.

Представь мнѣ, въ мысли восхищенной,
 Сходила бы съ небесъ она;
 Какъ солнце грудь, въ шкани зеленой,
 Рукой мешала сѣмена;
 Какъ искры огненны дождились
 Злашая бѣ зерна въ снѣдь пшеницамъ;
 Орлы молодые разбудились
 И возкрилялись бы къ лучамъ.

Яви искусствомъ чудотворнымъ,
 Чшобъ льды пріяли видъ лилей;
 Весна дыханьемъ теплотворнымъ
 Звала бы съ моря лебедей;—
 Лешъли бъ съ крикомъ вереницы,
 Звучали бъ трубы съ облаковъ:
 Такъ въ царство бы шекли фелицы
 Народы изъ чужихъ краевъ.

Не позабудь ее предсавишь,
 Какъ вмѣсто олшарей себѣ
 Царя великаго посавишь
 Велѣла на мольбу Ордѣ;
 Какъ всюду раздалися клики
 И громы свѣта по конецъ:
 „Предсаль намъ Зороаспръ великій,
 „Воскресъ опечества опецъ!,,

Изобрази и то въ карпинѣ,
 Чшобъ сей подобный грому кликъ,
 Въ безмѣрной времени долини,
 Какъ будпо бы капясь, зашихъ;
 Фелицыжъ славою удвоенъ,
 Громчай въ попомспвѣ возгласилъ:
 „Великъ, кпо олшарей достоенъ,
 „Но ихъ другому посвяшилъ!,,

Представь, сей славой возбужденны,
 Чшобъ зрѣшь ее Цари пришли,
 И какъ бы древле, удивленны,
 Въ ней Соломона вновь нашли;
 Народъ щасливый и блаженный
 Великой бы ее нарекъ,
 Поднесъ бы шиплы ей священны;
 Онабъ рекла: — „Я челоуѣкъ. „

Возвысь до облакъ лавръ зеленый,
 И чшобъ онъ на поляхъ споялъ;
 Подъ нимъ бы, шѣнью прохлажденный,
 Спокойно Исполинъ дремалъ;
 Какъ мраморъ бѣлабъ грудь блиспала,
 Ланины бы цвѣли зарей:
 Фелица такъ бы услаждала
 Полсвѣта подъ своей рукой.

И здравіе его спасая,
 Безъ ужаса пила бы ядъ;
 Опъ швердоспи ея Смерть злая
 Свой опврапилабъ смупный взглядъ;
 Коса ея дала бы звуки,
 Прешкнувшись о великій духъ;
 На небеса воздѣлибъ руки
 Младенцовъ миліоны вдругъ.

Супруговъ чувствы благодарны,
 За оживленье ихъ дѣшей,
 Какъ бы пылинки лучезарны
 Огниспой опъ спекла спруей
 Ошпрянувъ, въ воздухъ сверкали,
 Являлибъ пламень ихъ сердець:
 „Мы зримъ въ Фелицъ — восклицали —
 „Твое подобіе, Творецъ!,,

Изобрази ты мнѣ Царевну
 Еще и въ подвигахъ другихъ:
 Споглаву гидру разъяренну
 И фуріевъ съ земель своихъ
 Чшобы гнала она геройски;
 Какъ мать, своихъ спасалабъ чадъ;
 Какъ Царь, — на гордостъ двигла войски;
 Какъ Богъ, — свергала злобу въ адъ.

На сребролунно Государство
 Проспри крылашый, сизый громъ;
 Въ желѣзнокаменное Царство
 Брось молнии, — и пославъ въ верхъ дномъ;
 Орель Царевнинъ бы ногою
 Въ верху рога луны сгибаль,
 Тогдажъ бы на землѣ другою
 У гладна льва онъ зевъ сжималь.

Чшобы ея безспрашны войски,
 Отъ колыбели до сѣдинъ,
 Носили духъ въ себѣ геройскій,
 И опрокъ, будпобъ Исполинъ,
 Врагамъ въ сраженіяхъ казался;
 Ихъ плѣнникъ бы сказалъ о нихъ:
 „Никпо въ бою имъ не равнялся,
 „Кромѣ души великой ихъ.

Чшобы вселенныя Владыки
 И всякъ шу испину узналъ:
 Гдѣ войски Зороаспръ великій
 Образоваль и учреждаь,
 И гдѣ великую въ нихъ душу
 Великая фелица льепъ:
 Тѣ войски горы, море, сушу
 Пройдушъ,—и имъ препоны нѣшъ.

Чшобъ грозный полкъ ихъ предспавлялся
 Какъ спрашна буря въ далекѣ,
 И Миръ въ порфирѣ приближался
 Тогдабъ къ Царевниной рукѣ. —
 Она бѣ его облобызала
 И вѣшвъ его къ себѣ взяла,
 „Да будепъ пишина!,, сказала,
 И къ намъ бы пишина пришла.

Какъ Ангелъ въ синевѣ эѳира
 И Милосердія въ лицѣ,
 Со кропосью въ душѣ Зефира
 Съ сіяньемъ шихимъ звѣздъ въ вѣнцѣ,
 Благолюбиваябъ Царевна
 Въ день зрѣлась мирна торжества;
 Душа моя бы восхищенна
 Была дѣлами Божества.

Изъ устъ ея шекла бы сладость,
 И упишала спонъ вдовицъ;
 Изъ глазъ ея блиспалабъ радость,
 И освѣщала мракъ темницъ;
 Рука ея бы награждала
 Прямыхъ опечесыва сыновъ;
 Душа ея въ себѣ прощала
 Неблагодарныхъ и враговъ.

Пріятность бы сопровождала
 Ея бесѣду, дружбу, власть;
 Привѣпливость ея равняла
 Съ Монархомъ подданнаго часть.
 Повсюду Музы, въ восхищеньѣ,
 Ей сыпалибъ цвѣты сердець,
 И самое недоумѣнье
 Ей плесковъ поднеслобъ вѣнецъ.

Черпы одной красотъ ей ложно
 Блюдися приписать въ твоя вѣкъ;
 Представь, каковъ, коль только можно,
 Богоподобный человѣкъ!
 Исполнь ее величествъ, власи,
 Безсмертныхъ мудрости даровъ,
 Вдохни, вдохни ей также спраси:
 Щедросту, славу и любовь.

И славу моему ты взору
 Ея представь какъ бы въ ночи
 Возженну бриліантовъ гору,
 Опъ коей бы лились лучи
 И живо въ вѣчности играли;
 На свѣтлу оной крупизну
 Калифы многіе желали,—
 Ползли, —скользили,—пали въ тьму.

Какъ огнень сполъ на понлъ, взорамъ
 Къ горъ сей колебалсябъ пущь;
 Фелица бы внушала Хлорамъ:
 „Тамъ розы безъ шиповъ распущь.,,
 Мурзабъ въ воспоргъ, въ удивленьи,
 Подъ золопымъ ея щипомъ
 Въ Ташарскомъ упражнялся пѣньи
 И восклицалъ опкрытымъ ршомъ:

„Бросай, кпо хочешъ: остры спрѣлы
 „Опъ чиспой совѣспи скользаяшъ;
 „Имѣя сердце, руки бѣлы,
 „Мнѣ спыдно мспипъ, спыднѣ лгашъ;
 „Того спыднѣ—въ дни блаженны
 „За испинну спрашитъся зла:
 „Моей Царевной восхищенный,
 „Я лишь ея пою дѣла.,,

Но чпо Рафаэль! чпо ты пишешь?
 Кого ты, гдѣ изобразилъ?
 Не на холстѣ, не въ краскахъ дышешь,
 И не мепалль ты оживилъ;
 Я въ сердцѣ зрю алмазну гору,
 На немъ божесшвенны чершы
 Сіяюшъ изспупленну взору:
 На немъ въ лучахъ—Фелица, ты!

XXI.

НА НОВЫЙ ГОДЪ.

Разсѣкши огненной спезею
Небесный синеватый сводъ,
Багряной облеченъ зарею,
Сошелъ на землю новый годъ;
Сошелъ,—и гласы раздалися,
Мечты, надежды понеслися
На встрѣчу божеству сему.

Гряди, сынъ вѣчности прекрасный!
Гряди, часовъ и дней опецъ!
Зовешь щасливый и нещасный:
Подай желаніямъ вѣнецъ!
И самага среди блаженства
Желаемъ блага совершенства,
И недовольны мы судьбой.

Еще Вельможа возвышашься,
 Еще сильнѣе хочешь бышь;
 Богачь богатствомъ осыпашься,
 И горы злапа накопишь;
 Герой безсмертной жаждешь славы,
 Корысти льстецъ, Лукулль забавы,
 И щаспїя игрокъ въ игрѣ.

Мое желаніе: предашья
 Всевышняго во всемъ судьбѣ,
 За щаспьемъ въ свѣтѣ не гоняшья,
 Искашъ его въ самомъ себѣ.
 Меня здоровье, совѣсть права,
 Доспашокъ нужный, добра слава,
 Творяшъ щаспливѣ Царей.

А еспьли милой и прїятной
 Любимъ Плѣнирой я моей,
 И въ свѣтской жизни коловрашной
 Имѣю искреннихъ друзей,
 Живу съ моимъ сосѣдомъ въ мирѣ,
 Умѣю пѣть, играшъ на лирѣ:
 То кто щаспливѣ меня?

Опѣ должностей въ часы свободны
Пою моихъ я радость дней;
Пою Творцу хвалы духовны,
И добрыхъ я пою Царей.
Пріятны гласы спановаясь,
И слезы нѣжности капясь,
Какъ Россовъ Маіперъ я пою.

Пешры, и Генрихи, и Типы,
Въ народныхъ вѣкъ живущъ сердцахъ;
Екатерины незабыты,
Пребудущъ въ тысячѣ вѣкахъ.
Уже я вижу монументы,
Которыхъ свергнутъ эlementы
И время не имѣющъ силъ.

XXII.

Р ъ ш е м ы с л у.

Веселонравная, молодая,
Нелицемерная, прослая,
Подруга Флаккова и дочь
Природой даннаго мнѣ смысла!
Приди ко мнѣ, приди теперь,
О Муза! славить Рѣшемысла.

Приди, иль въ облакъ спустился,
Или хопъ въ санкахъ прикапился
На легкихъ, рѣзвыхъ, шестерней,
Оленяхъ бѣлыхъ, запорогихъ:
Какъ ѣздящъ барыни зимой
Въ спранахъ Сибирскихъ, хладомъ спрогихъ.

Приди, и на своей свирѣль
Не онаго пой мужа, древлъ
Служившаго Царицѣ шой,
Копорая въ здоровьѣ маломъ,
Блещала славой и красой
Подъ соболинымъ одѣяломъ.

Но пой, ты пой здѣсь Рѣшемысла,
 Великаго вельможу смысла,
 Наперсника Царицы сей,
 Которая сама прудишся
 Для блага области своей,
 И спать въ полудни не ложишся.

Которая законы пишетъ,
 Любовію къ народу дышетъ,
 Плѣнитъ сосѣдей безъ оковъ,
 Военны отвращая звуки;
 Даритъ и щастье и покровъ,
 И не сидитъ поджавши руки.

Сея Царицы всепочтенной,
 Великой, дивной, несравненной,
 Сопрудниковъ достойно чтитъ;
 Достойно чesтью и хвалами
 Ея вельможъ превозноситъ,
 И осыпаетъ ихъ вкругъ цвѣтами.

Ты, Муза! съ самыхъ древнихъ вѣковъ,
 Великихъ, сильныхъ человѣковъ
 Всегда умѣла поласкать;
 Ты можешь въ быляхъ, небылицахъ,
 И въ басняхъ правду предспавлять:
 Предспавь мнѣ Рѣшемысла въ лицахъ.

Скажи, скажи о семь Героѣ:
 Каковъ въ войнѣ, каковъ въ покоѣ,
 Каковъ умомъ, каковъ душой,
 Каковъ и всякими дѣлами? —
 Скажи, и ничего не скрой:
 Не хочешь прозой, такъ стихами.

Бывали прежде дни такіе,
 Чѣмъ люди самые честные
 Спрашились близъ прона бышь,
 Любимцевъ царскихъ убѣгали,
 И не могли пѣхъ змѣй любвишь,
 Которыя ихъ кровь сосали.

А онъ, хопъ выше всѣхъ главою,
 Какъ лавръ цвѣтепъ надъ муравою;
 Но всюду всѣмъ бросаепъ пѣнь:
 Однимъ онъ миль, другимъ любезень;
 Едва прохаживаль ли день,
 Кому бы не былъ онъ полезенъ.

Иной ползепъ, какъ черепаха,
 Другому миль попоръ да плаха:
 А онъ парипъ какъ бы орель,
 И все съ высопъ далече видишь;
 Онъ въ сердцѣ злобы не имѣлъ,
 И даже мухи не обидишь.

Онъ сердцемъ царскій тронъ объемлеть,
 Душой народнымъ нуждамъ внемлеть,
 И правду между ихъ хранишь;
 Опеческву онъ вѣрно служишь,
 Монаршу волю свято чпишь,
 А о себѣ никакъ не пужишь.

Не ищешь почестей лукавствомъ,
 Мздоимнымъ не прельщенъ богатствомъ,
 Не жаждешь щещно санъ носишь;
 Но щипся пѣмъ себя лишь славишь,
 Чшо любишь онъ добро пворишь
 И можешь щаспие доспавишь.

Закону божію послушенъ,
 Чувспвишеленъ, великодушенъ,
 Не гордъ, не подлъ и не прусливъ,
 Къ себѣ спрожае, чѣмъ къ другому,
 Къ поступкамъ хипрымъ не ревнивъ,
 Идетъ лишь по пупи прямому.

Не празденъ, не лѣнивъ, а почень;
 Въ дѣлахъ и скоръ и безпороченъ,
 И не кубаришь кубарей;
 Но сполько же великъ и дома,
 Въ деревнѣ, хижинѣ своей,
 Какъ былъ когда мешапель грома.

Глубокъ, и быспръ, и шихъ и смѣпливъ,
 При всей онъ важности привѣпливъ,
 При всей онъ скромности шупливъ;
 Въ миру онъ казался роскошенъ;
 Но въ самой роскоши решивъ,
 И никогда онъ не оплошенъ.

Хотя бы возлежалъ на розахъ,
 Но въ буряхъ, знояхъ и морозахъ
 Гошовъ онъ съ лона нѣги вспашъ;
 Гошовъ среди своей забавы
 Внимаешь, судишь, повелѣваешь,
 И молніей лепѣшь въ храмъ славы.

Другъ честности и другъ Минервы,
 Возшедъ на степенъ къ прону первый,
 И безъ подпоръ собою швердъ;
 Ходишь умѣешь по паркету,
 И успрямяся славъ въ слѣдъ,
 Гошовишь миръ и громы свѣту.

Безъ бишвъ, безъ браней побѣждаешь,
 Искусство уловляешь онъ знаешь;
 Своихъ, чужихъ сердца плѣнишь.
 Я слышу плескъ ему сугубый:
 Онъ вольность плѣнникамъ даришь,
 Героямъ шьешь копы да шубы.

Но, Муза! вижу, ты лукава;
Ты хочешь быть предъ свѣтомъ права,
Ты Рѣшемысловымъ лицомъ
Вельможей должностъ представляшь:
Конечно ты своимъ перомъ
Хвалишь достоинства лишь знаешь.

XXIII.

ПАМЯТНИКЪ ГЕРОЮ.

Всегда разборчива, правдива,
 Нигдѣ и никому нельспива,
 О! строгаго Кунгдзея муза,
 Которая его вдыхала
 Играшь на нѣжномъ звонкомъ кинѣ,
 И прогаешь поученьемъ сердце!

Приди, и зря шекущи годы,
 Обращность вѣчную природы,
 Что всходишь и заходишь солнце,
 Что лѣто, осень придешь паки;
 А только къ намъ не возвращаясь
 Дѣла, содѣянные нами. —

Вождя при памятникѣ дивномъ
 Возсядь, — и въ пѣніи унывномъ
 Вѣщай: сей сполкъ повергнешъ время,
 Разрушишь. — Кпожъ былъ Полководецъ?
 Куда его прошли побѣды?
 Гдѣ мечъ его? — Гдѣ шлемъ? — Гдѣ образъ?

Увы! — и честь сія Героевъ,
 Присуповъ монументы, боевъ,
 Не суть ли знаки ихъ свирѣпства?
 Развалины, могилы, пепель,
 Черепья, кости имъ подобныхъ,
 Не суть ли ихъ вѣнецъ и слава?

Ахъ нѣшъ! средь всѣхъ народовъ, вѣковъ,
 Друзья Герои челоуковъ,
 Суть соль земли, во мракъ звѣзды;
 Чрезъ нихъ извѣстна добродѣтель;
 Они великія зерцалы
 Богоподобныхъ слабымъ смертнымъ.

Прямой Герой спрашми недвижимъ,
 Онъ спрогъ къ себѣ и благъ ко ближнимъ;
 Къ богашствамъ, шипламъ, власпи, славѣ,
 Внупри онъ сердца не привержень;
 Сокровище его любезно
 Спокойный духъ и чиста совѣсть.

Въ терпѣнны пвердъ и мудръ въ напаспи,
 Не рабшвуесть блестящей часпи;
 Щипаеетъ шѣмъ себя довольнымъ,
 Коль общихъ благъ гдѣ былъ споспѣшникъ:
 Блаженъ, блаженъ еще спокрапно,
 Чшо спраспи могъ свои умѣришь!

Вѣсамиль гдѣ, мечемъ ли правишь,
 Ни памъ, ни шупъ онъ не лукавишь.
 Его Царь,—долгъ; его Богъ,—правда;
 Лишь имъ онъ жерпвуешь собою;
 Искусень, оспорожень, почень,
 Рачишелень, не быспрь ко славѣ.

Дѣлами исполнишель вѣры,
 Великодушія примѣры
 Его всѣ мысли наполняютъ;
 И Богъ его благословляетъ,
 Побѣдою почпи безъ крови,
 Копорой миръ даруешь царспвамъ.

Такого мужа обелиски
 Не шѣмъ славны, чпо къ небу близки,
 Не мраморомъ, не мѣдью шверды,
 Пускай ихъ разрушаетъ время,
 Но во все испребишь не можешь:
 Живешь въ преданьяхъ добродѣтель.

Сспрой, Муза, памятникъ Герою,
 Кпо мужеспвенъ и щедръ душою,
 Кпо больше разумомъ, чѣмъ силой,
 Разбилъ Юсуфа за Дунаемъ,
 Даль малой прапой много пользы. —
 Благословись, Репнинъ, попомспвомъ!

XXIV:

К Л Ю Ч Ъ:

Сѣдящъ, увѣнчанъ осокою;
 Въ пѣни развѣсиспыхъ древесъ;
 На урну облегшись рукою,
 Являющій лице небесъ
 Прекрасный вижу я источникъ.

Источникъ шумный и прозрачный,
 Текущій съ горной высоты,
 Луга поящій, доли злачны,
 Кропящій перлами цвѣты,
 О коль ты мнѣ пріятенъ зришься!

Ты чистишь,—и восхищаешь взоры,
 Ты быспри,—и утѣшаешь слухъ;
 Какъ серна скачуща на горы,
 Такъ мой къ тебѣ спремился духъ,
 Желаньемъ пѣть тебя горящій.

Когда въ дуги твои сребристы
 Глядишься красная заря:
 Какіе пурпуры огнисты
 И розы пламенны, горя,
 Съ паденьемъ водъ твоихъ кающіяся!

Гора, въ день спадамъ покровенну,
 Себя въ шебѣ любуясь зришь;
 Въ пвоихъ водахъ изображенну
 Дуброву въперокъ спруишь,
 Волнуешь жапву золошую.

Багрянымъ брегъ пвой спановишся,
 Какъ солнце капишся съ небесъ;
 Лучемъ криспаль пвой загоришся,
 Въ дали начнешъ синѣшся лѣсъ,
 Тумановъ море разольешся.

О! коль ночью темною
 Пріяпенъ видъ пвой при лунѣ,
 Какъ блѣдны холмы надъ побою
 И рощи дремлютъ въ пишинѣ:
 А ты одинъ, шумя, сверкаешь!

Сгарая спихотворства спраспью,
 Къ шебѣ я прихожу, ручей:
 Завидую Піиша щаспью,
 Вкусившему воды пвоей,
 Парнаскимъ лавромъ увѣнчанну.

Напой меня, напой побою,
 Да воспую подобно я,
 И съ чиспою пвоей спруею
 Сравнишся въ пѣсняхъ мысль моя;
 А лирный гласъ съ пвоимъ спремленьемъ.

Да честь твоя пройдетъ всѣ грады,
Какъ эхо съ горъ сквозь лѣсъ дремучь:
Творца безсмертной Россіады,
Священный Гребеневскій ключь,
Поилъ водой ты стихотворства!

НА СМЕРТЬ К. МЕЩЕРСКАГО.

Глаголь временъ! мешалла звонъ!
Твой спрашный гласъ меня смущаетъ,
Зовешъ меня, зовешъ швой спонъ,
Зовешъ,—и къ гробу приближаетъ.
Едва увидѣлъ я сей свѣтъ,
Уже зубами смертъ скрежещетъ,
Какъ молніей, косою блещетъ,
И дни мои, какъ злакъ, сѣчетъ.

Ничто опъ роковыхъ кошпей,
Ни кая шварь не убѣгаетъ;
Монархъ и узникъ снѣдь червей,
Гробницы злосъ спихій снѣдаетъ;
Зіетъ время славу спертъ:
Какъ въ морѣ лютяся быспры воды,
Такъ въ вѣчностъ лютяся дни и годы;
Глошаетъ царства алчна смертъ.

Скользимъ мы бездны на краю,
 Въ копорую спремглавъ свалимся;
 Приемлемъ съ жизнью смерть свою,
 На то, чѣмъ умереть, родимся.
 Безъ жалости все смерть разитъ:
 И звѣзды ею сокрушались,
 И солнца ею попушались,
 И всѣмъ мірамъ она грозитъ.

Не мнишь лишь смертный умирашь
 И бышь себя онъ вѣчнымъ чаешь;
 Приходишь смерть къ нему, какъ шаешь,
 И жизнь внезапно похищаешь.
 Увы! гдѣ меньше страха намъ,
 Тамъ можетъ смерть поспичь скорѣе;
 Ея и громы не быспрѣ
 Слепають къ гордымъ вышинамъ.

Сынъ роскоши, прохлада и нѣга,
 Куда, Мещерской! ты сокрылся?
 Оставилъ ты сей жизни берегъ,
 Къ брегамъ ты мерпвыхъ удалился;
 Здѣсь персть швоя, а духа нѣтъ.
 Гдѣжь онъ?--Онъ тамъ;--Гдѣ тамъ?--Не знаемъ.
 Мы только плачемъ и зываемъ:
 О горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!

Ушѣхи, радость и любовь
 Гдѣ купно съ здравіемъ блиспали,
 У всѣхъ шамъ цѣпенѣеть кровь
 И духъ мящется опъ печали.
 Гдѣ споль былъ яснѣвъ, шамъ гробъ споишъ;
 Гдѣ пиршеснѣвъ раздавались лики,
 Надгробные шамъ воюшъ клики,
 И блѣдна смерть на всѣхъ глядишъ.

Глядишъ на всѣхъ,—и на Царей,
 Кому въ державу шѣсны міры;
 Глядишъ на пышныхъ богачей,
 Чшо въ злашѣ и сребрѣ кумиры;
 Глядишъ на прелеснѣ и красы,
 Глядишъ на разумъ возвышенный,
 Глядишъ на силы дерзновенны,
 И почишъ лезвее косы.

Смерть, препенѣ еспешсва и спрахъ!
 Мы гордоснѣ, съ бѣдноспью совмѣспна;
 Сего дня Богъ, а завпра прахъ;
 Сего дня льспишъ надежда леспна,
 А завпра: гдѣ ты, человекъ?
 Едва часы пропечъ успѣли,
 Хаоса въ бездну улешѣли,
 И весь, какъ сонъ, прошелъ швой вѣкъ.

Какъ сонъ, какъ сладкая мечта,
 Исчезла и моя ужъ младость;
 Не сильно нѣжишь красота,
 Не сполько восхищаешь радость,
 Не сполько легкомыслень умъ,
 Не сполько я благополучень;
 Желаніемъ чesпей размучень,
 Зовешь, я слышу, славы шумъ.

Но такъ и мужество пройдетъ
 И вмѣстѣ къ славѣ съ нимъ спремленье;
 Богатствъ спяжаніе минетъ
 И въ сердцѣ всѣхъ спрасшей волненье
 Прейдетъ, прейдетъ въ чреду свою.
 Подише щасши прочь возможны,
 Вы всѣ премѣнны здѣсь и ложны: —
 Я въ дверяхъ вѣчности спою.

Сей день, иль завтра умерешь,
 Перфильевъ! должно намъ конечно:
 По чпожъ перзаться и скорбѣшь,
 Чпо смерпный другъ пвой жиль не вѣчно?
 Жизнь есть небесъ мгновенный даръ;
 Устрой ее себѣ къ покою,
 И съ чиспою пвоей душою
 Благословляй судьбъ ударъ.

ОСЕНЬ ВО ВРЕМЯ ОСАДЫ ОЧАКОВА.

Спустиль съдой Эоль Борея
Съ цѣпей чугуновыхъ изъ пещеръ;
Ужасныя крилъ разширя,
Махнулъ по свѣту богатырь;
Погналъ спадомъ воздухъ синій,
Спустиль шуманы въ облака,
Давнулъ,—и облака разсѣлись,
Пущился дождь и возшумѣлъ.

Уже румяна осень носитъ
Снопы злашые на гумно,
И роскошь винограду проситъ
Рукою жадной на вино.
Уже спада полпаша пшичья,
Ковыль сребрился по степямъ;
Шумящи красножелты листья
Разсплались всюду по пропамъ.

Въ опушкѣ заецъ быспроногій,
 Какъ колпикъ посѣдѣвъ, лежишь;
 Ловецки раздаются роги,
 И выжляшь лай и гуль гремишь.
 Запасшися кресстьянинъ хлѣбомъ,
 Бсѣхъ добры щи и пиво пьешь;
 Обогащенный щедрымъ небомъ,
 Блаженство дней своихъ поешь.

Борей на Осень хмуришь брови,
 И Зиму съ сѣвера зовешь:
 Идешь сѣдая чародѣйка,
 Космашымъ машешь рукавомъ;
 И снѣгъ, и мразъ, и иней сыплешь,
 И воды прешворяешь въ льды;
 Опъ хладнаго ея дыханья
 Природы взоръ оцѣпенѣлъ.

На мѣсто радугъ изпещренныхъ
 Висишь по небу мгла вокругъ:
 А на коврахъ полей зеленыхъ
 Лежишь разсыпанъ бѣлый пухъ.
 Пустыни сѣпують и доли,
 Голодны волки воюють въ нихъ;
 Древа спояють и холмы голы,
 И не пасется спадъ при нихъ.

Ушель олень на шундры мшисшы,
 И въ логовище легъ медвѣдь;
 По селамъ Нимфы голосисшы
 Преспали въ хоровахъ пѣшь;
 Дымяшся сѣрымъ дымомъ дома,
 Поспѣшно ѣдешь пупникъ въ пушь,
 Небесный Марсъ оставилъ громы
 И легъ въ шуманы опдохнушь.

Россійскій только Марсъ, Пошемкинъ
 Не ужаеся зимы:
 По развѣвающимъ знаменамъ
 Полковъ, водимыхъ имъ, орелъ
 Надъ древнимъ царствомъ Мишридаша
 Лепаетъ и шемнишь луну;
 Подъ звучнымъ криль его мельканьемъ
 То чернь, то блѣднъ, то рдянъ Эвксинъ.

Огонь, въ волнахъ неугасимый,
 Очаковскія спѣны жрешь,
 Предъ ними Россъ непобѣдимый
 И въ мразъ зелены лавры жнешъ;
 Съдыя бури презираешъ,
 На льды, на рвы, на громъ лешишь,
 Въ водахъ и въ пламѣ помышляешъ:
 Иль умерешъ, иль побѣдишь.

Мужайся, швердый Россъ и вѣрный,
 Еще побѣдой возблистаешь!
 Ты не наемникъ, сынъ усердный;
 Твоя Екатерина мать,
 Пошемкинъ вождь, Богъ покровитель;
 Твоя геройска грудь швой щипъ,
 Чесъ мзда швоя, вселенна зришь,
 Попомство плесками гремишь.

Мужайтесь, Росски Ахиллесы,
 Богини сѣверной сыны!
 Хотя вы въ Спиксъ не погружались,
 Но вы безсмертны по дѣламъ.
 На васъ всѣхъ мысль, на васъ всѣхъ взоры,
 Дерзайте вашихъ въ слѣдъ опцовъ!
 И ты спѣши скорѣй, Голицынъ!
 Принесешь въ швой домъ съ оливой лавръ.

Твоя супруга злаповласа,
 Плѣнира сердцемъ и лицомъ,
 Давно желаннаго ждешь гласа,
 Когда ты къ ней пріѣдешь въ домъ;
 Когда съ горячностью обнимешь
 Ты семерыхъ швоихъ сыновъ,
 На маперъ нѣжны взоры вскинешь,
 И въ радости не сыщешь словъ.

Когда обильными рѣчами
 Попомъ воспоргъ свой изъявишь,
 Безцѣнными побѣдъ вѣнцами
 Твою супругу удивишь;
 Геройскія дѣла расскажешь
 Ея ты дяди и опца,
 И духъ и умъ его докажешь,
 И какъ къ себѣ онъ влекъ сердца.

Спѣши, супругъ къ супругѣ вѣрной,
 Обрадуй ты, утѣшь ее;
 Она задумчива, печальна,
 Въ простой одеждѣ, и власы
 Разсыпавъ по челу неспройно,
 Сидишь за сполникомъ въ софѣ;
 И свѣплоголубые взоры
 Ея всечасно слезы льюшь.

Она къ тебѣ вседневно пишешь:
 Твердишь по славу, по любовь,
 То жалостью, то нѣгой дышешь,
 То спрахъ ея смущаетъ кровь;
 То дядѣ поржесства желаешь,
 То жаждешь мужниной любви,
 Мянешся, борешься, вѣщаешь:
 Коль долгъ велишь, ты лавры рви!

Въ чертогѣ вокругъ ея безмолвномъ
Не смѣютъ Нимфы пошепташь;
Въ восторгѣ только Музы шумномъ
Осмѣлились сей стихъ бряцашь. —
Румяна осень! — радость мира!
Умножь, умножь еще пшвой плодъ!
Приди желанна вѣсь! — и лира
Любовь и славу воспоешь.

НА СМЕРТЬ ГРАФИНИ РУМЯНЦОВОЙ.

Не безпрестанно дождь спремился
На классы съ черныхъ облаковъ,
И море не всегда спруился
Опъ премѣняемыхъ вѣтровъ;
Не круглой годъ во льду спяшь воды,
Не всякой день бурь слышанъ свистъ,
И съ скучной не всегда природы
Падешь на землю желшой лисъ.

Подобно и тебѣ крушишься
Не должно Н. всегда,
Гошово ль солнце въ бездну скрышься,
Иль паки упру бышь чреда;
Ты жизнь свою въ поскѣ проводишь,
По Англинскимъ пвоимъ коврамъ,
Уединясь, въ смущеньи ходишь,
И волю печь даешь слезамъ.

Престань! и равнодушнымъ окомъ
 Воззри на оный кипарисъ,
 Который на берегу высокомъ
 На Невскія струи нависъ,
 И мрачной пѣни подъ покровомъ,
 Во дремлющихъ своихъ вѣпьяхъ,
 Сокрыль недавно въ гробъ новомъ
 Румянцовой почтенный прахъ.

Румянцовой!—Она блиспала
 Умомъ, породой, красою,
 И въ спароси любовь снискала
 У всѣхъ любезною душой;
 Она со пвердостью смежила
 Супружній взоръ, друзей, дѣтей;
 Монархамъ осмерымъ служила,
 Носила знаки ихъ чеспей.

И зрѣла въ поржествѣ и славѣ
 И въ лаврахъ сына своего;
 Не измѣнялась въ сердцѣ, нравѣ,
 Ни для кого, ни для чего:
 А доброе и злое купно
 Собою испытала все,
 И какъ верпился всеминупно
 Людской форпуны колесо.

Воззри на памятникъ сей вѣчной
 Ты современницы швоей,
 Въ опраду горести сердечной,
 Къ спокойствію души своей,
 Прочти: „Сія гробница скрыла
 „Запмившаго машъ лунный свѣтъ;
 „Смерть добродѣтели щадила,
 „Она жила почти спѣ лѣтъ.

Какъ солнце пускло низпускаешъ
 Послѣднія свои лучи,
 По небу, по водамъ блискаешъ
 Румяною зарей въ ночи:
 Такъ съ шихимъ вздохомъ, взоромъ яснымъ
 Она оставила сей свѣтъ;
 Но именемъ своимъ прекраснымъ
 Еще, еще она живешъ.

И ты, коль побѣдила спрасши,
 Которы шрудно побѣдишь;
 Когда не ищешъ вышней власпи
 И первою въ вельможахъ бышь;
 Когда не мспишь, и совѣсть права,
 Не алчешъ злапа и сребра:
 Какого же, коль шѣломъ здрава,
 Еще желаешъ ты добра?

Одно лишь въ насъ добро прямое,
 А прочее все въ свѣтѣ тлѣнь;
 Почіеши чья душа въ покоѣ,
 По испиниѣ топъ есть блаженъ.
 Престанъ же ты умомъ крылашымъ
 По преволненію лепашъ;
 Съ убогимъ грузомъ, иль богатымъ,
 Всякъ долженъ къ вѣчности приспашъ.

Пожди:—и сынъ твой съ спрашна бою
 Иль на щипѣ, иль со щипомъ,
 Съ побѣдой, съ славою, съ женою,
 Съ профеями пріѣдешъ въ домъ;
 И естли знапности и лапа
 Невѣстка въ даръ не принесешъ,
 Благими нравами богата,
 Прекрасныхъ внушашъ приведешъ.

Ушѣшься,—и въ обѣщаннѣ нѣжномъ
 Облобызай своихъ ты чадъ;
 Въ семействѣ шихомъ, безмятежномъ,
 Тессальскій насаждая садъ,
 Живи и распложай науки;
 Живи и обезсмертѣй себя,
 Да громогласной лиры звуки
 И Музы воспоютъ тебя.

Сѣдый соборъ Ареопага,
На испинну смопря въ очки,
На щепъ общесѣвеннаго блага
Не рѣдко ей давалъ щелчки:
Но въ вѣкъ шопъ Ариспиды жили,
Сносили ссылки, казни, смершь;
Когда судьбы благоволили,
Не должно ли и намъ шерпѣшь?

Терпи!—Самсонъ сопрешъ льву зубы,
А Навинъ пошемнишь луну;
Румянцовъ молныи дхнешъ сугубы,
Екатерина шишину:
Меняжъ ничпо вредишь не можешъ,
Я злобу пвердоспью сопру;
Враговъ моихъ червь коспи сгложешъ:
А я Піишь,—и не умру.

XXVIII.

ЛЮБИТЕЛЮ ХУДОЖЕСТВЪ.

Сойди, любезная Эрапа!
 Съ горы зеленой, двухолмистой,
 Въ одеждѣ бѣлой, серебриспой,
 Украшенна вѣнцомъ и поясомъ изъ злапа,
 Съ пвоею арфой сладкогласной! —
 Сойди ушѣхъ соборъ,
 И брось къ намъ нѣжноспраспной
 Съ улыбкою пвой взоръ;
 И царспвуй вѣчно въ домъ семъ
 На берегахъ Невы прекрасныхъ!
 Любишелю наукъ изящныхъ,
 Мы пѣснь съ побою воспоемъ.

*Небеса внимлите
 Чистый сердца жаръ,
 И съ высотъ пошлите
 Пѣсень сладкій даръ.
 О! мольба прилѣжна,
 Какъ роса взнесись:
 Къ намъ ты, Муза нѣжна,
 Какъ Зефиръ, слустись!*

Какъ легкая серна
 Изъ дола въ доль, съ холма на холмъ
 Перебѣгаетъ;
 Какъ бѣлый голубокъ, она
 То внизъ, по вверхъ, подъ облачкомъ
 Перелетаетъ;
 Съ небесныхъ свѣтлыхъ горъ дорогу голу-
 бую
 Ко мнѣ въ минушу перешла,
 И арфу золошную
 Съ собою принесла;
 Рѣзвилась вокругъ меня, ласкалася, смо-
 прѣла,
 И будпо вѣперочикъ, сѣла
 На лонѣ у меня.
 Тушъ вдругъ, веселый видъ на важный пре-
 мѣня,
 Небеснымъ жаромъ возпылала,
 На арфѣ заиграла.

*Ея бѣлорумяны персты
 По звучнымъ бѣгаютъ струнамъ;
 Взоръ терноогненный, отверстый,
 Какъ молнія во слѣдъ громамъ,
 Блистаетъ, жжетъ и поражаетъ
 Всю внутренность души моей;
 Томитъ, мертвитъ и оживляетъ
 Меня пріятностью своей.*

Боги взоръ свой отвращаютъ
 Отъ нелюбящаго Музъ,
 Фуріи ему влагаютъ
 Въ сердце горство грубый вкусъ,
 Жажду злата и сребра.—
 Врагъ онъ общаго добра!

Ни слеза вдовицъ не тронетъ,
 Ни сиротъ несчастныхъ стонъ;
 Пусть въ крови вселенна тонетъ,
 Былъ бы щастливъ только онъ;
 Большебъ собралъ серебра. —
 Врагъ онъ общаго добра!

Напротивъ того взираютъ
 Боги на любимца Музъ,
 Сердце нѣжное влагаютъ
 И изящный нѣжный вкусъ;
 Всѣмъ душа его щедра.—
 Другъ онъ общаго добра!

Отираетъ токи слезны,
 Унимаетъ скорбный стонъ;
 Сиротамъ отецъ любезный,
 Покровитель Музамъ онъ;
 Всѣмъ душа его щедра. —
 Другъ онъ общаго добра!

О день! о день благопріятный!
 Несущся въпрямъ голоса,
 Курящся крины аромашны,
 Склонились долу небеса;
 Лазурны пучи, краезлапы,
 Блиспаючи рубиномъ сквозь,
 Какъ изпещренный флошъ, богатый,
 Спрямящся по ээиру вкосъ;

И плавая шуда,
 Сюда,

Спускающся предъ нами.

На нихъ сидишъ небесныхъ Музъ соборъ,
 Вкругъ Геніевъ крылапыхъ хоръ, —
 Лешяшъ, въ слѣдъ тянушся цѣпями,
 Какъ бы весной

Разнопериспыхъ ппичекъ рой

Вьепъ воздухъ за собою

Криспальною спруею,

И провождаетъ къ намъ дѣвъ горнихъ красный
 ликъ!

Я слышу вдалькѣ шамъ рѣзкій прубный зыкъ;
 Тамъ бубновъ громъ,

Тамъ спонъ

Волпорнъ

Созвучно въ воздухъ ударяетъ;

Тамъ гласъ свирѣлей

И звонкихъ прелей

Сквозь ихъ изрѣдка пробѣгаетъ,

Какъ соловьиный свистъ, сквозь шумъ паду-
 щихъ водъ.

Присутствующаго со мной!
 Я вижу, вижу Аполлона
 Въ пошъ мигъ, какъ онъ сразилъ Тифона
 Божественной своей стрѣлой:
 Зубчапа молнія сверкаетъ,
 Звенишь въ рукъ священный лукъ;
 Ужасная змія зіяетъ
 И въ мигъ свой изпускаетъ духъ,
 Чешуйчапымъ хвостомъ песокъ перегребая,
 И черну кровь ручьемъ изъ раны изпуская.
 Я зрю сіе,—и въ мигъ себѣ предспавишь могъ,
 Чшо такъ невѣжесиво сражаетъ свѣша Богъ.

Полкъ блѣдныхъ пѣней окружаетъ
 И ужасаетъ духъ шого,
 Кшо кровью руки умываетъ
 Для власполюбья своего;
 И черный змѣй по сердце гложетъ,
 Въ комъ зависъ, злосъ и лесъ живетъ;
 И кшо своимъ добромъ житъ можетъ,
 Но для богапсва мзду беретъ.
 Порокъ спокоенъ не бываетъ;
 Нравъ варварскій его мяшетъ,
 Наукъ, художесивъ не ласкаетъ,
 И свѣша свѣшъ ему не льетъ.—
 Какъ звѣрь,—онъ ищетъ мѣста темна;
 Какъ змѣй,—онъ ползая шипитъ;
 Душа коварсивомъ напоенна
 Глазами прямо не глядитъ.

Черные мраки,
 Злые призраки
 Ужасныхъ страстей!
 Бѣгите изъ града,
 Сокройтесь въ дно ада
 Отъ нашихъ въ дней!
 Свѣта перуны,
 Лирныя струны,
 Минервинъ эгидъ!
 Сыльте въ злость стрѣлы,
 Брань за предѣлы
 Отъ насъ да бѣжить!

Какъ солнце гонишь нощи мракъ,
 И опъ его червлена злапа
 Румянился природы зракъ:
 Веселорѣзвая Эрапа!
 Ты ходишь по лугамъ зеленымъ
 И рвешь погда себѣ цвѣты,
 Свободнымъ духомъ, восхищеннымъ,
 Поешь свои упѣхи ты;
 Во слѣдъ шебѣ забавъ соборъ,
 Пѣвицъ пріятныхъ хоръ,
 Наяды пляшутъ и фауны:
 Соспавъ же ты, прелесно божество!
 И намъ шеперя поржесство,
 Да сладкогласной лиры струны,
 Твоею движимы рукой,
 Возбуждашь всѣхъ ко пляскамъ предъ побой.

Радостно, весело въ день сей
Вмѣстѣ собирайтесь, други!
Бросьте свои недосуги,
Скажите, пляшите смѣлѣй:
Бейте въ ладони руками,
Щошкайте громко перстами,
Чорны глаза поводите,
Станомъ вы всѣмъ говорите;
Фертикомъ руки вы въ боки,
Дѣлайте легкіе скоки;
Чоботъ о чоботъ стучите,
Съ настулью смѣлой свищите,
Молвьте, сласибо, душею
Мужу тому, что снисходитъ
Лаской, любовью своею,
Всѣмъ намъ веселье находитъ.
Здравствуй же, Музъ днесъ Любитель!
Здравствуй ихъ всѣхъ Покровитель!

XXIX.

М Е Р К У Р І Ю.

По чшо меня опъ Аполлона,
 Меркурій! ты ведешь съ собой:
 Средь пышнаго порговли прона
 Мнѣ кажешь ворохъ золопой?
 Сбирашь, завидовашь, изъ млада
 Я не привыкъ, и не хочу.
 Богатшволь спарику награда?
 Давно съ презрѣньемъ я попчу
 Его всю прелестъ равнодушно.

* * *

Коль я здоровъ, хлѣбъ соль имѣю,
 И даръ мнѣ данъ судьи, пѣвца,
 И челобитчиковъ я смѣю
 Вспрѣчать съ передняго крыльца,
 И къ небогашому богашый
 За нуждою ко мнѣ идешь,
 За храмъ — мои проспы палапы,
 За золопо — солону чпешъ:
 На чшо же мнѣ швоя излишность?

Но ахъ! когда я спалъ послушенъ
 Тебѣ, мой вождь и Богъ златой:
 То будь и ты великодушенъ,
 И мой не опними покой;
 Но хлопотай когда уснану,
 Весь день бывъ жертвой и игрой
 Среброчешуйну океану:
 Позволь, какъ грянешъ громъ, домой
 Пришедшему обнять мнѣ Музу.

* * *

Да вмѣсто виспа и бѣспону,
 Я съ ней на лирѣ порѣзвлюсь,
 Монаршу, Божеску закону,
 Суду и правдѣ поучусь;
 Не дамъ волкамъ овечки скушать:
 А ты, коль хочешь одолжить,
 Приди моей сей пѣсни слушать,
 Посеребришь, позолошишь
 Мою трубу Екатеринѣ.

XXX.

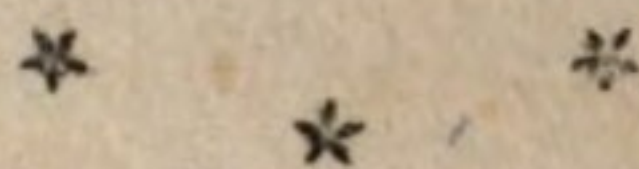
Н А Щ А С Т І Ё.

Всегда прехвально, препочтенно,
 Во всей вселенной обоженно
 И вождельнное опъ всѣхъ,
 О пы, великомощно щасье!
 Испочникъ нашихъ бѣдъ, упѣхъ,
 Кому и въ ведро и въ ненастье,
 Мавръ, Лопарь, паспыри, Цари,
 Моляся въ куцахъ и на пронѣ,
 Въ воскликновеніяхъ и спонѣ,
 Въ сердцахъ ихъ зиждупъ олшари!

* * *

Сынъ время, случая, судьбины,
 Иль недовѣдомой причины,
 Богъ сильной, рѣзвой, доброй, злой!
 На шаровидной колесницѣ,
 Хруспальной, скользкой, роковой,
 Во слѣдъ блистающей денницѣ
 Чрезъ горы, степь, моря, лѣса,
 Вседневно пы по свѣпу скачешь,
 Волшебною ширинкой машешь,
 И производишь чудеса.

Куда хребетъ свой обращаешь,
 Тамъ въ пепель грады претворяешь,
 Приводишь въ спрахъ богатырей;
 Сулпановъ заключаешь въ клѣшку,
 На казнь выводишь Королей;
 Но есѣли пыжъ, хопя въ издѣвку,
 Осклабишь взоръ свой на кого:
 Раба пворишь владыкой міру,
 На мѣсто рубища порфиру
 Ты возлагаешь на него.

Въ шѣ дни людскаго просвѣщенья,
 Какъ нѣтъ кикиморовъ явленья,
 Какъ пы лишь всѣмъ чудопворишь:
 Дѣвицъ и дамъ магнизируешь,
 Изъ камней золото варишь,
 Въ глаза папріотизма плюешь,
 Кашаешь кубаремъ весь міръ;
 Какъ рѣзвощи пвоей примѣровъ,
 Полна земля вся Кавалеровъ,
 И цѣлый свѣтъ спалъ Бригадиръ.

Въ шѣ дни, какъ всюду скороходомъ
 Предъ Русскимъ ты бѣжишь народомъ
 И лавры рвешь ему зимой,
 Спамбулу бороду ерошишь,
 На Тавръ ѣдешь чехардой;
 Задашь Спокгольму перцу хочешь,
 Берлину фабришь ты усы;
 А Темзу въ фижмы наряжаешь,
 Хохолъ Варшавѣ раздуваешь,
 Копишь Голландцамъ колбасы.

* * *

Въ шѣ дни, какъ Вѣну ободряешь,
 Парижу пукли разбиваешь,
 Мадришу поднимаешь носъ,
 На Копенгагенъ иней съешь,
 Пучокъ подносишь Гданску розъ;
 Венецѣи, Мальтѣ не радѣешь,
 А Греціи велишь зѣвать;
 И Риму, ноги чпобъ не пухли,
 Свяшья оспавляя шуфли,
 Царямъ препишь ихъ цѣловать.

Въ шѣ дни, какъ все вездѣ въ разгульѣ:
 Полишика и правосудье,
 Умъ, совѣсть и законъ свяшой
 И Логика пиры пируюшъ,
 На каршы спавяшъ вѣкъ злопой,
 Судьбами смертныхъ пуншируюшъ,
 Вселенну въ праншелево гнушъ;
 Какъ полюсы, меридіаны,
 Науки, музы, боги—пьяны,
 Всѣ скачущъ, пляшущъ и поющъ. —

Въ шѣ дни, какъ всюду Ерихонцы
 Не сѣющъ, но лишь жнущъ червонцы,
 Ихъ денегъ куры не клюющъ;
 Какъ вкусъ и нравы распеспрились,
 Весь міръ спалъ полосатый шущъ;
 Маршышки въ воздухъ явились,
 По свѣшу свѣпяшъ фонари,
 Вишійспвующъ уранги въ школахъ;
 На пышныхъ каршочныхъ пресполахъ
 Сидяшъ мишурные Цари.

Въ тѣ дни, какъ мудрость среди проновъ
 Одна не мѣсипъ макаронъ,
 Не ходипъ въ кузницу ковать;
 А развѣ временемъ лишь скучнымъ
 Изволипъ Музъ къ себѣ пускапъ
 И перышкомъ своимъ искуснымъ,
 Не ссоряся ни какъ, ни съ кѣмъ,
 Для общей и своей забавы,
 Комедьи пишепъ, чиспипъ нравы,
 И припѣваетъ *хемъ, хемъ, хемъ*.

Въ тѣ дни, ни съ кѣмъ какъ несравненна
 Она съ побою сопряженна,
 —Ни въ сказкахъ складно разскапъ,
 Ни написапъ перомъ красиво, —
 Изволипъ милоспъ проливапъ,
 Изволипъ царспвовапъ правдиво,
 Не жжепъ, не рубипъ безъ суда;
 А развѣ кое-какъ вельможи,
 И пакъ, и сякъ, нахмурия рожи,
 Тузяпъ инова иногда.

Въ шѣ дни, какъ мещешь всюду взоры
 Она вселенной на ресоры
 И вѣсишь скипетры Царей,
 Слѣды орловъ парящихъ видишь
 И пресмыкающихся змѣй;
 Разя враговъ, не ненавидишь,
 А только пресѣкаешь зло;
 Безъ лапъ богатырямъ и въ лапахъ
 Препишь давишь лимоны въ лапахъ!
 А хочешь, чшобы все цвѣло.

Въ шѣ дни, какъ скипетромъ любезнымъ
 Она перунъ къ спранамъ желѣзнымъ
 И громъ за придевять земель
 Несешь на лунно государство,
 И бомбы сыплешь будпо хмель;
 Свое же ублажая царство,
 Покоишь, грѣешь и живишь;
 Въ морозъ каминь возжигаетъ,
 Дрова и сѣно запасаетъ,
 Бояръ и чернь благошворишь.

Въ тѣ дни и времена чудесны
 Твой взоръ и на меня всемѣстный
 Проспри, о надъ царями царь!
 Проспри, и удоспой усмѣшкой
 Презрѣнную побою тварь;
 И есѣли я не созданъ пѣшкой,
 Валяпся не рожденъ въ пыли,
 Прошу тебя моимъ бытъ другомъ;
 Песчинка можешъ бытъ жемчугомъ;
 Погладь меня и попрепли.

* * *

Бывало, ты меня къ боярамъ
 Въ любовь введешъ: беру все даромъ,
 На вексель, въ долгъ безъ плашежа;
 Судьи, дѣяки и прокуроры,
 Въ передней про себя брюжжа,
 Умильные мнѣ мещупъ взоры
 И жаждупъ слова моего:
 А я всѣхъ мимо по паркету
 Бѣгу, носъ вздернувъ, къ кабинету,
 И въ грошъ не спавлю никого.

*

Бывало, подь чужимъ нарядомъ
 Съ красопкой чернобровой рядомъ,
 Иль съ бѣленькой, сидя со мной,
 Ты въ шашки, по въ каршежъ играешь;
 Прекрасною швоей рукой
 Туза червоннаго вскрываешь,
 Сердечной швой шѣмъ кажешь взглядъ;
 Я къ кралѣ короля бросаю,
 И ферзь къ ладѣ я придвигаю,
 Даю марьяжъ, иль шахъ и матъ.

Бывало, милыя науки
 И Музы, проспирая руки,
 Позавпракашъ ко мнѣ придущъ,
 И все мое усядущъ ложе:
 А я свирѣль наспроя шущъ,
 Съ ихъ каждой лирой поже, поже
 Играю, что вчерась игралъ.
 Согласна прель! взаимны поны!
 Воспоргъ всѣхъ чувствъ! За васъ короны
 Тогда бы взяшъ не пожелалъ.

А нынѣ пятьдесятъ мнѣ было ;
 Полетъ свой щастье премѣнило ,
 Безъ лапъ я Горе-богатырь ;
 Прекрасный полъ меня лишь бѣситъ ,
 Амуръ безъ перьевъ непопырь ,
 Едва вспархнешъ, и носъ повѣситъ.
 Сокрылся и въ игрѣ мой кладъ ;
 Не спрашны мной, какъ прежде, Музы ;
 Бояра понадули пузы ,
 И я у всѣхъ спалъ виновашъ.

* * *

Услышь , услышь меня, о Щастье !
 И солнце какъ сквозь бурь, ненастье ,
 Такъ на меня и ты взгляни ;
 Прошу, молю тебя умильно ,
 Мою ты учась премѣни ;
 Вѣдь всемогуще ты и сильно
 Творишь добро изъ самыхъ золь ;
 Опъ божеской швоей десницы
 Гудокъ гудишь на шонъ скрипицы
 И вьешся локономъ хохоль.

Но ахъ! какъ нѣкая ты сфера,
 Иль легкій шаръ Монгольфiera,
 Блистая въ воздухѣ, лепишь;
 Вселенна длани проспираешь,
 Зовешь себя,—ты не глядишь:
 Но шаръ твой часто упадаешь
 По прихожи одной твоей
 На пни, на кочки, на колоды,
 На грязь и на гнилыя воды;
 А рѣдко, рѣдко на людей.

Слепи ко мнѣ, мое драгое,
 Серебряное, золотое,
 Сокровище и божество!
 Слепи, причпи къ твоимъ любимцамъ!
 Я храмъ тебѣ и торжество
 Устрою, и вездѣ по крыльцамъ
 Твоимъ рассыплю я цвѣты;
 Возжгу куреньи благовонны,
 И буду ѣздить на поклоны,
 Гдѣ только обитаешь ты.

Жить буду въ перемѣ богачомъ,
 Возвышусь въ чинъ, и знапнымъ бракомъ
 Горацію въ родню причпсусь;
 Перомъ моимъ славно-школярнымъ
 Разсудка выше вознесусь,
 И спавъ шебѣ неблагодарнымъ,
 —*Беатусъ!* брапъ мой, на волахъ
 Собою самъ поля орющій,
 Или спада свои пасущій!—
 Я буду восклицать въ пирахъ.

* * *

Увы! еще ты не внимаешь,
 О Щасіе! моей мольбѣ,
 Мои обѣты презираешь;
 Знапъ не угоденъ я шебѣ:
 Но на софахъ ли ты пуховыхъ,
 Въ шѣняхъ ли миршовыхъ лавровыхъ,
 Иль въ золопой живешь спранѣ;
 Внемли,—шепни швоимъ любимцамъ,
 Ведьможамъ, Королямъ и Принцамъ:—
 Спокойспвіе мое во мнѣ!

XXXI.

НА ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ МЕЦЕНАТА.

Кровавая луна блиспала
 Чрезъ покровенный ночью лѣсъ,
 На морѣ мрачномъ проспирала
 Сполбомъ багровый свѣшъ съ небесъ,
 По огненнымъ зыбямъ мелькая.
 Я видѣлъ, въ лодкѣ нѣкшо плыль:
 Тупъ вѣперъ, спрашно завывая,
 Ударилъ въ лѣсъ,—и лѣсъ завылъ;
 Изъ безднъ возспали пѣнны горы,
 Брега пуспили помный спонъ;
 Сквозъ бурные спихіевъ споры
 Зіяла шма со всѣхъ споронъ.

* * *

Ко берегу лодка приплывала,
 Приблизилась она ко мнѣ;
 Тѣнь бѣлая на ней мелькала,
 Какъ образъ мраморный во шмѣ.
 Ушихъ шумъ рошъ, умолкъ ревъ водный,
 Лишь спонущъ въ пишинъ часы;
 Сспремился пошъ по мнѣ холодный
 И дыбомъ возспающъ власы;
 На брегъ изъ лодки вылѣзаетъ
 Сшарикъ угрюмой и сѣдой,
 И озираясь подпираетъ
 Себя ужасною косою.

Тогда по берегу раздалися
 Надгробный плачь и вой людей,
 Отвсюду къ спарику сошлись
 Безчисленны толпы шѣней;
 Прискорбны, блѣдны и безгласны,
 Онѣ, пошупя взоры, шли;
 Цѣпями Фуріи ужасны
 Къ морскому берегу ихъ вели.
 Спарикъ кровавыми кохпями
 Къ себѣ на лодку ихъ влечетъ: —
 Богачъ и нищъ, рабы съ Царями,
 Всѣ равно оспавлиють свѣтъ.

Ужъ въ лодкѣ многія мечпались
 Знакомыя и мнѣ черпы,
 Другія къ оной приближались;
 Межъ ихъ, Шуваловъ! былъ и ты.
 И ты, другъ Музь, другъ смертныхъ роду,
 Фарось младыхъ вельможъ и мой!
 И ты Коципа зрѣлъ ужъ воду;
 Коса смертельна надъ побой,
 Разсѣкши мракъ густой, сверкала,
 Подобно какъ перунъ съ небесъ;
 Эреба бездна ужъ зіяла
 И ногу въ вѣчность ты занесъ.

Болѣзнь и спрахъ неизреченный
 Тогда спѣснили грудь мою:
 „Кѣмъ добродѣтели почтенны,
 „Кто родъ и санъ и жизнь свою
 „Спарался шѣмъ единымъ славишь,
 „Чтобъ ближнему благопворишь,
 „Попомспву храмъ наукъ оставишь,
 „Тому ли вѣкъ поль крапкій жишь?
 „Ужель врагъ чеспи и пороку,
 „И злой и доброй человѣкъ,
 „Единому подвласпны року? —
 „О бже праведный!,, — я рекъ.

Но вдругъ средь облака злапаго
 На крыльяхъ упренней зари
 Во зракъ божеспва младаго,
 Котораго рабы, Цари,
 Всѣ люди равномѣрно любяпъ,
 Но всѣ не равно берегупъ;
 Котораго лѣнь, роскошь губяпъ,
 Крѣпяпъ умѣренность и шрудъ, —
 Здоровье — даръ небесъ безцѣнный —
 Слепѣло въ швой черпогъ, и взявъ
 Въ злапомъ сосудъ сокъ врачевный,
 Кропя себя, рекло: будь здравъ!

Ты здоровъ! Хоръ Музъ тебѣ любезныхъ,
 Драгую жизнь твою любя,
 На мѣсто кипарисовъ слезныхъ,
 Вѣнчаютъ лаврами тебя.
 Пріавъ одна трубу златую,
 Другая спроя лирный гласъ,
 Та арфу, та свирѣль проспую,
 Воспѣли,—и воспѣль Парнасъ:
 „Живи наукамъ благодарѣть!
 „Твоя жизнь въ вѣкъ цвѣсти должна;
 „Не умираешь добродѣтель,
 „Безсмертна Музами она.

* * *

Безсмертны Музами Периклы,
 И Меценапы въ вѣкъ живутъ.
 Подобно памяти слава, пылы
 Твои, Шуваловъ, не умрутъ.
 Великій Петръ къ намъ ввелъ науки,
 А дочь его ввела къ намъ вкусъ;
 Ты, къ знаньямъ проспирая руки,
 У ней предшашелемъ былъ Музъ;
 Досель гремишь намъ въ Иліадѣ
 О Непторахъ, Улиссахъ громъ:
 Равно безсмертенъ въ Пепріадѣ
 Ты Ломоносовымъ перомъ.

XXXII.

НА УМЪРЕННОСТЬ.

Благополучиѣ мы будемъ,
 Коль не дерзнемъ въ спремленъе волнъ,
 Ни въ вихрь, робѣя, не принудимъ
 Близъ берега держащъ нашъ чолнъ. —
 Завидѣнъ попъ лишъ соспоянѣемъ,
 Кто среднею спезей идещъ,
 Ни благъ не восхищенъ мечпанѣемъ,
 Ни пьмой не ужасаемъ бѣдъ;
 Умѣренъ въ хижинѣ, черпогъ,
 Равенъ въ покоѣ и превогъ.

* * *

Собрашъ не алчешъ миліоновъ,
 Не скалишся на жирный споль;
 Не пребуешъ ни чѣихъ поклоновъ,
 И не лоцишъ ни чей самъ поль;
 Не вьешся въ душу къ царску другу,
 Не ловишъ шайнспѣвъ и не льспишъ;
 Гоповъ на прудъ и на услугу,
 И добродѣшель шокмо чшишъ. —
 Хошя и Царь его ласкаешъ,
 Онъ носа вверхъ не поднимаешъ,

Онъ видишь, что и дубы мшисты
Крехпянь, падуть съ вершины горъ,
Перунъ дробить бугры кремнисты
И пожигаетъ влажный боръ.

Онъ видишь, съ бѣлыми горами
Вверхъ скачуть съ шумомъ корабли;
Ревуть, и черными волнами
Внупръ погребаются земли;
Онъ видишь,—и судьбѣ послушенъ,
Въ премѣнахъ свѣта равнодушенъ.

* * *

Онъ видишь,—и душой мужаясь,
Въ несчастіи надежды полнь;
Подъ щастьемъ же, не упомляясь,
Въ безпечный не вдается сонъ;
Себя и ближняго покоя,
Чшишь Бога, вѣру и Царей;
Царствъ метафизикой не спроя,
Смѣется, зря на пузырей,
Лепящихъ флопомъ къ небу съ грузомъ,
И вольнымъ бышь не мнишь французомъ.

Онъ вѣдаешъ: доколѣ спроси
 Волнующся въ людскихъ сердцахъ,
 Нѣтъ вольности, нѣтъ равной чести
 Царю въ вѣнцѣ, рабу въ цѣпяхъ;
 Несешъ свое всякъ въ свѣтъ бремя,
 Другихъ всякъ жертва и пиранъ,
 Течешъ въ свое природа спремя;
 А сей законъ, коль въ вѣкъ ей данъ,
 Коль въ вѣкъ мы подъ спрастными спенаемъ:
 Какихъ же дней злыхъ желаемъ?

Всякъ долгу рабъ. — Я не мечтаю
 На воздухъ о городахъ;
 Всѣмъ щастливыхъ пушей желаю
 Къ форшунѣ по льду на конькахъ.
 Пускай Язонъ съ Колхиды древней,
 Златое сбрилъ себѣ руно;
 Крезъ завладѣлъ чужой деревней,
 Марсъ ошкупъ взялъ. мнѣ все равно;
 Я не завидливъ на богатство
 И царскихъ суммъ на святошество.

Когда судьба качаетъ въ люлькѣ,
 Благословляю часъ мою;
 Нѣшъ дѣлъ,—играю на бирюлькѣ,
 Средь Музъ съ Гораціемъ пою:
 Но есѣли бѣ Царь гдѣ добрый, рѣдкой
 Велѣлъ мнѣ грамошки писатъ,
 Ябѣ душу не вершѣлъ рулешкой;
 А спалъ бы пнемъ,—и спалъ чишапъ
 Равно о людяхъ, о болванахъ,
 О добродѣтеляхъ въ карманахъ.

А ежели бѣ когда и скушно
 Меня изволилъ онъ приняпъ,
 Любя его, я равнодушно
 И горестъ спалъ бы ощущапъ,
 И шель къ нему опяпъ со вздоромъ
 Суда и милоспи просипъ.
 Равно, когдабѣ и свѣплымъ взоромъ
 Со мной онъ вздумалъ пошупипъ,
 И у меня просипъ прощенья:
 Не заплясалъ бы съ восхищенья.

Но съ разсужденьемъ удивлялся
 Великодушію его,
 Не вдругъ на похвалы пускался;
 А въ жаръ сердца моего
 Воспѣлъ его бы безъ припворсхва,
 И въ сказочкѣ сказалъ подъ часъ:
 „Ты громокъ браньми,—для попомсхва;
 „Ты милъ щедропами,—для насъ:
 „Но славы и любви содѣшель
 „Тебѣ швоя лишь добродѣшель.,,

Смопри и всякъ, хопябъ чрезъ шашни
 Форшуну спаль кто впереди,
 Не сплошь спускай злпыхъ змѣй съ башни,
 И глядя въ небо, не пади;
 Держися лучше середины,
 И ближнему добро швори;
 На завпра крѣпоспей съ Судьбины
 Безсильны сами взяпъ Цари.
 Еспъ время,—сѣй,—оно преврапно;
 Прошедше не придетъ обратно.

Хошъ чья душа честна, любезна,
Хошъ безкорыстенъ кто, уменъ:
Но коль умѣренность полезна
И шѣмъ, кто славою плѣненъ!
Умѣй быть безъ обиды скромень,
Осаниспъ, швердъ, но не гордецъ;
Рѣшимъ безъ скороспи, спокоень,
Безъ хипроспи ловецъ сердецъ;
Вздувъ въ ясномъ парусѣ лазурѣ,
Умѣй ихъ не сронишь и въ бурѣ.

XXXIII.

НА КОВАРСТВО ФРАНЦУЗСКАГО ВОЗМУЩЕ-
НІЯ И ВЪ ЧЕСТЬ КНЯЗЯ ПОЖАРСКАГО.

Доколь владычествво и славу,
Коварство! будешь присвоять;
Вѣсы, кадило, мечь, державу
Въ рукахъ злодѣйскихъ обращать?
Доколь ловишвой ухищренной
Яремъ накладываешь вселенной
Тебѣ чрезъ наглость и чрезъ лѣсть?
За святошапственны обманы,
Доколь спяжешь власъ пираны,
Кумиры божескую честь?

* * *

Кто возвращаешь возможешь вѣки,
И зришь дѣянье древнихъ лѣтъ:
Топь знаешь, сколько человѣки
Тобою прешерпѣли бѣдъ!
Лишь праошецъ въ Эдемъ явился,
Твоимъ пронырствомъ искусился,
Изчезъ его блаженства садъ;
Сокрылося злѣе время
Съ тѣхъ поръ, какъ земнородныхъ племя
Вкусило твой плетворный ядъ.

Лежашъ поверженныя царства
 Мятежною своею рукой,
 Чужіе проны и начальства
 Не разъ похищены побой;
 Не разъ народнымъ кровопійцамъ
 И цѣлыхъ областей убійцамъ
 Ты опверзало славы храмъ;
 И небу щедрому, благому,
 Не разъ, въ покровъ ты дѣлу злому,
 Куришь дерзало еиміамъ.

* * *

Для властолобія, богашства,
 Для пагубныхъ своихъ спрашей,
 Не разъ, преодолевъ прецѣпства,
 Доспигло цѣли ты своей;
 Не разъ ты честность очерняло;
 Не разъ ты свялость порицало,
 И высило чрезъ нихъ твой рогъ;
 Не уважаешь узъ ты крови,
 Не чпишь ни дружбы, ни любви;
 Корысть одна и ты—твой Богъ!

*

Предусмотря свою выгоду,
 И сдѣлашь нужнымъ чѣмъ себя,
 Невинность, равенство, свободу,
 Покой и щастье испребя,
 Ты влило въ насъ свою оправу,
 Любишь прельстило злую славу
 И буйную господства спрасъ;
 Разбой—вмѣняющъ шамъ въ геройство,
 Жизнь безначальную—въ спокойство,
 Насиліе—въ священну власъ.

Твоя ужасна дальновидность
 И скрытый, мрачный твой совѣтъ
 Тамъ спавяшъ сѣпи на невинность,
 И слуха о тебѣ гдѣ нѣтъ.
 Для бѣдныхъ, слабыхъ обороны
 Успавлены суды, законы,
 Взаимность, должность, кляшвы, бракъ:
 Но коль сорвать съ тебя личину,
 Въ сію священну паушину
 Лишь вьзнешъ червь,—а ты?—Никакъ!

Возьмемъ же истины зеркало,
 Посмотримъ въ немъ швоихъ пушей;
 Эхиднино раскроемъ жало,
 Сокрытое въ груди швоей;
 Изслѣдуемъ швои дѣяньи,
 Всѣ виды, козни и желаньи,
 И обнажимъ шебя всего:
 Уже я зрю Хамелеона,
 Для пользы швоихъ, для ближнихъ спона,
 Въ изгибахъ сердца швоего.

* * *

Когда смѣешься—ты сирена;
 Когда ты плачешь,—крокодилъ;
 Когда молчишь,—тогда геенна
 Кипитъ въ тебѣ всѣхъ адскихъ силъ.
 Чудовище! пороки злыя
 За добродѣтели сваяшыя
 Умѣешь въ міръ ты выдавать;
 Велишь слова швои лукавы
 Небесной правды за ушавы
 Вселенной слѣпо обожаешь.

Велишь,—и въ нѣдрѣ крошкой вѣры,
 На мѣсто агнца въ олшаряхъ,
 Съ мольбой и пѣньемъ изувѣры
 Свою собратью жгушь въ кострахъ.
 Велишь,—и бредни лжепророка
 Повергли знамну часъ воспока
 Подъ любоспраспный алкоранъ.
 Европа ужаснулась кову,
 Чшо за любовь опкрыль Хриспову,
 Въ Варѣоломеевъ день пиранъ.

* * *

Велишь,—и Цесарь, прослезся,
 Знамена бунпа развернулъ;
 Велишь,—и Неронъ, припворяся,
 Смирениспвомъ прона досягнулъ.
 Изчады гордоспи, распущспва,
 Посредспвомъ швоего испущспва
 Даюшъ себѣ нерѣдко блескъ.
 Топъ шмы гражданъ повергъ ко гробу,
 Сей машерню пронзиль ушробу:
 Но имъ гремишъ народовъ плескъ.

Расприги, Кромвели, Надыры,
 Вельможи злые и Цари,
 Для хвалъ своихъ имѣють лиры,
 Для обожанья олшари;
 Чрезъ происки швои хваспливы,
 Велики, мудры, справедливы
 Являюся вселенной всей:
 Но гдѣ имъ испина коснешся,
 Завѣса леспи раздерешся,
 Изъ бога вскроешся—злодѣй.

Какъ оспрой спалью горорышсшво
 Мешалловъ ищешъ въ нѣдрѣ горъ:
 Такъ разумъ, людскосшь, любопышсшво
 И любомудрый шонкій взоръ
 Коварно сердце проникаешъ;
 Его всѣ бездны разверзаешъ
 И шайны явными шворишъ:
 А время на вѣсы все шочно,
 Чшо хвально вѣсишъ, чшо порочно,
 И безприсшрасшно насъ цѣнишъ.

О ты, который властью, саномъ
 Себя желаешь оплечить,
 И изъ пигмея великаномъ
 Безсмертно въ лѣтописяхъ жишь!
 Хоша дѣла твои днесь громки:
 Но есѣли поздныя попомки
 Пушей въ нихъ правыхъ не найдушь,
 Не будешь помѣщенъ ты въ Боги; —
 Несправедливыя дороги
 Въ храмъ вѣчной славы не ведушь.

Ведушь — не въ храмъ, — на мѣсто лобно
 Онѣ содѣшелей неправдъ;
 Души коварной чувство злобно,
 Здѣсь дыба; — а по смерти, — адъ.
 Насильственно рѣки стремленье,
 Войною спранъ опустошенье,
 Неправый судъ, огонь, гладъ, бунтъ, моръ!
 Чѣмъ слѣдъ вашъ? — Плачь и скорбь сердечна.
 Чѣмъ ваша слава? — Клятва вѣчна.
 Вы смрадный естества позоръ!

Обширный разумъ и надменный,
 Могущій власъ себѣ сѣзжать,
 Могущій царствамъ дни блаженны
 И злополучны даровать;
 Могущій успѣснить природу,
 Иль ей отдать ея свободу,
 Ты можешь самъ себя рѣшить:
 Почтенну ль бышь тебѣ съ Сократомъ,
 Или презрѣнну съ Героспрапомъ,
 Героемъ,—иль злодѣемъ слышь?

* * *

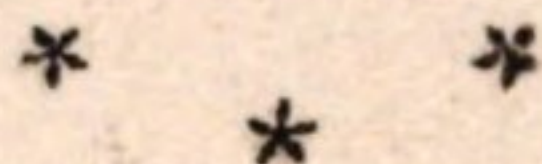
Когда бы бурный Нилъ волною
 Своихъ береговъ не упучнялъ;
 Благошворящею рѣкою
 Его бы свѣтъ не нарицалъ;
 Когдабъ Октавій козни злыя
 Не премѣнилъ въ дѣла благія,
 Поднесъ бы Августомъ не слылъ;
 И Петръ не назвался бѣ великимъ,
 Когда бѣ по подвигамъ поликимъ
 Онъ свой народъ не просвѣшилъ.

Доколь сіяніе короны
 Спраспямъ мрачиль не возбранишь,
 Священну вѣру и законы
 И правый судъ не сохранишь;
 Доколь не удалишь безчинность,
 Доколь не защишишь невинность
 И съ лихвой мзду не пресѣчешь;
 Доколь роскошь и пороки,
 Какъ быспрые съ горы попоки,
 Своимъ примѣромъ не прервешь;

Доколь, драконовъ сѣя зубы,
 Ты будешь новыхъ змѣй раждашь,
 И ложной славы громки трубы
 Въ свирѣльный гласъ не премѣняшь;
 Доколь моря, спраны и грады,
 Разбойничей алчбы награды,
 Чужое злопо и сребро,
 И лавръ не прешворишь въ оливы;
 Доколь не удобришь нивы
 И міра не пожнешь добро;

Доколѣ не возлюбишь правды,
 Съдинѣ Геройскихъ не почтишь,
 Народу не подашь оправды
 И сирыхъ гласу не внушишь :
 Дошоль, — о смертный! — сколь ни звучень,
 И сколь ты ни благополучень,
 Хошь славой до небесъ возникъ,
 Хошь сѣль на пронѣ превысокомъ,
 Предъ любомудрымъ, спрогимъ окомъ,
 Еще, еще ты не великъ.

Не пронѣ — но духа благородство
 Даетъ велики имена ;
 Прямое духа превосходство
 Лишь къ истинѣ любовь одна :
 О ней лишь можешь быть рачитель,
 О благѣ общему попечитель,
 Опцемъ опечесива Монархъ ;
 Лишь ею вождь — героемъ чпшся,
 И богомъ — судія намъ зришся,
 И солнцемъ міра — Іерархъ.

Пусть позлащенна мѣдь блискаетъ :
 Но блещетъ ли она собой?
 Пусть ухищреніе прельщаетъ :
 Но чѣмъ?—Лишь истинны корой.
 Повергни испытай въ горнило,
 Померкнетъ въ мигъ сіе свѣпило:
 А злобо всегда равно.
 И истина во вѣкъ сіяетъ ;
 Она едина соспавляетъ
 Всѣхъ добродѣтелей зерно.

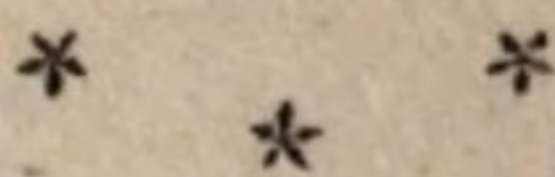
Зерно безсмертія и корень,
 Величія, добро въ вѣнецъ ;
 Природой храмъ ея построень
 У насъ во глубинѣ сердецъ.
 Когда естъ долгъ у человѣка,
 Ея въ немъ слышанъ гласъ ошъ вѣка :
 „Тебѣ данъ умъ,—меня познай ;
 „Словесность,—разскажи другому,
 „Безсмертный духъ,—коварству злему
 „Безъ ужаса пропивустай.

О коль видѣніе прекрасно! —
 Блаженъ, кшо идешь правдѣ въ слѣдъ!
 Ничто ему, ничто не спрашно
 И никакой не смерпенъ вредъ.
 Спремийсяль злосъ съ оспервенѣньемъ,
 Онъ ограждаешся терпѣньемъ
 И непорочности щипомъ
 Сжимаешъ зѣвъ ея кровавый;
 Поносна смерть короной славы
 Бываешъ въ подвигѣ такомъ.

Когдажъ въ сіи злапые годы,
 Въ сіи блаженны, рѣдки дни,
 Какъ мыслишь, говоришь, свободы
 Законной мы не лишены;
 Какъ разумъ съ истиной свящою
 Насъ милосердія спезею
 Спремаясь къ просвѣщенью весъ;
 Какъ всѣмъ оно не воспрещено: —
 Паукъ дерзаешъ ухищренно
 Вкругъ солнца паушину плесъ!

Увы! когдажъ, въ копоры вѣки
 Добра не угнѣшало зло?
 Гдѣ шѣ велики чловѣки,
 Копорыхъ сердце бы могло
 Предусмотрѣшь спрасшей всѣ виды?
 Гдѣ Леониды, Ариспиды?
 Гдѣ шѣ Эпаминонды днесъ?
 Гдѣ шѣ Капоны, Сципіоны,
 Копорыхъ чрезъ время запоны,
 Какъ огонь насъ, озаряешъ Chesъ?

Гдѣ шоль просшыя, не пришворны,
 Прямые, чистые сердца,
 Толь души шверды, благородны,
 Достойныя изъ звѣздъ вѣнца? —
 Средь славныхъ подвиговъ и боевъ
 Мы зримъ полки у насъ героевъ;
 Но чшишь ли ихъ взоръ мудреца?
 Онъ ищешъ Росса справедлива,
 Благочеслива, шерпѣлива,
 Мужей великихъ образца,

Копорый бы въ бояхъ сражался
 Лишь спасти народъ, Царя опъ бѣдъ;
 Перунами не возвышался,
 Опнесъ къ другимъ весь звукъ побѣдъ;
 Красой и злапомъ не былъ плѣннымъ,
 Просшилъ убійцамъ обличеннымъ,
 Сокрышу зависъ наградилъ;
 Не внявъ къ себѣ народа клику,
 Избралъ доспойнаго владыку
 И надъ собою воцарилъ.

Копорый, бывъ покорень волѣ
 Избраннаго собой Царя,
 Не возропшалъ и въ низкой долѣ,
 Его велѣнїи шворя,
 Спокращъ излилъ своей шокъ крови,
 Изсякъ къ опечесшву въ любви,
 Доволенъ безъ наградъ собой;
 Царя шворецъ и рабъ послушный,
 Не пылъ, Герой великодушный,
 Пожарской? Мужъ великій мой?

Ты спасъ опъ расхищенья царство,
 Ты власть Монарху ушвердилъ,
 Ты свергъ любоначальствъ коварство,
 Ты честь свою въ себѣ сокрылъ;
 Ни колесницъ ты, ни профеевъ,
 Ни громкихъ хвалъ, ни мавзолеевъ
 Во мзду не получилъ заслугъ;
 Одна лишь персть твоя оспалась,
 Въ ней искра славы сохранялась,
 Которая возжгла мой духъ.

Возспанъ, возспанъ на голосъ лиры,
 Великая изъ мрака тѣнь!
 И ночь когда скрываетъ міры,
 Или когда сіяетъ день,
 Носись надъ нашими главами,
 Умъ гордый поражай громами,
 Учи къ Царямъ благоговѣть,
 Подпорой будь въ Европѣ проновъ:
 Твой сильный гласъ, какъ Цицероновъ,
 Заспавишь злобу оробѣть.

Возспань! мечпайся въ вображеньи,
 Живи въ умѣ, шеки въ крови,
 Живи и дѣлай наспавленьи
 Въ прямой къ опечеспву любви;
 Въ любви,—что сварь нейдепъ въ дорогу,
 Вѣрна Царю, народу, Богу,
 Гопова все сама перпѣпъ,
 Гопова въ бѣдспвіяхъ мужапся,
 Нарзесовъ славѣ удивляпся,
 О Велизаріяхъ жалѣпъ.

Пуспъ Капилины, Бедемары,
 И Мирабо и Лафаепъ,
 Гопова скрытые удары,
 Крамолами колеблюпъ свѣпъ;
 Пускай коварспво Годунову
 Возносипъ въ памяпъ башню нову
 За пысячу его заслугъ:
 А на спвоей покрышкѣ гроба
 Проспуо надпись лишъ: *прогъ злоба!*
 Опечеспва напишепъ другъ.

XXXIV.

НА ПАНИХИДУ ЛЮДОВИКА XVI.

Звукъ слышу мусикійскій въ спонѣ,
 Во мракѣ громъ, во блескѣ ликъ.
 Здѣсь къ небу вознесенъ на пронѣ,
 А шамъ — на плахѣ — Людовикъ!
 О ужасъ! о превращенность міра!
 О оборотъ спыда, честей!
 Попранна шамъ въ крови порфира,
 А здѣсь приносятъ жершву ей! —
 Кшождь славы намъ прямой содѣшель? —
 Никшо, никшо, — лишь добродѣшель.

* * *

Лишь добродѣшель есть любезна
 Плѣненнымъ испиной сердцама;
 Въ черпогѣ, въ хижинѣ почшенна
 Она вездѣ по всѣмъ спрамамъ.
 На пронѣ филарешъ, въ шемницѣ,
 Какъ праведникъ, всегда почшенъ.
 Въ пыли Опрепьевъ, въ багряницѣ,
 Какъ извергъ, завсегда презрѣнъ.
 Не пронѣ, не подвиги чьи громки,
 Чшупъ безприспращные попомки.

Лишь добродѣшель;—ей священный
 Повѣренъ ключъ вѣсть чести въ храмъ.—
 О палачи Царя презрѣнны!
 Отвѣтспвуйте теперь вы намъ,
 Отвѣтспвуйте намъ, Пепіоны:
 По чпо Монарха и опца,
 Заслуги, вѣру и законы,
 Попрали вы? О злы сердца!
 По чпо невиннаго убили
 И вѣкъ пыпномъ нашъ обагрили?

* * *

„Любовь къ опечеспву велѣла.,,
 Вы ищете отвѣтъ намъ дать.—
 Она вдохнушь вамъ въ грудь умѣла,
 Чпобъ руки на Царя поднятъ?—
 О ухищренье! о коварспво! —
 Любовь къ опечеспву крошка;
 Она не разрушаетъ царспво,
 И нѣжная ея рука
 Всегда гражданъ щадитъ умѣла:
 Главу ль ей опдѣляетъ опъ шѣла?

*

Давно надменья, власполюбя,
 Сію личину знаемъ мы;
 Ее и Кромвель бралъ въ орудья,
 И ею Брушъ слѣпилъ умы.
 Открыша днесъ сердець ихъ склонность
 И мнимыхъ цѣль геройскихъ дѣлъ:
 Но пусть пошъ вѣру, сей же вольность
 Какъ будпо защищашъ хопѣль;
 А вашей люпоспи звѣриной,
 Цареубійцы! чпо причиной?

Тѣнь Людовика зрю споящу
 Окровавленную средь васъ,
 На лобномъ мѣспѣ возносящу
 Послѣдній вамъ свой скорбный гласъ:
 „Чпо, дѣши! чпо, народъ мой славный!
 „Чпо вамъ такое сдѣлалъ я?
 „Вы скипшрѣ вручили мнѣ державный:
 „Чѣмъ поспыдилась власпъ моя?
 „Вы имя мнѣ благаго дали,
 „Вы благоспи мои вкушали.

„Не я ли дверь отверзъ темницы,
 „Гдѣ васъ помила спрога власъ?
 „Не я ли слезы сперь вдовицы
 „И сирыхъ успокоилъ часъ?
 „Не я ль не пролилъ капли крови
 „Во все владычествъ мое:
 „Но какъ опецъ, весь полнъ любви,
 „Всю жизнь мою, все бышье
 „На ваши посвятивъ блаженства,
 „Искалъ вамъ благъ всѣхъ совершенства?

„Желали вы имѣть свободу,
 „Чтобы законы написать?
 „Я опдалъ всѣ права народу
 „И всю мою вамъ царску власъ.
 „Желали, чпобъ я, снявъ корону,
 „Со всѣми вами равенъ былъ?
 „Ни слезъ не испушивъ, ни спону,
 „Я съ вами гражданиномъ слылъ.
 „Желали вы, чпобъ я судился:
 „И я предъ вами правъ явился.

„Желали вы,, ... Но, пѣнь свяшая!
 Довольно,—скройся въ облакахъ;
 Душъ нашихъ больше не смущая,
 Живи, ликуй на небесахъ!
 Твою невинность всякой знаешь,
 Вселенною оправданъ ты;
 Попомство руки проспираешь
 На гробъ, на образъ твой цвѣты
 И мы съ слезами разсыпаемъ;
 Твоихъ пирановъ проклинаемъ.

* * *

Греми, проклятіе, всемѣсно
 И своды храма попряси,
 И правосудіе небесно
 Скорѣй на злобу низпроси!
 Греми, о Муза! и искусствомъ
 Подвигни къ жалости сердца,
 Наполнь однимъ Европу чувствомъ
 Къ опмщенью Царскаго вѣнца!
 Греми!—Но се ревущъ ужъ громы
 На крыліяхъ орловъ несомы.

XXXV.

КЪ ПЕРВОМУ СОСѢДУ.

Кого роскошными пирами
 На влажныхъ Невскихъ островахъ,
 Между тѣнисными древами,
 На муравѣ и на цвѣтахъ,
 Въ шапрахъ Персидскихъ, лапошвенныхъ,
 Изъ глинь Кишайскихъ драгоцѣнныхъ,
 Изъ Вѣнскихъ чистыхъ хрусталей,
 Кого шоль славно угощаешь,
 И для кого ты распочаешь
 Сокровищи казны пвоей?

* * *

Гремипъ музыка, слышны хоры
 Вкругъ лакомыхъ пвоихъ споловъ;
 Сласпей и ананасовъ горы,
 И множеспво другихъ плодовъ
 Прельщающъ чувспвы и пишающъ;
 Младья дѣвы угощающъ,
 Подносятъ вина чередой,
 И Аліапико съ Шампанскимъ,
 И пиво Руское съ Бришанскимъ,
 И Мозель съ Зельцерской водой.

Въ вершенѣ мраморномъ, прохладномъ,
 Въ кошоромъ льется водоскапъ,
 На ложѣ розъ благоуханномъ,
 Средь лѣни, нѣги и опрады,
 Любовью разпаленный спраспной,
 Съ молодой, веселою, прекрасной
 И нѣжной нимфой ты сидишь;
 Она поетъ, ты спраспью таешь,
 То съ ней въ весельи упопаешь,
 То упомленъ весельемъ спишь.

Ты спишь,—и сонъ тебѣ мечпаетъ,
 Чпо въ вѣкъ благополученъ ты,
 Чпо само небо разсыпаетъ
 Блаженства вокругъ тебя цвѣты;
 Чпо парка дней твоихъ не косишь,
 Чпо опкупъ вновь тебѣ приносишь
 Сибирски горы серебра,
 И дождь злапый къ тебѣ лѣтся.—
 Блаженъ, кто по упру проснется
 Такъ щаспливымъ, какъ былъ вчера!

Блаженъ! кто можетъ веселишся
 Безперерывно въ жизни сей;
 Но рѣдкому пловцу случится
 Безбѣдно плавать средь морей:
 Тамъ бурны дышуть непогоды,
 Горамъ подобно гонятъ воды
 И съ пѣною песокъ мупяшъ.
 Пепрополь сосны осѣняли:
 Но вихремъ пораженны пали,
 Теперь корнями вверху лежатъ.

Непостоянство доля смертныхъ,
 Въ премѣнахъ вкуса щастье ихъ;
 Среди упѣхъ своихъ несмѣшныхъ
 Желаемъ мы упѣхъ иныхъ;
 Придущъ, придущъ часы пѣ скучны,
 Когда швой ланины шучны
 Преспанущъ Граціи шрепашъ;
 И, можетъ бытъ, съ побой въ разлукѣ
 Твоя ужъ Пенелопа въ сукѣ
 Коверъ не будешь разпускашъ.

Не будешъ, можешъ бышь, лелѣяшь
Судьба ужъ болѣе тебя,
И вѣпръ благопріятный вѣяшь
Въ твой парусъ: — береги себя!
Доколь текутъ часы злая
И не приспѣли скорби злая,
Пей, ѣшь и веселись, сосѣдъ!
На свѣпѣ жишь намъ время срочно;
Веселье то лишь непорочно,
Раскаянья за коимъ нѣтъ.

XXXVI.

ПѢСНЬ БРАЧНАЯ ЧЕТѢ ПОРФИРОРОДНОЙ.

Высоку пѣснь я возглашаю;
 Тебѣ, Господь мой, посвящаю
 И лиру и перо мое!
 Краснѣйшій всѣхъ сыновъ плесныхъ!
 Течешъ изъ устъ, очесъ небесныхъ
 Благоволенье всѣмъ швое.

Самъ Богъ тебя благословляешъ,
 Величествомъ въ тебѣ сіяешъ,
 И при бедрѣ швой сильный мечъ:—
 Блеснешъ шы имъ,—и ополчишься,
 Въ защиту правды успремишься,
 Невинныхъ спонъ и вопль пресѣчь.

Ты бросишь громы изъ десницы
 Отъ запада къ врагамъ денницы,
 Покажешъ чудеса, Герой!
 Разсыплешъ изощренны стрѣлы,
 Разпроспранишь швой предѣлы,
 Попрешъ враговъ своей ногой.

Престоль швой Богомъ ушвердишся,
 Щедротой скипетръ позлапишся,
 Явишься шы Царемъ сердець;
 Ты добродѣтельныхъ возлюбишь,
 Злодѣя добрымъ бышь принудишь,
 И будешъ вдовъ, сиротъ, отецъ.

Во славъ Богъ шебя покажешъ,
 Елеемъ радости помажешъ
 Всѣхъ паче сверспниковъ швоихъ:
 Алоэ, смирна и кассія
 Опъ ризы швоея драгія
 Польюшъ здѣсь ароматы ихъ.

И мамонта костей бѣлѣе,
 Прозрачнѣй, чище и свѣплѣе
 Созидеися шебѣ черпогъ.
 Но чшо?—Уже во храмъ священный
 Вошелъ Богъ, въ младоспъ облеченный!
 Плѣняешъ всѣхъ сердца воспоргъ.

Мы видимъ, дщерь ему Царева
 Предспала юна, лѣпа дѣва,
 А съ нею, какъ заря, любовь:
 Въ мониспахъ грудь ея Офира
 Дыханьемъ зыблешся зефира
 Во плѣнѣ золопыхъ оковъ.

Внемли, о дщерь!—и вразумися,
 Опъ спранъ швоихъ шы опрекися,
 Ошеческой швой домъ забудъ:
 Монархъ красы швоей желаетъ,
 Къ шебѣ онъ руку проспираетъ,
 И шы вѣрна ему пребудъ.

Тогда шебѣ дщерь Тирска длани
Проспрешъ со многоцѣнны дани;
Народы славные почпашъ
Въ душѣ сонмъ доблестей прекрасный,
Изшвенны на одеждахъ рясны
Красой вселенну удивляшъ.

И се чеша въ лучахъ порфирныхъ
Грядешъ изъ храма въ звукахъ лирныхъ,
Вкругъ ближніе текушъ за ней;
Идушъ въ черпогъ въ воскликновеньи,
Въ весельи, въ славѣ, въ восхищеньи
Къ Царицѣ, мапери своей.

Да будешъ Ей соборъ державныхъ
Чадъ вашихъ, вмѣсто предковъ славныхъ,
Поспавленъ править сей народъ!
Вашъ памятникъ да вознесетсѣя,
Звѣздъ вашимъ именемъ коснетсѣя,
И васъ прославитъ въ родъ и родъ!

XXXVII.

КЪ Л И Р Ъ.

Звонкопріятная лира!
 Въ древни злапые дни міра,
 Сладкою силой швоей
 Ты и Боговъ и Царей,
 Ты и народы плѣняла.

Гласъ шихоспрунный швой, звоны,
 Сердце прельщающі шоны,
 Съ дебрей, вершеповъ, шепей
 Пшиць созывали, звѣрей,
 Холмы и дубы склоняли.

Нынѣ желѣзные ль вѣки?
 Твержель кремней человѣки?
 Сами не знаясь съ шобой,
 Свѣшъ не плѣняющъ игрой,
 Чужды красощъ доброгласья.

Доблесшью чужды плѣняшья,
 Къ злапу, къ сребру лишъ спремяшья,
 Помняшъ себя лишъ однихъ;
 Слезы не шпрогающъ ихъ,
 Вопли сердцеъ не доходяшъ.

Души всѣ льда холоднѣя.
Въ комъ же я вижу Орфея?
Кто Аристонъ сей молодой?
Нѣженъ лицомъ и душой,
Нравовъ благихъ преисполненъ?

Кто сей любитель согласья?
Скрытый зиждитель ли щасья?
Скромный смиритель ли злыхъ?
Дней гражданинъ злошыхъ,
Испытый любимецъ Аспрей!

XXXVIII.

КЪ КРАСАВЦУ.

Форшуна, власною рукою
 Бросая жребіи людей,
 Души и пѣла красою
 И прелеспыми шебя чесшей
 И сердцемъ добрымъ наградила,
 Въ любви и въ брани для побѣдъ:
 Но шупъ же въ младоспи судила
 Въ войнѣ шебѣ ужасный вредъ.

Увы! добра и зла смѣшенье
 Нераздѣлимо въ жизни сей.
 Коль часто скорби и терпѣнье
 Есть учась самыхъ и Царей!
 Чпожъ въ свѣпѣ есть славнѣй сей доли,
 Какъ кровь по должноти пролишь?
 Теперь и зависть проливъ воли
 Должна въ шебѣ Героя чпитьъ.

XXXIX.

ВЕЛЬМОЖА.

Не украшеніе одеждъ
 Моя днесъ Муза прославляешъ,
 Которое, въ очахъ невѣждъ,
 Шуповъ въ Вельможи наряжаешъ;
 Не пышности я пѣснь пою;
 Не испуканы за кристалломъ,
 Въ кивошахъ блещущи металломъ,
 Услышахъ похвалу мою.

Хочу достоинствы я чпшъ,
 Которыя собою сами
 Умѣли шиплы заслужишъ
 Похвальными себѣ дѣлами;
 Кого ни знашый родъ, ни санъ,
 Ни щасіе не украшали;
 Но кои доблестью снискали
 Себѣ почтеніе отъ гражданъ.

Кумиръ, поставленный въ позоръ,
 Несмысленную чернь прельщаетъ;
 Но коль художниковъ въ немъ взоръ
 Прямыхъ красотъ не ощущаетъ:
 Сей образъ ложная молвы,
 Се глыба грязи позлащенной!
 И вы, безъ благоспи душевной,
 Не всѣль, Вельможи, шаковы?

Не перлы Перскія на васъ
 И не Бразильски звѣзды, ясны;
 Для возлюбившихъ правду глазъ
 Лишь добродѣтели прекрасны,
 Онъ сушь смертныхъ похвала.
 Калигула! твоей конь въ Сенапѣ
 Не могъ сіять, сіяя въ златѣ:
 Сіяють добрыя дѣла.

Осель останешся осломъ,
 Хоша осыпъ его звѣздами;
 Гдѣ должно дѣйствовать умомъ,
 Онъ только хлопаешь ушами.
 О! щепно щасія рука,
 Прошивъ естествонаго чина,
 Безумца рядишь въ господина,
 Или въ шумиху дурака.

Какихъ ни вымышляй пружинъ,
 Чшобъ мужу бую умудришься;
 Не можно вѣкъ носишь личинъ,
 И истина должна опкрыться.
 Когда не свергъ въ бояхъ, въ судахъ,
 Въ совѣсахъ Царскихъ, сопосшаповъ:
 Всякъ думаетъ, чшо я Чупяшовъ,
 Въ Марокскихъ ленсахъ и звѣздахъ.

Осшая скипепръ, пронъ, черпогъ,
 Бывъ спранникомъ, въ пыли и въ пошѣ,
 Великій Петръ, какъ нѣкій Богъ,
 Блиспаль величествомъ въ рабошѣ:
 Почпенъ и въ рубищѣ Герой!
 Екатерина, въ низкой долѣ,
 И не на Царскомъ бы пресполѣ,
 Была великою женой.

И впрямь, коль самолюбя лесшъ
 Не обуялабъ умъ надменный:
 Чшо наше благородство, честь,
 Какъ не изящности душевны?
 Я Князь,—коль мой сіяетъ духъ;
 Владѣлецъ,—коль спрашыми владѣю;
 Боляринъ,—коль за всѣхъ болѣю,
 Царю, закону, церкви другъ.

Вельможу должны соспавлять
 Умъ здравый, сердце просвѣщенно;
 Собой примѣръ онъ долженъ дать,
 Что званіе его священо,
 Что онъ орудье власпи есть,
 Всѣхъ царственнѣхъ подпора зданій;
 Вся мысль его, цѣль словъ, дѣяній,
 Должны бытъ—польза, слава, честь.

А ты, впорый Сарданапаль!
 Къ чему спремишь всѣхъ мыслей бѣги?
 На шоль, чщобъ вѣкъ швой пропекаль
 Средь игръ, средь праздности и нѣги?
 Чщобъ пурпуръ, злапо всюду взоръ
 Въ швоихъ черпогахъ восхищали,
 Карпины въ зеркалахъ дышали,
 Мусія, мраморъ и фарфоръ?

На шоль тебѣ пространный свѣтъ,
 Просшерши раболѣпны длани,
 На прихопливый швой обѣдъ
 Вкуснѣйшихъ яспвъ приносишь дани;
 Токай—гусшое льепъ вино,
 Леваншъ—съ звѣздами кофе жирный,
 Чщобъ не хопѣль за шрудъ всемірный
 Мгновенье бросишь ты одно?

Тамъ воды въ просѣкахъ пекушъ,
 И съ шумомъ вверху спремась, сверкающъ;
 Тамъ розы средъ зимы цвѣтутъ,
 И въ рощахъ нимфы воспѣвають
 На поле, чшобы на все взиралъ
 Ты окомъ мрачнымъ, равнодушнымъ,
 Средъ радостей казался скучнымъ,
 И въ пресыщеніи зѣвалъ?

Орель, по высотѣ паря,
 Ужъ солнца зришъ въ лучахъ полдневныхъ:
 Но швой черпогъ едва заря
 Румянишъ сквозь завѣсъ червленыхъ;
 Едва по зыблющимъ грудямъ
 Съ побой лежащія Цирцеи
 Блиспающъ розы и лилеи,
 Ты съ ней покойно спишъ: — а памъ?—

А памъ израненый Герой,
 Какъ лунъ во браняхъ посѣдѣвшій,
 Начальникъ прежде бывшій швой,—
 Въ переднюю къ тебѣ пришедшій
 Приняшъ по службѣ швой приказъ,—
 Межъ челядью швоей злопою,
 Поникнувъ лавровой главою,
 Сидишъ и ждешъ тебя ужъ часъ!

А шамъ—вдова споишъ въ сѣняхъ
 И горьки слезы проливаетъ,
 Съ груднымъ младенцемъ на рукахъ,
 Покрова швоего желаетъ.
 За выгоды швои, за чесъ,
 Она лишилася супруга;
 Въ шебъ его знавъ прежде друга,
 Пришла мольбу свою принесъ.

А шамъ—на лѣспничный восходъ
 Прибрелъ на коспыляхъ согбенный
 Безспрашный, спарый воинъ попъ,
 Тремя медальми украшенный,
 Котораго въ бою рука
 Избавила шебя опъ смерпи:
 Онъ хочешъ руку шу просперпи
 Для хлѣба опъ шебя куска.

А шамъ,—гдѣ жирный песъ лежишъ,
 Гордишся врапникъ галунами,
 Заимодавцевъ полкъ споишъ
 Къ шебъ пришедшихъ за долгами.
 Проснися, Сибаришъ!—Ты спишъ,
 Иль только въ сладкой нѣгѣ дремлешъ,
 Несчастныхъ голосу не внимлешъ
 И въ развращенномъ сердцѣ мнишъ:

„Мнѣ мигъ покоя моего
 „Пріятнѣй, чѣмъ въ Испорыи вѣки;
 „Жишь для себя лишь одного,
 „Лишь радостей умѣшь пишь рѣки,
 „Лишь вѣпромъ плышь, гнѣспъ чернь ярмомъ;
 „Спыдъ, совѣспъ, слабыхъ душъ превога!
 „Нѣшь добродѣтели! нѣшь Бога!,, —
 Злодѣй, увы!—И грянуль громъ.

Блаженъ народъ, копорый полнъ
 Благочеспивой вѣры къ Богу,
 Хранишь Царевъ всегда законъ,
 Чпишь нравы, добродѣтель спрогу
 Наслѣднымъ перломъ женъ, дѣшей;
 Въ единодушїи,—блаженспво;
 Во правосудїи,—равенспво;
 Свободу,—во уздѣ спраспей!

Блаженъ народъ!—гдѣ Царь главой,
 Вельможи—здравы члены шѣла,
 Прилѣжно долгъ всѣ правяшь свой,
 Чужаго не касаясь дѣла;
 Глава не ждешь опъ ногъ ума,
 И силъ у рукъ не опнимаешь,
 Ей взоръ и ухо предлагаешь:
 Повелѣваешь же сама.

Симъ швердымъ узломъ еспешва
 Коль Царство лишъ живешъ щаспливымъ:
 Вельможи!—славы, шоржешва,
 Иныхъ вамъ нѣшъ, какъ бышъ правдивымъ;
 Какъ блюшъ народъ, Царя любишъ,
 О благѣ общемъ ихъ спарашся;
 Змѣей предъ прономъ не сгибапсья,
 Спояпсь—и правду говоришъ.

О Росскій бодрешвенный народъ,
 Отчески хранящій нравы!
 Когда разслабъ весь смерпныхъ родъ,
 Какой пы не причаспенъ славы?
 Какихъ въ шебѣ Вельможей нѣшъ?—
 Топъ храбрымъ былъ средъ бранныхъ звуковъ;
 Здѣсь далъ безспрашный Долгоруковъ
 Монарху грозному опвѣпсь.

И въ наши вижу времена
 Того я славнаго Камила,
 Копораго шруды, война
 И спароспъ духъ не ушомила.
 Опъ грома звучныхъ онъ побѣдъ
 Сошелъ въ шалашъ свой равнодушно,
 И опъ сохи опяпъ послушно
 Онъ въ полѣ Марсовомъ живешъ.

Тебѣ, Герой! желаній мужъ!
 Не роскошью вельможа славный;
 Кумиръ сердець, плѣнипель душъ,
 Вождь, лавромъ, маслиной вѣнчанный!
 Я праведну здѣсь пѣснь воспѣлъ.
 Ты ею славься, утѣшайся,
 Борись вновь съ бурями, мужайся,
 Какъ юный возносись орелъ.

Пари,—и съ высоты пвоей
 По мракамъ смутнаго ээира
 Громовой пролепи спруей;
 И опочивъ на лонѣ мира,
 Возвесели еще Царя. —
 Проспри пвой поздный блескъ въ народъ,
 Какъ опдаешь свой долгъ природѣ
 Румяна вечера заря.

XL.

МОНУМЕНТЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Хошя смерть косу поднимаетъ
Равно и на владыкъ земныхъ:
Но вѣчно память пребываетъ
Въ сердцахъ людскихъ Царей благихъ.

Твоя пребудетъ добродѣтель,
О ПЕТРЪ! любезна всѣмъ вѣкамъ;
Храни, храни всегда, Содѣтель,
Его въ преемникахъ Ты намъ!

Неронъ, Калигула, Коммоды,
Когда на пронахъ гдѣ сядяшъ,
Хошъ поздные ихъ помняшъ роды;
Но помняшъ шакъ, какъ моръ и гладъ.

Твоя пребудетъ добродѣтель,
О ПЕТРЪ! любезна всѣмъ вѣкамъ;
Храни, храни всегда, Содѣтель,
Его въ преемникахъ Ты намъ!

Пускай въ подсолнечную прубишь
 Тиранъ своимъ богашспвомъ спрахъ;
 Когда кого народъ не любишь,
 Полки его и деньги прахъ.

Твоя пребудешь добродѣшель,
 О ПЕТРЪ! любезна всѣмъ вѣкамъ;
 Храни, храни всегда, Содѣшель,
 Его въ преемникахъ Ты намъ!

Когда Царя народъ прославишь,
 Вселенна подшверждаешь пожь;
 Когда Царя ласкашель хвалишь,
 Помомспво презираешь ложь.

Твоя пребудешь добродѣшель,
 О ПЕТРЪ! любезна всѣмъ вѣкамъ;
 Храни, храни всегда, Содѣшель,
 Его въ преемникахъ Ты намъ!

Во вѣкъ, во вѣкъ вы незабвенны,
 ПЕТРА Великаго дѣла!
 ПЕТРОМЪ бесѣды украшенны,
 ПЕТРУ дѣла его хвала.

Твоя пребудешь добродѣшель,
 О ПЕТРЪ! любезна всѣмъ вѣкамъ;
 Храни, храни всегда, Содѣшель,
 Его въ преемникахъ Ты намъ!

Кто былъ въ прудахъ не упомянутый,
Прямой опечеснва Опець?
Великія Цари вселенны!
Въ Петръ вашъ зрите образецъ.

Твоя пребудетъ добродѣтель,
О Петръ! любезна всѣмъ вѣкамъ;
Храни, храни всегда, Содѣшель,
Его въ преемникахъ Ты намъ!

XLI.

ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ.

Россія, въ славу облеченна,
Куда свой взоръ ни обратишь,
Вездѣ весельемъ восхищенна,
Вездѣ шруды Петровы зришь.

Неси на небо гласы въпрѣ:
Безсмертенъ ты, Великій Петръ!

Онъ, древній мракъ нашъ побѣждая,
Науки въ полночь водворилъ;
Во шмѣ свѣспильникъ возжигая,
И въ насъ благіе нравы влилъ.

Неси на небо гласы въпрѣ:
Безсмертенъ ты, Великій Петръ!

Какъ Богъ,—великимъ провидѣньемъ,
Онъ все собою озиралъ,
Какъ рабъ,—неслыханнымъ раченьемъ,
Онъ все собою исполнялъ.

Неси на небо гласы въпрѣ:
Безсмертенъ ты, Великій Петръ!

Прошелъ землями и морями,
Учился самъ, чѣмъ насъ учишь;
Искалъ бесѣдовать съ Царями,
Чѣмъ послѣ всѣхъ ихъ удивишь.

Неси на небо гласы въпрѣ:
Безсмертенъ ты, Великій Петръ!

Ко скипетру рожденны руки
На прудъ несродный простираль;
Звучашъ донесъ по свѣту звуки,
Какъ онъ сѣкирой ударялъ.

Неси на небо гласы въпрѣ:
Безсмертенъ ты, Великій Петръ!

Его младенчески забавы
Родили громы наконецъ;
А посреди военной славы
Онъ былъ опечеснѣва Опецъ.

Неси на небо гласы въпрѣ:
Безсмертенъ ты, Великій Петръ!

Лучи величеснѣва скрывая,
Просшымъ онъ воиномъ служилъ;
Вождей искусству научая,
Онъ самъ полки на брань водилъ.

Неси на небо гласы въпрѣ:
Безсмертенъ ты, Великій Петръ!

Вселенну храбросць успрашала,
 Какъ онъ прошивныхъ поражаъ;
 Вселенну милосць упѣшала,
 Какъ онъ плѣненныхъ угощаъ.

Неси на небо гласы вѣпръ,
 Безсмершенъ ты, Великій Петръ!

Владыка будучи полсвѣша,
 Герой въ поляхъ и на моряхъ,
 Не презиралъ даваъ опчепа
 Своимъ рабамъ въ своихъ дѣлахъ.

Неси на небо гласы вѣпръ:
 Безсмершенъ ты, Великій Петръ!

Вѣнцы, пріумфы, колесницы
 Не для себя онъ учреждаъ;
 Опличность, блески багряницы
 Заслугъ въ наградѣ полагалъ.

Неси на небо гласы вѣпръ:
 Безсмершенъ ты, Великій Петръ!

Былъ въ вѣрѣ твердъ и ей послушенъ,
 Пѣвецъ онъ самъ былъ олшарей;
 Средь золь, средь благъ—великодушень,
 Нелесный другъ своихъ друзей.

Неси на небо гласы вѣпръ:
 Безсмершенъ ты, Великій Петръ!

Монархамъ возвращалъ короны,
 Законы подданнымъ писалъ;
 Чѣмъ должны дѣлать миліоны,
 Собой всѣмъ образъ подавалъ.

Неси на небо гласы вѣпръ:
 Безсмертенъ ты, Великій Петръ!

Чрезъ горы пропючилъ онъ воды,
 На блапахъ грады насадилъ;
 Довольство ввелъ въ свои народы,
 Съ воспокомъ западъ съединилъ.

Неси на небо гласы вѣпръ:
 Безсмертенъ ты, Великій Петръ!

Онъ, истинны любя усшавы,
 Хранилъ нелицемѣрный судъ;
 Поднесъ его полезны правы
 Ко благоденствію ведущъ.

Неси на небо гласы вѣпръ:
 Безсмертенъ ты, Великій Петръ!

Поднесъ вселенну изумляешъ
 Величіе его чудесъ,
 Премудрыхъ умъ не посшигаешъ:—
 Не Богъ ли въ немъ сходилъ съ небесъ?

Неси на небо гласы вѣпръ:
 Безсмертенъ ты, Великій Петръ!

О Россы, славой лучезарны!
О родъ Героевъ и соборъ!
Петру **в**ы будьте благодарны,
Да въ **вѣ**кѣ Петру гремишь вашъ хоръ!—

Неси на небо гласы въпръ:
Безсмершень ты, Великій Петръ.

XLII.

КЪ Н. А. ЛЬВОВУ.

Спокрапъ благословенъ попъ смертный,
 Кого не тягопишь печаль,
 Ни зависть попаеннымъ вздохомъ,
 Ни гордость громогласнымъ смѣхомъ
 Не жмушь, не гоняшь опъ Двора.

Сокрыша жизнь швоя въ деревнѣ
 Течешъ шеперь, о милый Львовъ!
 Какъ свѣшлый межъ цвѣшовъ испочникъ
 Въ лѣсу дремучемъ.—Пусшь другіе,
 Взмосься, изъ перема глядяшь:

Какъ на злашыя колесницы
 Зѣваешъ чернь, какъ рапный спрой
 Въ глаза ей мещешъ блескъ опъ ружей,
 И какъ она, волнамъ подобно
 Опъ бурь, опъ всадниковъ бѣжишь;

Какъ вишязи въ вѣкахъ позднѣйшихъ
 Въ мѣди, иль въ мраморѣ себя
 Со удивленьемъ созерцаюшь,
 И плещушь ужъ заранѣ въ длани,
 Чшо ихъ народъ богошворишь:

Но ты уменъ;—ты поспигаешь,
 Что пошъ любимецъ лишь Небесъ,
 Который подъ шумкомъ попока
 Иль сладко спишь, иль воспѣваешь
 О Богѣ, дружбѣ и любви.

Восшокъ и западъ разспилають
 Ему свой пурпуръ по пущамъ;
 Ему благоухають травы,
 Древесны помагають вѣшви,
 И свещи громко соловей.

За нимъ раскаянье не ходишь
 Ни между нивъ, ни по садамъ,
 Ни по холмамъ, покрытымъ спадомъ,
 Ни межъ озеръ и кущъ пріятныхъ:
 Но всюду радоснь и воспоргъ.

Труды крѣпятъ его здоровье,
 Какъ воздухъ, кровь его легка;
 По ушпру, какъ зефиръ, летаетъ
 Веселы обозрѣвъ работы,
 А завтракавъ спѣшитъ въ свой домъ.

Тупъ нѣжна, милая супруга—
 Какъ лень пушистъ, ея власы—
 Снѣгоподобною рукою
 Взявъ шишю, брано полощенцо,
 Спираетъ пошъ съ его чела.

Цѣлуя разкраснѣвши щеки,
 На пальцы посмопрѣшь велишь,
 Гдѣ по соломѣ разной шерстью
 Луга, цвѣты, пруды и рощи
 Градской своей подругѣ шьешь.

„О! есѣли бы — она вѣщаешь —
 „Могло искусство, какъ природа,
 „Вливаешь въ сердца свою пріятность:
 „Сіи карпины наши сельски
 „Къ намъ нашихъ созвалибъ друзей!

„Моя подруга черноброва,
 „Любезна, мила горожанка,
 „На нивахъ злапомъ здѣсь плѣнившись,
 „Преспалабъ наряжаешь въ шумиху
 „Свой въ градѣ храмовидный домъ.,,

„Ахъ, милая! — онъ опвѣчаетъ
 Съ улыбкой и со вздохомъ ей:
 „Ужель тебѣ по неизвѣстно,
 „Что ослѣпленнымъ жизнью дворской
 „Природа самая мертва!.,

XLIII.

ВОДОПАДЪ.

Алмазна сыплется гора
 Съ высотъ чешыrema скалами,
 Жемчугу бездна и сребра
 Кишишь внизу, бьешь вверхъ буграми;
 Ошь брызговъ синій холмъ спойшь,
 Далече ревъ въ лѣсу гремишь.

Шумишь,—и средъ густаго бора
 Теряется въ глуши попомъ;
 Лучъ чрезъ попокъ сверкаетъ скоро;
 Подъ зыбкимъ сводомъ древъ, какъ сномъ
 Покрываютъ волны, пихо льющая,
 Рѣкою млечною влекущая.

Сѣдая пѣна по брегамъ
 Лежишь буграми въ дебряхъ темныхъ;
 Сшукъ слышанъ млаповъ по вѣтрамъ,
 Визгъ пилъ и спонъ мѣховъ подъемныхъ:
 О водопадъ! въ швоемъ жерлѣ
 Все ушопаетъ въ безднѣ, въ мглѣ!

Въпрамилъ сосны пораженны?—
 Ломаются въ тебѣ въ куски;
 Громамиль камни ошпорженны?—
 Спираются побой въ пески;
 Сковашь ли воду льды дерзають?—
 Какъ пыль спекляна низпадають.

Волкъ рыщешъ вкругъ тебя, и страхъ
 Въ ничто вмѣняя, спановишся;
 Огонь горишь въ его глазахъ,
 И шерсть на немъ щетиной зришся;—
 Рожденный на кровавый бой,
 Онъ воешь согласясь съ побой.

Лань идешъ робко, чужь спупаешъ,
 Внявъ водъ твоихъ падающихъ ревъ,
 Рога на спину приклоняешъ
 И быспро мчишся межъ деревъ;
 Ее спрашишь вкругъ шумъ, бурь свисль
 И хрупкій подъ ногами лисль.

Решивый конь, осанку горду
 Храня, къ тебѣ порой идешъ;
 Крупую гриву, жарку морду
 Поднявъ, хранишь, ушми прядешъ;
 И подстрекаемъ бывъ, бодрисся,
 Опважно въ хлябъ твою спремишся.

Подъ наклоненнымъ кедромъ внизъ,
 При страшной сей красѣ Природы,
 На ушломъ пнѣ, который свисъ
 Съ утеса горъ на яры воды,
 Я вижу, нѣкій мужъ съдой
 Склонился на руку главой.

Копье и мечъ и щипъ великой,
 Спѣна опечеснѣва всего,
 И шлемъ, обвинный павеликой,
 Лежатъ во мху у ногъ его:
 Въ бронѣ блистая злапордяной,
 Какъ вечеръ во зарѣ румяной,—

Сидишь,—и взоръ вперя къ водамъ,
 Въ глубокой думѣ разсуждаешь:
 Не жизнь ли челоуковъ намъ
 Сей водопадъ изображаетъ?—
 Онъ также блескомъ спруй своихъ
 Поишь надменныхъ, крошкихъ, злыхъ.

На такъ ли съ неба время льется,
 Кишишь спремленіе спраспей,
 Чеснѣ блещетъ, слава раздается,
 Мелькаетъ счастье нашихъ дней,
 Копорыхъ красоту и радостъ
 Мрачатъ печали, скорби, спаростъ?

Не зримъ ли всякой день гробовъ,
 Съдинъ дряхлѣющей вселенной?
 Не слышимъ ли въ бою часовъ,
 Гласъ смерти, двери скрытъ подземной?
 Не упадаетъ ли въ сей зѣвъ
 Съ престола Царь и другъ Царевъ?

Падущъ,—и вождь непобѣдимый,
 Въ Сенапѣ Цезарь средь похвалъ,
 Въ шопъ мигъ, желалъ какъ діадимы,
 Закрывъ лице плащемъ, упалъ;
 Изчезли замыслы, надежды,
 Сомкнулись алчны къ прону вѣжды.

Падущъ,—и несравненный мужъ
 Торжествъ несмѣнныхъ съ колесницы,
 Примѣръ великихъ въ свѣтѣ душъ,
 Презрѣвшій прелестъ багряницы,
 Плѣнившій Велизарь Царей
 Въ шемницѣ палъ, лишенъ очей.

Падущъ.—И не мечпы прельщали,
 Когда меня, въ цвѣшущій вѣкъ,
 Давно ли города встрѣчали,
 Какъ въ лаврахъ я, въ оливахъ шекъ?
 Давноль?—Но ахъ! теперъ во брани
 Мои не мещущъ молній длани!

Ослабли силы, буря вдругъ
 Копье изъ рукъ моихъ схватила;
 Хоша и бодръ еще мой духъ,
 Судьба побѣдъ меня лишила.
 Онъ рекъ, — и тихимъ позабылся сномъ,
 Морфей покрылъ его крыломъ.

Сошла Октябрска ночь на землю,
 На лоно мрачной пишины;
 Нигдѣ я ничего не внемлю,
 Кромѣ ревуція волны,
 О камни съ высоты дробимой,
 И снѣжною горою зримой.

Пустыня, взоръ насупя свой,
 Ущелья и скалы дремали;
 Волнистой облака грядой
 Тихонько мимо пробѣгали,
 Изъ коихъ препешна, блѣдна,
 Проглядывала внизъ луна.

Глядѣла, и едва блиспала,
 Предъ спарцемъ преклонивъ рога,
 Какъ бы съ почтеньемъ познавала
 Въ немъ своего того врага,
 Когда она спрашилась,
 Кому вселенная дивилась.

Онъ спалъ,—и чудотворный сонъ
 Мечты ему являлъ Геройски:
 Казалось ему, что онъ
 Непобѣдимы водишь войски;
 Что вкругъ его перунъ молчишь,
 Его лишь мановенья зришь.

Что огнедышущи за перспомъ
 Ограды въ слѣдъ его идушь;
 Что въ полѣ гладкомъ, вкругъ опверспомъ,
 По слову одному роспушь
 Полки его изъ скрытыхъ спановъ,
 Какъ холмы въ морѣ изъ пумановъ.

Что только по нравѣ росисшой
 Ночные знашь его шаги;
 Что упромъ пыль, подъ пвердью чисшой,
 Ужъ поздно зряшь его враги;
 Что оспрошой своихъ зѣницъ
 Блюдешь онъ ихъ, какъ яспребъ ппицъ.

Что положа черпежъ и мѣры,
 Какъ волхвъ невидимый, въ шапрѣ,
 Тѣмъ кажешь онъ въ долу химеры,
 Тѣмъ въ шиграхъ агнцовъ на горѣ,
 И вдругъ рѣшипельнымъ умомъ
 На тысячи бросаетъ громъ.

Что Орлю дерзость, гордость лунну,
 У черныхъ и яншарныхъ волнъ,
 Смирить Колхиду златорунну,
 И блага Царя уронъ
 Рая вечерня предъ границей
 Опмстилъ побѣдами спорицей.

Что, какъ румяной лучъ зари,
 Страну его покрыла слава;
 Чужіе Вожди и Цари,
 Своя Владычица, держава,
 И всѣ вездѣ его почли,
 Триумфами превознесли.

Что образъ, имя и дѣла
 Цвѣтутъ его средъ разныхъ глянцовъ;
 Что звѣрь сребристаго чела
 Въ вѣнцѣ изъ молненныхъ румянцовъ
 Блистаетъ въ будущихъ родахъ,
 Опсвѣчиваяся въ сердцахъ.

Что зависть опъ его сіянья
 Своимъ блѣдный пошупляетъ взоръ,
 Среди безмолвнаго спенанья
 Ползетъ и ищетъ шокмо норъ,
 Куда бы опъ него сокрылся,
 И что никто съ нимъ не сравнится.

Онъ спитъ,—и въ сихъ мечпахъ веселыхъ
 Внимаешь завыванье псовъ,
 Ревъ въпровъ, скрипъ деревъ дебелихъ,
 Спенанье филиновъ и совъ,
 И вѣщихъ гласъ вдали живошнихъ,
 И тихій шорохъ вокругъ безплошнихъ.

Онъ слышитъ: сокрушилась ель,
 Станица врановъ вспрепешала,
 Кремнистый холмъ даль спрашну щель,
 Гора съ богашсхвами упала;
 Грохочетъ эхо по горамъ,
 Какъ громъ гремящій по громамъ.

Онъ зрѣтъ одѣшу въ ризы черны
 Крылашу нѣкую жену,
 Власы имѣвшу разпущенны,
 Какъ смершну вѣсть, или войну,
 Съ косою въ рукахъ, съ прубой стоящу,
 И слышитъ онъ—проснись!—гласящу.

На шлемъ у нея орель
 Сидѣль съ перуномъ помраченнымъ,
 Въ немъ гербъ опечесхва онъ зрѣлъ;
 И бывъ мечшой сей возбужденнымъ,
 Вдохнуль, и испустя слезъ дождь,
 Вѣщаль: „знашь умеръ нѣкій вождь!“

„Блаженъ, когда стремясь за славой,
 „Онъ пользу общую хранилъ,
 „Былъ милосердъ въ войнѣ кровавой
 „И самыхъ жизнь враговъ щадилъ:
 „Благословенъ средь поздныхъ вѣковъ
 „Да будетъ другъ сей человѣковъ!

„Благословенна похвала
 „Надгробная его да будетъ,
 „Когда всякъ жизнь его, дѣла,
 „По пользамъ только помнишь будешь;
 „Когда не блескъ его прельщаль
 „И славы ложной не искалъ!

„О! слава, слава въ свѣтѣ сильныхъ!
 „Ты почто естъ сей водопадъ.
 „Онъ водъ стремленіемъ обильныхъ
 „И шумомъ льющихся прохлада
 „Великолѣпнень, свѣплъ, прекрасень,
 „Чудесень, силенъ, громокъ, ясенъ;

„Дивись вкругъ себя людей
 „Всегда толпами собираешь:
 „Но ешьли онъ водой своей
 „Удобно всѣхъ не напояешь,
 „Коль рвешь берега,—и въ быспрошахъ
 „Его нѣтъ выгодъ смертнымъ:—ахъ!

„Не лучшєль менѣе извѣстнымъ,
 „А болѣе полезнымъ бышь;
 „Подобясь ручейкамъ прелестнымъ,
 „Поля, луга, сады кронить,
 „И шихимъ въ далекѣ журчаньемъ
 „Потомство привлекашь съ вниманьемъ?

„Пусть на обросшій дерномъ холмъ
 „Придесть пунникъ и возсядесть,
 „И наклонясь своимъ челомъ
 „На подписанье гроба, скажеть:
 „Не только славный лишь войной,
 „Здѣсь скрытъ великій мужъ душой.

„О! будь безсмертенъ, Вишязь бранный,
 „Когда ты весь соблюлъ свой долгъ!,,—
 Въщаль сѣдиной мужъ вѣнчанный,
 И въ небеса возрѣвъ, умолкъ.—
 Умолкъ,—и гласъ его промчался,
 Гласъ мудрый всюду раздавался.

Но кто тамъ идесть по холмамъ,
 Глядясь, какъ мѣсяцъ, въ воды черны?
 Чья шѣнь спѣшитъ по облакамъ
 Въ воздушныя жилища горны?
 На шемномъ взорѣ и челѣ
 Сидишь глубока дума въ мглѣ!

Какой чудесный духъ крылами
 Олѣ сѣвера паришь на югъ?
 Въпрѣ медленъ печь его сшезями,
 Обозрѣваешь царствы вдругъ;
 Шумишь, и какъ звѣзда блистаетъ,
 И искры въ слѣдъ свой разсыпаетъ.

Чей трупъ, какъ на распушьи мгла,
 Лежишь на темномъ лонѣ нощи?
 Просное рубище чресла,
 Двѣ лѣпнѣ покрывають очи,
 Прижаты къ хладной груди персты,
 Уста безмолвствуютъ отверсты!

Чей одръ,—земля; кровь,—воздухъ синь;
 Чертоги,—вкругъ пустынные виды?
 Не ты ли щасья, славы сынъ,
 Великолѣпный Князь Тавриды?
 Не ты ли съ высоты чеспей
 Незапно палъ среди степей?

Не пылъ наперсникомъ близъ прона
 У сѣверной Минервы былъ;
 Во храмѣ Музъ, другъ Аполлона;
 На полѣ Марса вождемъ слылъ;
 Рѣшилъ думъ въ войнѣ и мирѣ,
 Могушъ—хотя и не въ порфирѣ?

Не пылъ, копорый взвѣсиль смѣлъ
 Мошь Росса, духъ Екатерины,
 И опершись на нихъ, хопѣлъ
 Вознесъ пвой громъ на пѣ спремнины,
 На коихъ древній Римъ споялъ,
 И всей вселенной колебалъ?

Не пылъ, копорый Орды сильны
 Сосѣдей хищныхъ испребиль,
 Проспранны обласпи пуспынны
 Во грады, въ нивы обрапилъ,
 Покрылъ поншъ черный кораблями,
 Попрясъ среду земли громами?

Не пылъ, копорый зналъ избрапъ
 Доспойный подвигъ Росской силъ,
 Спихиіи самыя попрапъ
 Въ Очаковъ и въ Измаилъ,
 И пвердой дерзоспью шакой
 Быпъ дивомъ храброспи самой?

Се пы, опважнѣйшій изъ смерпныхъ!
 Парящій замыслами умъ!
 Не шель пы средъ пушей извѣспныхъ,
 Но проложилъ ихъ самъ,—и шумъ
 Оспавиль по себѣ въ попомки;—
 Се пы, о чудный вождь Пошемкинъ!

Се **ты**, кошорому враша
 Торжес**твен**ныя созидали;
 Искус**тво**, разумъ, красота
 Недавно лавръ и миртъ сплешали;
 Забавы, **роскошь** вокругъ цвѣли,
 И щас**тъ** е съ славой слѣдомъ шли.

Се **ты**, небеснаго плодъ дара
 Кому едва я посвящилъ,
 Въ созвучность громкаго Пиндара
 Мою наспроишь лиру мнилъ,
 Воспѣлъ побѣду Измаила,
 Воспѣлъ:—но смерть тебя скосила!

Увы! и хоровъ сладкій звукъ
 Мои**хъ** въ сшенанье превращился;
 Сва**ли**лась лира съ слабыхъ рукъ,
 И я шамъ въ слезы погрузился,
 Гдѣ бездна разноцвѣпныхъ звѣздъ
 Чер**п**ногъ являли райскихъ мѣс**тъ**.

Увы!—и громы онѣмѣли,
 Реву**щ**іе тебя вокругъ;
 По**лки** твои осирошѣли,
 На**по**лнили рыданьемъ слухъ;
 И **все**, что близъ тебя блиспало,
 Уны**ло** и печально спало.

Пошухъ лавровый швой вѣнокъ,
 Гранена булава упала,
 Мечъ въ пол-ножны войши чужь могъ,
 Екатерина возрыдала!
 Полсвѣта попрыслось за ней
 Незапною смертію швоей!

Оливы свѣжи и зелѣны
 Принесъ и бросилъ Миръ изъ рукъ;
 Родства и дружбы вопли, споны,
 И Музъ Ахейскихъ жалкій звукъ
 Вокругъ Перикла раздается:
 Маронъ по Меценатъ рвешся,

Который почестей въ лучахъ,
 Какъ нѣкій Царь, какъ бы на пронѣ,
 На сребророзовыхъ коняхъ,
 На златозарномъ фазонѣ,
 Во сонмѣ всадниковъ блиспаль,
 И въ смертный черный одръ упаль!

Гдѣ слава?—Гдѣ великолѣпье?
 Гдѣ пы,—о сильный человекъ?
 Маѳусаила долголѣпье
 Лишь быlobъ сонъ, лишь шѣнь нашъ вѣкъ;
 Вся наша жизнь ничто иное,
 Какъ лишь мечпаніе пустое.

Иль нѣшъ! — тяжелый нѣкій шаръ
 На нѣжномъ волоскѣ висящій,
 Въ копорый буръ, громовъ ударъ
 И молніи небесъ ярящи
 Отвсюду безпреспанно бьютъ,
 И ахъ! зефиры легки рвуть.

Единый часъ, одно мгновенье
 Удобны царствы поразишь,
 Одно спихіевъ дуновенье
 Гиганшовъ въ прахъ преобразишь;
 Ихъ ищущъ мѣста — и не знающъ:
 Въ пыли Героевъ попирающъ!

Героевъ? — Нѣшъ! — но ихъ дѣла
 Изъ мрака и вѣковъ блистающъ;
 Нешлѣнна памяшь, похвала
 И изъ развалинь вылепающъ,
 Какъ холмы гробы ихъ цвѣпущъ;
 Напишется Пошемкинъ прудъ.

Театръ его — былъ край Эвксина,
 Сердца обязанныя — храмъ;
 Рука съ вѣнцомъ — ЕКАТЕРИНА;
 Гремяща слава — оиміамъ;
 Жизнь — жерпвенникъ поржеспвъ и крови,
 Гробница ужаса, любви.

Когда багровая луна
 Сквозь мглу блискаешь темной ночи,
 Дуная мрачная волна
 Сверкает кровью, и сквозь рощи
 Вкруг Измаила въпръ шумишь,
 И слышанъ спонъ:—что Турокъ мнишь?

Дрожишь,—и во очахъ сокрытыхъ
 Еще ему шпыки блестятъ,
 Гдѣ сорокъ тысячъ вдругъ убитыхъ
 Вкругъ гроба Вейсмана лежатъ.
 Мечшаюся ему ихъ шѣни,
 И Россъ въ крови ихъ по колѣни!

Дрожишь,—и обращаешь взглядъ
 Онъ робко на окрестны виды;
 Сполпы на небесахъ горятъ
 По сушѣ, по морямъ Тавриды!
 И мнишь, въ Очаковѣ что вновь
 Течешь его и мерзнешь кровь.

Но въ ясный день, средь свѣшлой влаги,
 Какъ ходятъ рыбы въ небесахъ,
 И вьются полосаты флаги,
 Нашъ флотъ на вздурыхъ парусахъ
 Въ дали бѣлѣетъ на Лиманахъ:
 Какое чувство въ Россіянахъ?

Воспоргъ, воспоргъ они,—а спрахъ
 И ужасъ Турки ощущающъ;
 Имъ мохъ и перны во очахъ,
 Намъ лавръ и розы разцвѣшающъ
 На мавзолеяхъ у вождей,
 Власпишелей земель, морей.

Подъ дровомъ, при зарѣ вечерней,
 Задумчиво любовь сидишь,
 Опъ ципры въперокъ весенней
 Ея повсюду голосъ мчишь;
 Перлова Грудь ея вздыхаетъ,
 Геройскій образъ оживляетъ.

По утру солнечнымъ лучомъ
 Какъ монументъ злѣпый зажжешся,
 Лежащъ обьяны серны сномъ
 И паръ вокругъ холмовъ вѣетъ,
 Пришедши спарецъ надпись зришь:
 „Здѣсь трупъ Пошемкина сокрытъ!,,

Алцибѣадовъ прахъ!—И смѣешь
 Червь ползаетъ вокругъ его главы?
 Взявъ шлемъ Ахилловъ не робѣешь,
 Нашедши въ полѣ, Оирсъ?—увы!
 И плоть, и шрудъ коль исплѣваешь:
 Чшождъ нашу славу соспавляетъ?

Лишь истина даетъ вѣнцы
 Заслугамъ, кои не увянушъ;
 Лишь истину поюшъ пѣвцы,
 Которыхъ вѣчно не преспанушъ
 Гремѣшъ перуны сладкихъ лиръ;
 Лишь праведника свяшъ кумиръ.

Услышьтежъ, водопады міра!
 О славой шумныя главы!
 Вашъ свѣшель мечъ, цвѣтна порфира,
 Коль правду возлюбили вы,
 Когда имѣли только мѣшу,
 Чтобъ щасіе доставишъ свѣшу.

Шуми, шуми, о водопадъ!
 Касаяся спранамъ воздушнымъ,
 Увеселяй и слухъ и взглядъ
 Твоимъ спремленьемъ свѣплымъ, звучнымъ,
 И въ поздной памяти людей
 Живи лишь красошой пвоей!

Живи! — и пучи пробѣгали
 Чтобъ рѣдко по водамъ пвоимъ,
 Въ умахъ тебя не запмѣвали
 Разжженный громъ и черный дымъ;
 Чтобъ былъ въ близи, въ дали любезень
 Ты всѣмъ; сколь дивень, споль полезень.

И ты, о водопадовъ машь!
 Рѣка на сѣверѣ гремяща,
 О Суна! коль съ высотъ блиспашь
 Ты можешь,—и опъ зарь горяща,
 Кишишь и сѣшься дождемъ
 Сафирнымъ, пурпурнымъ огнемъ:

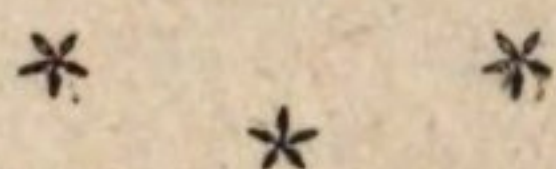
То тихое швое печенье,
 Гдѣ ты сама себѣ равна,
 Мила, быспра и не въ спремленьѣ,
 И въ глубинѣ швоей ясна,
 Важна безъ пѣны, безъ порыву,
 Полна, велика безъ разливу;

И безъ примѣса чуждыхъ водъ
 Поишь злапые въ нивахъ бреги.
 Великолѣпный свой ты ходъ
 Вливаешь въ свѣплый сонмъ Онеги:
 Какое зрѣлище очамъ!
 Ты шумъ подобна небесамъ.

XLIV.

НА СМЕРТЬ БИБИКОВА.

Тебяль оплакивать я долженъ,
 О Бибиковь! какой ударъ!
 Тебѣ ли кипарисны лозы
 И миро я на гробъ несу?
 Едва успѣлъ побой бытъ знаемъ,
 Лишенъ тебя я рокомъ люпымъ,
 Погибъ съ печали разумъ мой!
 Твои достоинства лишь вспомню,
 Сердечны разверзаю раны
 И вновь перплю твою я смерть.

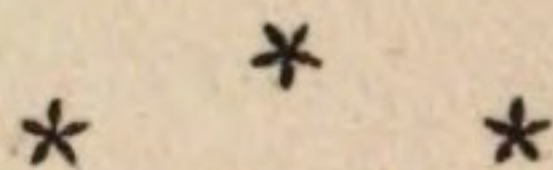
Твои заслуги и почтение
 Опъ всей къ тебѣ твоей спраны
 Уже споль громки и велики,
 Чшо время ихъ не можешь скрышь,
 У всѣхъ, кпо любить добродѣтель,
 Въ сердцахъ твоей образъ будешь вѣчень.
 Внемли!—Тамъ Музь несется спонь;
 На щипъ облекшися Беллона,
 На лаврахъ Россъ, Минерва плачущъ,
 На блеклыхъ мирсахъ Гименей.

Не показашь мое искусство,
 Я здѣсь тебѣ стихи пою,
 И рѣчь здѣсь нѣтъ въ печальномъ слогѣ;
 Но благодарности лишь знакъ.
 Усердное мое почтение
 И воздыханій чувство нѣжно
 Я здѣсь изобразить хочу:
 Пускай о томъ и всѣ узнають,
 Что вмѣсто мавзолея вѣчна
 Я пролилъ слезы надъ побой.

Иные чшуть одну форшуну,
 Смотри на выгоды свои
 И даръ Поэзіи священный
 Приносятъ только ей одной:
 Но я предъ сей царицей міра
 Моихъ цвѣтовъ не разсыпаю,
 А сыплю ихъ на пепель швой;
 Желая только, чтобъ сказали:
 „Онъ вѣрно любитъ добродѣтель,
 „Что пишетъ ей свои стихи.

Но чѣмъ мнѣ смерть твою прехвальну,
 Герой! печальнѣе воспѣшь,
 Опшоль я собралъ черны пѣни,
 Гдѣ въ подвигѣ погасъ твой вѣкъ.
 Не лавръ изпоргши у Прусаковъ,
 Не побѣждаючи Сармашъ;
 Но спавъ опечеспва щипомъ,
 Крамолу ты разя, скончался.
 О коль такой конецъ прекрасенъ!
 Онъ всѣхъ другихъ славнѣй побѣдъ.

Ты, зря на предспоящихъ слезныхъ,
 Рекъ: „жаль опца, жену и чадъ,
 „Но награждающа заслуги
 „Екатерина призришь ихъ;
 „Опечеспва жалю больше!,, —
 И съ словомъ симъ сомкнулъ вздыханье:
 Но твой и мертвый вскрытый взоръ
 Еще показывалъ Героя,
 И молніей грозилъ ехиднѣ;—
 И шупъ раздался спрашный гуль!

Пустыни вresiщемъ покрылись,
 Весна уныла на цвѣсахъ;
 Казань воспрепешала въ сердцѣ,
 Потухъ горящій воевъ духъ;
 Спѣшапъ писать увѣщеваньи:
 Мужайшесь, бодрствуйте, вѣщають.
 Но тщетно! Нѣтъ уже тебя!
 Разспроилось побѣдъ начало,
 Сильнѣ разлилася язва,
 Скрѣпился въ злобѣ люпый пигръ.

* * *

Тогда цѣна швоя позналась
 Рыданьемъ согражданъ швоихъ,
 Успѣхомъ бунта и крамолы,
 Паденьемъ скорымъ многихъ спранъ.
 „Блаженъ! — рекли Россійски вожди —
 „Онъ въ лучши дни живошъ оставиль,
 „Когда о немъ жалѣють всѣ.,,
 Славнѣйшій спранъ опустошитель
 Ведешъ проклятье за собою:
 Защитникъ, — славу и любовь.

О ты, опечесхва ревнишель,
 Ему до гроба вѣрный сынъ!
 Проспи,—проспи, что оставляю,
 Воспѣшь тебѣ я Россамъ гимнь.
 Они, проливъ потоки слезны,
 Поспавяшъ въ честь того профей,
 Кого желали зрѣшь Цари. —
 Ихъ нѣкогда попомокъ поздный
 Прочпешъ на мраморной гробницѣ
 Сии нелесныя слова:

* * *

Онъ былъ искусный вождь во браняхъ,
 Совѣща мужъ, любитель Музъ,
 Опечесхва подпора шверда,
 Блюспишель вѣры, правдѣ другъ;
 Екатериной чшимъ за службу,
 За здравый умъ, за добродѣшель,
 За искренность души его.
 Онъ умеръ, пронъ обороня:
 Спой, пупникъ! спой благоговѣйно!
 Здѣсь Бибикова прахъ сокрытъ.

XLV.

ПРОГУЛКА ВЪ САРСКОМЪ СЕЛѢ.

Въ прекрасный Майскій день,
Въ часъ ясныя погоды,
Какъ всюду длинна пѣнь,
Ложась въ спекляны воды,
Въ ихъ зеркалъ береговъ
Изображала виды;
И какъ между сполповъ
И зданіевъ Ѡемиды,
Сооруженныхъ ей
Героевъ Росскихъ въ славу,
При гласъ лебедей,
Въ прохладу и забаву,
Вечернею порой
Ошъ всѣхъ уединяясь,
Съ Плѣнирою молодой
Мы, въ лодочкѣ капаясь,
Гуляли въ озеркѣ:
Она въ кормѣ сидѣла,
А по срединѣ я.
За нами въ слѣдъ лепѣла
Жемчужная спруя,

Криспаль шумѣль опѣ весель:
 О сколько съ нею я
 Въ прогулкѣ сей былъ весель!
 Любезная моя—
 Я шупѣ сказаль—Плѣнира!
 Тобой плѣненъ мой духъ,
 Ты даръ всего мнѣ міра.
 Взгляни, взгляни вокругъ,
 И виждь, красы природы
 Какъ бы спеклись къ намъ вдругъ:
 Сребромъ сверкающъ воды,
 Рубиномъ облака,
 Багрянымъ злапомъ кровы;
 Какъ огненна рѣка,
 Свѣшъ ясный, пурпуровый,
 Объяль всѣ воды вкругъ;
 Смопри въ нихъ рыбъ плесканье,
 Плывущихъ ппицъ на лугъ
 И крыль ихъ препешанье.

Весна во всѣхъ мѣсцахъ
 Намъ взоръ свой ослабляетъ,
 Въ зеленыхъ муравахъ
 Ковры намъ подспилаетъ;
 Послушай рога ревъ,

Тамъ эха хохотанье;
 Тутъ шопоты ручьевъ,
 Здѣсь розы воздыханье!
 Се вѣшеръ помаваль
 Крылами пихо слуху.

Какая пища духу!
 Въ воспоргѣ я сказалъ:
 Коль красенъ взоръ природы
 И памяшниковъ видъ,
 Они гдѣ зряшся въ воды,
 И соловей сидишь
 Гдѣ близъ и воспѣваетъ
 Зря розу, иль зарю!
 Онъ будпо изъясляетъ
 И Богу и Царю
 Свое благодаренье:
 Царю,—за памяшь слугъ;
 Творцу,—что влилъ спремленье
 Къ любви всѣмъ шварямъ въ духъ.
 И ты, сидя при розѣ,
 Такъ, дней весеннихъ сынъ,
 Пой, Карамзинъ!—И въ прозѣ
 Гласъ слышанъ соловьиный.

XLVI.

НА РОЖДЕНИЕ ЕЯ ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКОЙ
КНЯЖНЫ ОЛЬГИ ПАВЛОВНЫ.

Едва исчезла темношѣ,
Лучи злапые низпустились,
Багрянцемъ облака покрылись:
Родилась красота.

Въ лилеи облеклася—кровь,
Душа небесная—во младость,
Унылое молчанье—въ радость:
Родилась любовь.

Любовь!—любовь, или краса,
Иль Ольга къ намъ пришла вшорая?
Минуша свѣшлая, злая
Блаженного часа!

Какихъ не видимъ мы доброшъ
Въ швой славный вѣкъ, Екатерина?
Ошъ Павла намъ—два исполина,
Маріи—сонмъ красотъ!

Какія громки имена
Въ задапокъ къ подвигамъ безсмертнымъ,
Къ побѣдамъ, милостямъ несчетнымъ
Въ грядущи времена!

Ужъ зрю я съ сѣвера на югъ
 Свѣшильникъ Ольга возвращаетъ!
 Какихъ чудесъ не обѣщаетъ,
 Монархиня, твоя духъ!

Тамъ власть раздоръ Монаршу рветъ,
 Тамъ Царь свободу угнѣщаетъ:
 Тебѣжъ народъ твой обожаетъ
 И маперью зоветъ.

Молишву шлемъ мы къ небесамъ:
 Да продолжатъ твои намъ лѣта,
 Къ опрадѣ и успѣхѣ свѣта
 И въ образецъ Царямъ.

XLVII.

КАНТАТА.

Щедрошь источникъ, Россось радосшь,
Посланница и другъ Небесь!
Которой льюшь усьа намъ сладосшь;
А взоры,— жизнь и свѣшь очесь.

Тобой блаженство мы вкушаемъ,
Тобой мы дышемъ и живемъ;
Тебѣ сердца мы посвящаемъ
И благодарну пѣснь поемъ.

О наша мать! сердце Царица!
О Ангель, а не челоуѣкъ!
О крошка съвера денница!
Сіяй и озаряй насъ въ вѣкъ.

XLVIII.
П Р О В И Д Ъ Н І Е.

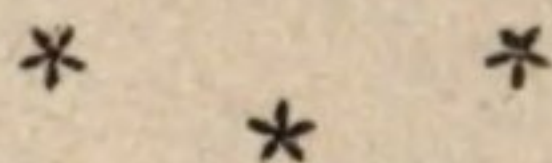
Изь сада, и зимой цвѣшуща,
Чершого вѣчныя весны,
Въ величествѣ земнаго Бога
Екатерины, кинувъ взглядъ
На злобобисерное небо,
На синюю Неву споящу,
Гошовую пуспихся въ Бельшъ,
И обозрѣвъ вокругъ Пешрополь,
Улыбкою, веснѣ подобной,
Даришъ опраду всѣмъ и жизньъ.

* * *

И видя, что вдали, въ помленье,
Со льдами бьется человѣкъ,
Всесильный перспъ къ нему просперши,
Велишъ его извлечь изъ волнъ.
Лешяшъ крылапы Серафимы,
Усердьемъ пламенные слуги,
И волю божества пворяшъ:
Едва прошло одно мгновенье,
Уже изъ бездны водной, темной,
Изяшъ, изпоргнушъ, извлечень.

*

На швердомъ берегъ гранишномъ
 Проспершъ полмершвый, блѣдный шрушъ,
 Убогимъ рубищемъ одѣшый;
 На посинѣлыхъ смершъ успахъ,
 И еле слышишся дыханье:
 Но, Провидѣніе и Благосшъ!
 Творише вы лишъ чудеса.
 Какъ опдыхаешъ злакъ опъ мраза,
 Какъ изъ шумана всходишъ солнце:
 Такъ возвращаете вы жизнь!

Ужъ теплоша ліешся въ жилахъ
 И внемлешъ ихъ біенье врачъ,
 Ужъ по челу и по ланишамъ
 Проникъ багряный огонь, — и грудь,
 Какъ ссѣдшая морская пѣна,
 Зефиромъ зыблешся и дышешъ,
 Являя чувствіе и жизнь:
 Въ лицъ прекрасномъ, юномъ, нѣжномъ,
 Воскресли розы и лилей,
 И въ нихъ предспала дѣва намъ.

Ведущъ ее передъ чертоги,
 И вопрошающъ съ высоты:
 Кто ты? За чѣмъ вдалась въ опасность?
 Она отвѣтствуетъ, склонясь:—
 Въ очахъ ея видна невинность,—
 „Чтобъ изкупить залогъ священный,
 „Родительскій послѣдній даръ,
 „Я шла, на Бога уповая,
 „Я сира,—мать, отецъ оставилъ.,,—
 Но я тебя возприму.—

Возвысила свой гласъ Царица,
 И бросила свой свѣплый взоръ.—
 Уже хитонъ, бѣлѣйшій снѣга,
 И ферези драгія ей
 Несущъ,—и на челѣ высокомъ
 Злапая лента возблиспала,
 Мониспомъ грудь, и въ даръ еще
 Гоповящъ ей богато вѣно;
 Въ дверяхъ женихъ, и смерть гдѣ злилась,
 Тамъ торжествуетъ днесъ любовь.

О Провидѣніе! коль чудны
 И благи сушь твои пуши!
 Кшо звалъ Императрицу съ прона
 И не велѣль смиряшь ей царствъ;
 Взнесенны удержашъ перуны,
 Въсы оспановишь Оемиды,
 И, опуспя правленья руль,
 Въ часы работы черпашъ воздухъ,
 Чшобъ дѣву спасшь?—Ты, Провидѣнье!
 Въ твоей рукѣ сердца Царей!

* * *

Ты возврапило мнѣ Плѣниру,—
 Тебя, всезряще око, чшу:
 Когда пуши мои невинны,
 Когда я сердцемъ, духомъ чисшь,
 И соблюспи обѣшь мой Богу
 И вѣрность сохранишь Монарху
 Дерзаю,—на извѣспный рокъ
 Теку прошивъ спремленья бурна;
 Ты въ сѣни смертной мнѣ подпора:
 А ты, Екатерина, щипшь!

О благодатная! коль можешъ
Творцу уподобляшся шварь;
Всѣхъ болѣе имѣюшъ право
Великіе на то Цари,
Когда они съ своихъ престоловъ
Грозами ужасаюшъ злобу,
Блаженствами дождяшъ благихъ,
Отъ смерти къ живопу возводяшъ:—
И ты, днесь сиропу ущедря,
Еще подобна божеству.

XLIX.

НА ПОКОРЕНИЕ ДЕРБЕНТА.

Герой, который мной воспѣтъ,
Что щаспья надѣлень рукою
И храброспью и красосою
Въ любви и въ брани для побѣдъ!
Уже ты днесъ не по форшунѣ,
По подвигамъ твоимъ почтенъ.

Едва оставилъ ты гражданъ,
Привязанныхъ къ тебѣ любовью,
Ужъ мечъ твой обагрился кровью
Проливныхъ Россамъ Персіанъ:
Но гордый врагъ просперъ лишь выю,
Ты подарилъ ему живопись!

Екатеринины лучи
Умножилъ ты побѣдой новой;
Славнѣе тѣмъ вѣнецъ лавровой,
Что взялъ Петровы ты ключи.
Въ сполѣпнемъ сшарцѣ Дарій зрится
А юный Александръ въ тебѣ!

О радость! се валять ужъ къ намъ
 Слоны, богапспвомъ нагруженны,
 Коврами Инда покровенны!
 Народъ по спогнамъ, по домамъ!
 Сребро и золото ліешся,
 Какъ съ неба благошворный дождь!

Но знай: какъ свѣпый метеоръ,
 Такъ блескъ пріумфовъ пролепаетъ;
 Почши тогдажъ и изчезаетъ,
 Коль скоро удивитъ онъ взоръ:
 А добродѣтели свяшыя,
 Какъ въ небѣ звѣзды, вѣкъ горятъ.

Но кто перунъ небесъ несепъ
 И вдохновенъ душой Беллоны,
 Кому черпежъ даюпъ Плапоны,
 И кропосши кто въ слѣдъ идепъ:
 Тотъ можетъ многими пушями
 Войши безсмертія во храмъ.

L.
МОЙ ИСТУКАНЪ.

Гоповъ кумиръ, желанный мною,
 Рашешь его изобразилъ!
 Онъ хипрою своею рукою
 Меня и въ камнѣ оживилъ.
 Гоповъ кумиръ!—И будешь чпишься
 Искусство Праксипеля въ немъ:—
 Но мнѣ какою чesпью льспишься
 Въ безсмертномъ испуканѣ семъ?
 Безъ славныхъ дѣлъ, гремящихъ въ мѣръ,
 Ничто и Царь въ своемъ кумирѣ.

* * *

Ничто! и не живетъ пошъ смерпный,
 О комъ ни малой нѣтъ молвы,
 Ни зломъ, ни благомъ не примѣпный,
 Во гробѣ погребенъ живый:
 Но ты, о звѣрскихъ душъ забава!
 Убійство!—я не льщусь побой,
 Бaпыевъ и Мараповъ слава
 Во ужасъ духъ приводитъ мой;
 Не лучше ли мнѣ быть забвенну,
 Чѣмъ узами сковать вселенну?

Злодѣйства малаго мнѣ мало,
 Большаго дѣлашь не хочу;
 Мнѣ скиппра небо не вручало,
 И я на небо не ропчу.
 Готовъ я управляться власпью;
 А еспьли ею и спѣснюсь
 Чрезъ зло: моей я низкой часпью
 Съ пресполомъ свѣша не смѣнюсь.
 Та мысль всѣхъ казней мнѣ спрашнѣя:
 Предспавишь въ вѣчности злодѣя!

* * *

Злодѣй, который самолюбыю
 И тайной гордоспи своей
 Всѣмъ жершвуешъ; его орудью
 Преграды нѣшь, алчбѣ цѣпей;
 Внупръ совѣспью своей размученъ,
 Внѣ съ радоспью губишь другихъ;
 Пуспъ дерзоспью, удачей звученъ,
 Но не великъ въ глазахъ моихъ.
 Хопя бы Богомъ былъ онъ злобнымъ,
 Быть не хочу ему подобнымъ.

Легко зломъ міръ гремѣшь заспавишь,
 До Героспрапа только шагъ;
 Но трудно доблесью прославишь
 И воцаришь себя въ сердцахъ:
 Вѣкъ должно, добрымъ бышь, намъ щипишь
 И плодъ намъ время дасъ одно;
 На зло, лишь только бы рѣшишься,
 И въ мигъ содѣлано оно.
 Рѣдка на свѣпѣ добродѣшель,
 И рѣдокъ благъ прямыхъ содѣшель.

Онъ рѣдокъ!—Но какая разность
 Межъ славой доброй и худой?
 Чпобъ имя пріобрѣсшь намъ, знапность,
 И шой гремѣшь, или другой,
 Не всель равно?—Когда лишь будешъ
 Помомспво наши знашь дѣла,
 И злыхъ и добрыхъ не забудешъ.
 Ахъ, нѣшъ!—Природа въ насъ влила
 Съ душой и опвращенье къ злбѣ,
 Любовь къ добру,—и сущимъ въ гробѣ.

Мнѣ добрая пріятна слава,
 Хочу я человѣкомъ бытъ,
 Котораго спрасшей оправа
 Безсильна сердце развратишь;
 Кого ни мзда не ослѣпляетъ,
 Ни санъ, ни мечь, ни блескъ порфирь;
 Кого лишь правда научаетъ,
 Любя себя, любишь весь міръ
 Любовью мудрой, просвѣщенной,
 По добродѣтели священной.

По ней, котора соспавляетъ
 Вождей любезныхъ и Царей;
 По ней, котора извлекаетъ
 Сладчайши слезы изъ очей.
 Эпаминондъ ли защищитель,
 Или благопворишель Тимъ;
 Сократъ ли, испины учишель,
 Или правдивый Ариспидъ:
 Мнѣ всѣ ихъ имена почтенны
 И испуканы ихъ священные.

Священъ мнѣ паче зракъ Героевъ,
 Моихъ любезныхъ согражданъ,
 Предъ трономъ, на судъ, средъ боевъ
 Душой великихъ Россіянъ.
 Священъ!—Но есѣли здѣсь я чести
 Современныхъ не возвѣщу,
 Бояся подозрѣнья въ лести:
 То васъ ли, васъ ли умолчу,
 О праотцы! дѣлами славны,
 Которыхъ вижу испуканы?

А есѣли древности покровомъ
 Кто предо мной изъ васъ и скрытъ,
 Въ вѣнцѣ оливномъ и лавровомъ
 Великій Петръ, какъ живъ, спойтъ;
 Монархи мудры, милосерды,
 За нимъ отецъ его и дѣдъ;
 Опечесѣва подпоры шверды,
 Пожарской, Мининъ, Филаретъ;
 И ты, другъ правды, Долгоруковъ!
 Достойны вѣчной славы звуковъ.

Достойны вы!—Но мнѣ ли права
 Желать—быть съ вами на ряду?
 Что обо мнѣ расскажетъ слава,
 Коль я безвѣспну жизнь веду?
 Не спасъ опъ гибели я царства,
 Царей на пронъ не возводилъ,
 Не сперь терпѣніемъ коварства,
 Богатствъ моихъ не приносилъ
 На жертву, въ подкрѣпленье прона,
 И защищать не могъ закона.

* * *

Увы!—По чпожъ сему болвану
 На свѣтѣ мѣсто занимаешь,
 Дурную, лысу обезьяну
 На смѣхъ ли дѣшамъ представляешь,
 Чтобъ видѣли меня пошломки
 Подъ паушиною въ пыли,
 Рабы спупали на обломки
 Мои, лежащи на земли?
 Нѣтъ! лучше быть опъ всѣхъ забвеннымъ,
 Чѣмъ брошеннымъ и въ вѣкъ презрѣннымъ.

Разбей же, мой вторый создапель,
 Разбей мой испукань, Рашепь!
 Румянцова лица ваяпель
 Себѣ мной чеспи не найдешь;
 Разбей!—Или постой немного;
 Поищемъ, нѣшъ ли дѣль какихъ,
 По коимъ бы, хошя не спрого
 Судя о качествахъ моихъ,
 Ты могъ опвѣспивовашь вселенной
 За трудъ надъ мною понесенной.

* * *

Поищемъ!—Нѣшъ.—Мои бездѣлки
 Безумно сполько уважашь,
 Дѣла обыкновенны мѣлки,
 Чшобъ насъ заспавишь обожашь;
 Хошябъ я съ плѣнныхъ снялъ желѣзы,
 Законъ и правду сохранилъ,
 Ошеръ сиротски, вдовьи слезы,
 Невинныхъ оправдапель былъ;
 Органъ Монаршихъ благъ и мира—
 Не спойлъ бы и пущь кумира.

Не споилъ бы:—всѣ знаки чеспи,
 Дозволенны самимъ себѣ,
 Плоды щеславія и леспи,
 Монархъ! постыдны и шебѣ.
 Желаетъ хвалъ, благодаренья
 Лишь низкая себѣ душа,
 Живущая изъ награжденья:
 По смерти слава хороша;
 Заслуги въ гробѣ созрѣвають,
 Герои въ вѣчности сіяють.

* * *

Но есѣли дѣлъ и не имѣю,
 За что бѣ кумиръ мнѣ посвященъ:
 Въ достоинство вмѣнишь я смѣю,
 Что зналъ достоинствы я чинишь;
 Что могъ изобразить фелицу,
 Небесну благосѣ во плоти,
 Что пѣлъ я Россю въ Царицу,
 Какой другой намъ не найши
 Ни днесъ, ни впредь, въ пространствѣ міра:
 Хвались моя, хвались пѣмъ, лира!

Хвались!—и образъ мой скудельной
 Въ храмъ славы возноси съ собой;
 Ты можешь быть споль дерзновенной,
 Коль тихой нѣкогда слезой
 Ты, взоръ кропя Ека терины,
 Могла пріятною ей быть;
 Вносишь, и доспигай вершины,
 Чшобы на ней меня вмѣспишь,
 Зависпниковъ моихъ къ досадѣ,
 Въ ея прекрасной колонадѣ.

На пвердомъ мраморномъ помостѣ,
 На мшиспыхъ сводахъ межъ сполповъ,
 Въ мѣди, въ величеспвенномъ роспѣ,
 Подъ сѣнью райскихъ вкругъ деревъ,
 Поспавъ со славными мужаи!
 Я спану съ важностью спояшь;
 Какъ опъ зарей всякъ день лучаи,
 Опъ свѣсплыхъ царскихъ лицъ, блиспашь,
 Недвижимъ вихряи, ни громомъ,
 Подъ ихъ божеспвннымъ покровомъ.

Прострепся облакъ благовонный,
 Коврами вкругъ меня цвѣты. —
 Поспой, Піишь, восторга полный!
 Высоко залепѣль ужъ ты;
 Въ пыли валялись и Омиры,
 Попомство грозный судія;
 Оно разсмаприваетъ лиры,
 Услышишь гласъ и швоея,
 И пальмы взвѣсишь и перуны,
 Кому швой гремѣли спруны.

* * *

Увы! легко случишься можешь,
 Поспавяшь и себя льспецомъ;
 Кого днесъ пайно злоба гложешь,
 Тотъ будешь завпра въявь врагомъ;
 Трясущъ и шроны люди злыя:
 То можешь бышь, и швой кумиръ
 Черезъ рѣшешки золопыя
 Слепишь и разсмѣшишь весь міръ,
 Спуча съ крыльца спупень съ спупени,
 И скашишься въ древесны шѣни.

*

По чпожъ позора ждашь такова?
 Разбей, Рашепъ, мои черпы!
 Разбей!—Нѣпъ, нѣпъ;—еще пол-слова
 Позволь сказапъ себѣ мнѣ пы.
 Пуспъ попъ, кпо съ большимъ дарованьемъ
 Могъ добродѣпель прославляпъ,
 Съ усерднѣйшимъ, чѣмъ я, спараньемъ
 Желаетъ добра и исполняетъ,
 Пуспъ попъ не медля и рѣшипся:
 И мой кумиръ имъ сокрушипся.

Я радъ опечеспва блаженспву:
 Дай больше небо таковыхъ,
 Россійской силы къ совершенспву,
 Сыновъ ей вѣрныхъ и прямыхъ!
 Опреѣленія судьбины
 Тогда исполняпся во всемъ;
 Доспуимъ міра мы средины,
 Съ Гангеса злапо соберемъ;
 Гордыню усмиримъ Кишая,
 Какъ кедръ, нашъ корень ушвержда.

Тогда, — Каменосъчець хитрый! —
 Кумиры швоего рѣзца
 Живой спруей изпуспяшь искры
 И въ внучапахъ возжгушь сердца.
 Смопря на образъ Мараѳона
 Зальешся Ѳемиспоклъ слезой,
 Опдаспъ Арману Петръ пол-прона,
 Чшобъ править научиль другой;
 Въ ихъ урнахъ фениксы взродяпся
 И въ слѣдъ ихъ славы воскреляпся.

* * *

А ты, любезная супруга!
 Межъ шѣмъ возьми сей испуканъ;
 Спрячь для себя, родни и друга,
 Его въ серпяной швой диванъ;
 И съ бюспомъ шамъ своимъ, мнѣ милымъ,
 Предъ зеркаломъ ихъ въ рядъ поспавъ,
 Во знакъ, что съ сердцемъ справедливымъ
 Не скрыпъ нашъ всѣмъ и видѣнъ нравъ.
 Что слава? — Щаспье намъ прямое
 Жишъ съ нашей совѣстью въ покоѣ.

II.

НОВОСЕЛЬЕ МОЛОДЫХЪ.

Дафнисъ.

Днесъ, Дафна: радость намъ, веселье,
 Родителей твоихъ, моихъ,
 Мы позовемъ на новоселье
 И праздникъ сделаемъ для нихъ.

Дафна.

Изрядно, Дафнисъ!—Я съ цвѣтами
 Для нихъ корзинку припасу,
 Весь домикъ окурю духами,
 И сыръ и масло принесу.

Дафнисъ.

Надѣнь сорочку бѣлоснѣжную,
 На грудь двѣ розы приколи,
 И ферязъ поясомъ зелену
 Подбравъ немного опъ земли,
 Устрой такъ къ пляскѣ ножки милы,
 Чшобы подъ пѣсней, козелка
 Такъ проплясать тебѣ, какъ крилы
 Порхающъ вѣшня вѣшерка.

Дафна.

Все будешъ, Дафнисъ.—Тыжъ скорѣе
 Воздвигнь олшарь, и пѣ на немъ
 Цвѣшы, плоды, чшо естъ спѣлѣе,
 Поспавъ:—да ихъ мы принесемъ
 На жершву подъ свирѣльми Пану
 За нашихъ здравіе госпей,
 И чшо съ родителъми я спану
 Вкушашъ побой злапыхъ покъ дней.

Дафнисъ.

О! Дафна милая, драгая,
 Другъ сердца, свѣшъ моихъ очей!
 Лишь ты, хозяйка молодая,
 Моихъ пребудешъ щаспьемъ дней.

Дафна.

Нѣшъ, шы.—Ахъ, госпи дорогія!
 Вы здѣсь?—Родителъ нѣжный, мапъ!
 Какія жершвы вамъ другія,
 Мы можемъ лишь сердца опдашъ,
 За хлѣбъ и соль намъ принесенны,
 За курицу и пѣшуха.

Дафнисъ.

Мы всѣмъ опъ васъ благословенны:—
 Я вѣрный сынъ вашъ!

Дафна.

Я сноха!

Дафнисъ.

Вы жизнь мнѣ даровали!

Дафна.

Вы въ дочь меня избрали!

Дафнисъ.

Пишали близь своихъ сердець!

Дафна.

Вы щаспья нашего вѣнецъ!

Оба.

Прими же благодаренье
Усердныхъ вамъ своихъ дѣшей:
Сей праздникъ, пиръ и новоселье
Вы все, вы все намъ въ жизни сей.

LII.

НА ВЗЯТІЕ ВАРШАВЫ.

Пошелъ,—и гдѣ приспаты злобы?
 Чему коснулся, все сразилъ.
 Поля и грады—спали гробы;
 Шагнуль—и царство покорилъ!

О Россѣ! о подвигъ Исполина!
 О всемогущая жена!

Безсмертная Екатерина!

Куда?—И что еще?—Уже полна

Великихъ вашихъ дѣлъ вселенна.

Какъ ночью звѣздъ спезя, по небу пропяженна,
 Дѣяній вашихъ цѣпь въ попомспвѣ возбле-
 спипъ

И мудрыхъ удивипъ.—

Ужъ ваши имена,

Тріумфъ, побѣды, прудъ, не скроюпъ времена,
 Какъ молнии быспрыя вкругъ міра будупъпечь.
 Полсвѣша очерпилъ блиспающій вашъ мечъ;

И славы громъ,

Какъ шумъ морей, какъ гуль воздушныхъ
 споровъ,

Изъ дола въ долъ, съ холма на холмъ,

Изъ дебри въ дебрь, опъ рода въ родъ,

Прокапшися, пройдешь,
 Промчшися, прозвучишь,
 И въ вѣчность возвѣспишь,
 Кто былъ Суворовъ!

По бранямъ Александръ, по доблести Споеикъ,
 Въ себѣ ихъ совмѣспилъ, и въ обоихъ великъ.

* * *

Чорная пуча мрачныя крыла,
 Съ цѣпи сорвавъ, весь воздухъ покрыла,
 Вихрь полуночный лешишь богатырь!
 Тьма опъ чела, съ посвисста пыль,
 Молнии опъ взоровъ бѣгущъ впереди,
 Дубы грядою лежащъ позади.
 Спустишь на горы,—горы прещашъ;
 Ляжешъ на воды,—воды кипящъ;
 Граду коснешся,—градъ упадаешъ;
 Башни рукою за облакъ кидаетъ;
 Дрогнешъ Природа, блѣднѣя предъ нимъ;
 Слабыя проси щадящся лишь имъ.
 Тыль, Геркулесъ нашъ, новый, полночный,
 Бурѣ подобный, быспрый и мочный,
 Твой ли, Суворовъ! се образъ побѣдъ?
 Трупы враговъ и лавры швой слѣдъ!
 Кѣмъ ты когда бывалъ побѣждаемъ?

Все ты всегда вездѣ превозмогъ!
 Новый профей пвой днесь созерцаемъ:
 Тронъ подъ побой, — корона у ногъ, —
 Царь въ полону! — Ужась ты злобнымъ,
 Кто былъ Царицѣ пвоей непокорнымъ.

* * *

И се въ небесномъ верхоградѣ
 На зланныхъ вижу я холмахъ,
 Благоуханныхъ роць въ прохладѣ,
 Въ прозрачныхъ радужныхъ шапрахъ,
 Предъ сонмами блаженныхъ Россовъ,
 Въ бесѣдѣ ихъ вождей, Царей.
 Нашъ звучный Пиндаръ, Ломоносовъ,
 Сидишь, — и лирою своей
 Безплошный слухъ ихъ ушѣшаешь;
 Поешь безсмершныя дѣла.
 Уже, какъ молнія, пронзаешь
 Ихъ свѣшлу грудь его хвала;
 Злашь медь блеспишь въ успахъ пунцовыхъ,
 Зари играюшь на щекахъ;
 На мягкихъ, зыблющихъ, перловыхъ,
 Они возлегли облакахъ,
 Небесныхъ арфъ и дѣвъ внимаюшь
 Поющій шихоспрунный хоръ.

Въ безмолвьи сладко упоаюшъ,
 И склабя восхищенный взоръ,
 Взираюшъ съ высоты небесной
 На храбрый, вѣрный свой народъ,
 Что доблестью, другимъ безвѣстной,
 Еще себѣ вѣнцы берешъ,
 Еще на высоту восходишъ,
 Всевышняго водимъ рукой.
 Великій Петръ къ нимъ взоръ низводишъ,
 И въ ревности своей святой,
 Какъ прубный громъ межъ горъ гремишъ,
 Герой Героямъ говоришъ:

„О вы, сѣдящи въ сѣни райской!
 „Одѣньшесь въ свѣшлы днесъ зари!
 „Возстанъ великій мужъ Пожарской!
 „И на Россію посмотри:
 „Ты усмирилъ ея крамолу,
 „Избралъ преемника пресполю,
 „Росадникъ славы насадилъ;
 „И се рукой Екатерины
 „Твои теперь пожапы крины,
 „Копоры сжапъ я укоснилъ.
 „Она нашъ домъ разпроспранила
 „И славой всѣхъ насъ превзошла,
 „Стропшиву Польшу покорила,
 „Копорая швой врагъ была,

Прорекъ Монархъ, и скрылся въ сѣнь.
 Герои Росски всколебались,
 Сѣдымъ челомъ приподнимались,
 Чшобы узрѣть Варшавы плѣнь.

Лежишь измѣнница, и взоры
 Попупя, обращаешь вкругъ;
 Терзаюшь грудь ея укоры,
 Чшо раздражила кропкѣй духъ,
 Склонилась на совѣшь змѣиный,
 Ошвергла щипъ Екатерины,
 Не могши дружбы къ ней сберечь.
 И се днесъ надъ Сармапомъ плѣннымъ,
 Навѣсясь шлемомъ опереннымъ,
 Всесильный Россъ занесъ свой мечъ.

Сидишь орелъ на гидрѣ злобной,
 Подише, ошнимише, львы!
 Сспремися съ фуріей сонмъ грозной!
 Герой, опъ Лены до Невы,
 Возлеги на лавровомъ полѣ,
 Ни съ кѣмъ не съединяясь болѣ,
 Лишь мудрой правимый главой,
 Щипомъ небеснымъ осѣняясь,
 На вѣру, вѣрность опираясь,
 Одной васъ ошполкнешъ ногой.

О спыдъ! о срамъ неимовѣрный!
 Бышь Россу другомъ и робѣшь!
 Пожаръ пушишь спарашся зѣльный,
 И бывъ въ огнѣ, охолодѣшь!
 Мнишь защищать Монарши правы,
 И за корысть лишь воевать;
 Желать себѣ безсмертной славы,
 И не сражаясь опсупать;
 Слышь недругомъ коварству злому,
 И чпшь его внутрь сердца ядъ!

Но ты, народъ, подобно грому
 Копораго мечи въ дали звучають!
 Доколѣ швердъ, единодушень,
 Умѣешь смерть и скорби презирають,
 Царю единому послушень,
 И съ нимъ по вѣрѣ поборають
 По правдѣ будешь лишь войною:
 Великій духъ! швой Богъ съ побою!
 На чпо шебѣ союзъ?—О Россъ!
 Шагни,—и вся швоя вселенна.

О Ты, жена благословенна,
 У коей сынъ такой колоссъ!
 Къ шолѣкимъ скипшрамъ и коронамъ,
 Сшранамъ, владѣемымъ Тобой,
 Со звукомъ, громомъ и со звономъ
 Еще одну его рукой
 Прійми корону принесенну,
 И грудь во браняхъ упоменну
 Спѣши спокойствомъ врачевашъ.
 Твое ему едино слово
 Ошраду, духъ, геройство ново
 И щасъе можешъ даровашъ.

А пы, кому и Музы внемлюшъ,
 Младый наперсникъ, чашникъ Кронъ,
 Предъ кѣмъ орелъ и громы дремлюшъ
 И вседробящій молній огнь!
 Налей мнѣ лубокъ швой сапфирный,
 Звѣздами, перлами кипящъ,
 Да нектаръ швой небесный, сильный
 На лоно нѣжныхъ Музъ клонящъ,
 На мѣсто громовъ, звуковъ бранныхъ,
 Воспѣшъ меня возбудишъ миръ.

И се уже въ спранахъ кристальныхъ
 Несусь, оспавя дольний міръ ;
 Огниспый солнца конь крылапый
 Лешипъ по воздуху и ржешъ.
 Съ ноздрей дымъ пышешъ синевапый,
 Со удиль пѣна клубомъ бьешъ,
 Спруями искры сыплюшъ взоры;
 Какъ овны, убѣгаюшъ горы,
 И въ божескомъ воспоргѣ семъ
 Я вижу въ пишинѣ полсвѣпа!

Живи, цвѣпи несмѣпны лѣпа,
 О Царспвующая на немъ!
 Кпо лучший сполькихъ спранъ владѣпель,
 Какъ не въ коронѣ добродѣпель?

Х О Р Ъ.

Среди грому, среди звону
 Торжеспвуй, прехрабрый Россъ!
 Ты еще шеперь корону
 Въ даръ Монархинѣ принесъ.
 Славься симъ ЕКАТЕРИНА,
 О великая жена!

Гдѣ народъ какой на свѣлѣ,
 Кпо видалъ и кпо слыхалъ,
 Чпо въ единомъ царспво лѣлѣ
 И съ Царемъ завоевалъ?
 Славься симъ ЕКАТЕРИНА,
 О великая жена!

Чши вселенна, удивляйся
 Нашихъ мужескву людей;
 Злоба въ сердцѣ содрагайся,
 Зря въ насъ пвердый щипъ Царей.
 Славься симъ ЕКАТЕРИНА,
 О великая жена!

Зависшь, дерзосшь и коварсшво
 Преклонись, нашъ видя спрой!
 Безпримѣрно Руско царсшво,
 И младенецъ въ немъ Герой.
 Славься симъ ЕКАТЕРИНА,
 О всликая жена!

Царедворецъ, жившій нѣжно,
 Просишся на спрашный бой,
 Сносишь прудъ и скорбь прилѣжно
 И на смерть идешь спѣной.
 Славься симъ ЕКАТЕРИНА,
 О великая жена!

Пули, ядры, раны смершны,
 За Царя приемлемъ въ даръ;
 Награжденья намъ безсмершны
 Слово Царско, слава, лавръ.
 Славься симъ ЕКАТЕРИНА,
 О великая жена!

Я всему предпочитаю
За опечесшво лишь кровь,
Я Плѣниру забываю,
И пою къ нему любовь.
Славься симъ ЕКАТЕРИНА,
О великая жена!

Упѣшайся восхищеньемъ
Чадъ, о маперь, шаковымъ!
Ихъ нелестнымъ поклоненьемъ
Добродѣтелямъ швоимъ.
Славься симъ ЕКАТЕРИНА,
О великая жена!

LIII.

НА КОНЧИНУ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ ОЛЬГИ
ПАВЛОВНЫ.

Ночь лишь седьмую
Мрачнаго прона
Сшепенъ прешла,
Съ Роска Сіона
Звѣзду злапую
Смерть сорвала.
Лучъ, покашяся
Съ синяго неба,
Въ безднѣ погасъ!

Ушрення, ясна,
Тѣнь золошая!
Крапокъ швой блескъ.
Ольга прекрасна,
Ольга драгая!
Тѣнь швой былъ вѣкъ.
Чшо швое ушро
Въ вѣчности цѣлой?
Менѣй, чѣмъ мигъ!

Юная роза
 Лишь развернула
 Алый шипокъ,
 Вдругъ опъ мороза
 Въ лонѣ уснула,
 Свянуль цвѣшокъ:
 Такъ и съ Царевной;
 Нѣтъ ужъ въ ней жизни,
 Смерть на челѣ!

Къ опчему лону,
 Къ мапери нѣжной,
 Къ брашьямъ, сеспрамъ,
 Къ скипепру, прону,
 Къ бабкѣ любезной,
 Къ вѣрнымъ рабамъ,
 Милый младенецъ!
 Ты ужъ съ улыбкой
 Рукъ не проспрешь.

Ликъ полупонный,
 Тихое пѣнье,
 Мрачность одеждъ,
 Вздохи и споны,
 Слезно печенье,
 Въ дымѣ блескъ свѣчъ,
 Норда Царицы
 Блѣдность, безмолвье —
 Спрашный позоръ!

Гдѣ вы спѣснились?
 Чѣмъ окружили?
 Чей видимъ прупъ?
 Иль вы забылись,
 Въ гробъ положили
 Спящаго тупъ
 Ангела въ пѣлъ?—
 Ольга прекрасна
 Ангель былъ нашъ.

Вижу въ сіяньѣ
 Грады эѣира,
 Солнцы кругомъ!
 Вижу собранье
 Горняго міра;
 Ангеловъ сонмъ,
 Руки просперши,
 Ольгу пріемлютъ
 Въ свѣплый свой полкъ.

Вижу блаженну
 Чиспую душу
 Всю изъ огня,
 Въ свѣпъ облеченну!
 Въ райскую куцу
 Идешъ дишя;
 Зришъ на Россію,
 Зришъ на Пешрополь,
 Зришъ на родныхъ.

Зришь на Піишу,
 Жизнь и успенье
 Кшо ея пѣль,
 Чей въ умиленѣ
 Дождь на ланишу
 Искрой лепѣль;
 Слышишь звукъ лиры,
 Томные гласы
 Пѣсни моей.

Міра Содѣшель,
 Святость и прочность
 Царства сущъ чьи!
 Коль добродѣшель
 И непорочность
 Слуги швой,
 Койхъ ко смершнымъ
 Ты посылаешь
 Спражами бышь:

Дажь, да надъ нами
 Ольги блаженной
 Плаваешь духъ;
 Чшобъ, какъ очами,
 Надъ полвселенной
 Неба сей другъ
 Зрѣль насъ звѣздами,
 Дланью багряной
 Сыпаль къ намъ свѣшъ.

Племя Петрово,
Екатерины
Здравьемъ чело,
Сѣнь бы лаврова,
Мирные крины—
Все намъ цвѣло;
Дни бы злапые,
Сребряны росы
Съ облакъ лились.

Не было бѣ царства
Въ свѣтѣ другова
Щасливѣй насъ;
Яда коварства,
Равенства злова,
Буйства заразы,
Вольности мнимой,
Ангель хранишель,
Насъ ты избавь!

И средь эѳира,
Въ дебри тѣмозвѣздной,
Въ райской пиши,
Гдѣ днесъ Пльнира,
Другъ мой любезной,
Сердца, души
Въ ней половину,
Геній Россіи,
Призри мою!

LIV.

Л А С Т О Ч К А.

О домовиная Ласточка!
 О милосизая ппичка!
 Грудь краснобѣла, касапочка,
 Лѣпная госпья, пѣвичка!
 Ты часто по кровлямъ щебечешь,
 Надъ гнѣздышкомъ сидя поешь,
 Крылышками движешь, трепещешь,
 Колокольчикомъ въ горлышкѣ бьешь.
 Ты часто по воздуху вьешься,
 Въ немъ смѣлые круги даешь;
 Иль спелешься долу, несешься,
 Иль въ небѣ просприся плывешь.
 Ты часто во зеркалѣ водномъ
 Подъ рдяной играешь зарей,
 На зыбкомъ лазурѣ бездонномъ
 Тѣнью мелькаешь пвоей.
 Ты часто, какъ молнія, рѣешь
 Мгновенно шуды и сюды;
 Сама за собой не успѣешь
 Невидимы видѣшь слѣды:
 Но видишь шамъ всю пы вселенну
 Какъ будпо съ высотъ на коврѣ;
 Тамъ башню, какъ жаръ позлащенну,
 Въ чешуйчапомъ флопъ шамъ сребрѣ;
 Тамъ роци въ одеждѣ зеленой,
 Тамъ нивы въ вѣнцѣ золопомъ,

Тамъ холмъ, синій лѣсъ опдаленной,
 Тамъ мошки полкупся сполпомъ;
 Тамъ гнущся съ ушеса въ поншъ воды,
 Тамъ ласпяшся спруи къ брегамъ.—
 Всю прелесъ ты видишь природы,
 Зришь лѣша роскошнаго храмъ:
 Но видишь и бури ты черны
 И осени скучной приходъ;
 И прячешься въ бездны подземны,
 Хладѣя зимою, какъ ледъ.
 Во мракъ лежишь бездыханна:—
 Но только лишь придешь весна,
 И роза вздохнетъ лишь румяна,
 Встанешь, опкроешь зѣницы
 И новый лучъ жизни ты пьешь;
 Сизы разправя косицы,
 Ты новое солнце поешь.

Душа моя! гостѣя ты мира;
 Не ты ли пернаша сія?—
 Воспой же безсмертіе лира!
 Возстану, возстану и я,—
 Возстану,—и въ безднѣ эѳира
 Увижу ль тебя я, Плѣнира?

LV.

Ф Л О Т Ъ.

Онъ бѣлыми взмахнувъ крылами
 По зыблущей равнинѣ волнъ,
 Пошелъ,—и слѣдомъ пѣна рвами
 И съ спрашнымъ шумомъ искры, огнь
 Подъ нимъ въ пучинѣ загорѣлись,
 Съ нимъ рядомъ пѣнь его бѣжишь;
 Ширинки съ шлемовъ разпросперлись,
 Горѣ предъ нимъ орелъ паришь.

Водимъ Екатерины духомъ,
 Побѣдъ и славы громкой сынъ,
 Спупай еще, и землю слухомъ
 Наполнь, о Росской исполинъ!
 Ты смѣло Сциллы и Харибды,
 И свѣшь весь прежде проходилъ:
 То днесъ препяшпшвъ какіе виды?
 И кто шебѣ ихъ положилъ?

Спупай,—и спань средь Океана,
 И брось пвоихъ горпаней громъ:
 Европа, злобой обуянна,
 И гидръ лилейныхъ блѣдный сонмъ
 Опъ грозъ пвоихъ да попрясешся,
 Проснешся Людвигъ звукомъ лиръ!
 Та дочерью Божьей наречешся,
 Кто дасъ смущеннымъ царспвамъ миръ.

LVI.

ПРИГЛАШЕНІЕ КЪ ОБЪДУ.

Шекснинска сперлядь золошая,
 Каймакъ и борщъ уже спояшъ;
 Въ крафинахъ вина, пуншъ, блиспая
 То льдомъ, то искрами, маняшъ;
 Съ курильницъ благовоньи льюшся,
 Плоды среди корзинъ смѣюшся,
 Не смѣюшъ слуги и дохнушъ,
 Тебя спола вокругъ ожидая;
 Хозяйка спашная, молодая,
 Гошова руку просянушъ.

* * *

Приди, мой благодѣшель давный,
 Тѣорець чрезъ двапцашъ лѣшъ добра!
 Приди;—и домъ, хошъ не нарядный,
 Безъ рѣзбы, злапа и сребра,
 Мой посѣши;—его богапсшво
 Пріапный только вкусъ, опряпсшво,
 И швердый мой нельспивый нравъ;
 Приди опъ дѣль попрохладишся,
 Поѣспъ, попишъ, повеселишся,
 Безъ вредныхъ здравію приправъ.

Не чинь, не случай и не знапность
 На Руской мой проспой обѣдъ
 Я звалъ, одну благопріятность:
 А шопъ, кшо дѣлаешъ мнѣ вредъ,
 Пирушки сей не будешъ зришель.
 Ты, Ангель мой, благошворишель!
 Приди—и насладися благъ:
 А вражій духъ да опженешся,
 Моихъ пороговъ не коснешся
 Ни чей недоброхотный шагъ!

Друзьямъ моимъ я посвящаю,
 Друзьямъ и красотѣ сей день;
 Достоинствамъ я цѣну знаю,
 И знаю то, что вѣкъ нашъ шѣнь;
 Что лишь младенчество проводимъ,
 Уже ко старости приходимъ
 И смерть къ намъ смопритъ чрезъ заборъ,
 Увы!—то какъ не умудришься,
 Хотя разъ цвѣтами не увидишься
 И не оставишь мрачный взоръ?

Слыхаль, слыхаль я тайну эшу,
 Что иногда грустишь и Царь;
 Ни ночь, ни день покоя нѣшу,
 Хопя имъ вся покойна шварь.
 Хопя онъ громкой славой знашень,
 Но ахъ!—и пронъ всегдаль пріяшень
 Тому, кшо вѣкъ свой въ хлопопахъ?
 Тупъ зришь обманъ, шамъ зришь упадокъ:
 Какъ бѣдный часовой попъ жалокъ,
 Копорый вѣчно на часахъ!

И шакъ, доколь еще ненастье
 Не помрачаетъ красныхъ дней,
 И приголубливаетъ щасье
 И гладишь насъ рукой своей;
 Доколь не пришли морозы,
 Въ саду благоухають розы,
 Мы поспѣшимъ ихъ обоняшь.
 Такъ! будемъ жизнью наслаждаться,
 И шѣмъ, чѣмъ можемъ, ушѣшаешь,
 По плашью ноги пропягаешь.

А есѣли ты, иль кто другіе
Изъ званныхъ милыхъ мнѣ гостей,
Чертоги предпочтя злѣшые
И яспвы сахарны Царей,
Ко мнѣ не срядишесь опкушати;
Извольте мой вы полкъ прослушати:
Блаженство не въ лучахъ порфирь,
Не въ вкусѣ яспвѣ, не въ нѣгѣ слуха;
Но въ здравьи и спокойствѣ духа,—
Умѣренность есть лучшій пиръ.

LVII.

СОЛОВЕЙ

На холмѣ, сквозь зеленой рощи,
 При блескѣ свѣтлаго ручья,
 Подъ кровомъ тихой Майской ночи,
 Вдали я слышу соловья.
 По вѣпрамъ легкимъ, благовоннымъ,
 То свистъ его, то звонъ лешишь;
 То шумомъ заглушаемъ воднымъ,
 Вдыханьемъ сладостнымъ помишь.

Пѣвецъ весеннихъ дней пернатый,
 Любви, свободы и упѣхъ!
 Твой гласъ опрывный, перекапы
 Опъ грома къ нѣжности, опъ нѣгъ
 Ко плескамъ, прескамъ и перунамъ,
 Средь позднихъ, раннихъ красныхъ зарь,
 Раздавшись неба по лазурямъ,
 Въ безмолвіе приводяшь шварь.

Молчишь пустыня, изумленна,
 И ловишь громъ швой жадный слухъ,
 На крыльяхъ эха раздробленна
 Плѣняешь пѣснь швоя всѣхъ духъ.
 Тобой цвѣшущій доль смѣется,
 Дремучій лѣсъ пускаетъ гуль;
 Рѣка бѣгущая чуть льется,
 Сстоящій холмъ чело нагнулъ.

И свѣсясь со скалы кремнистой,
 Густокудрява мрачна ель,
 Напѣвъ пвой яркой, голосистой
 И рассыпную звонку прель,
 Какъ очарованна, внимаешь. —
 Не смѣешь двигнуться луна,
 И свѣтъ свой слабо низпускаешь:
 Воспорга мысль моя полна!

Какая громкость, живность, ясность
 Въ созвучномъ пѣніи пвоемъ,
 Спремишельность, пріятность, кашкость
 Между колѣнь и перемѣнь!
 Ты щолкаешь, крупишь, поводишь,
 Журчишь и спонешь въ голосахъ;
 Въ забвеніе души ты приводишь
 И опзывается въ сердцахъ.

О! есѣли бы одну природу
 Съ побою взялъ я въ образецъ,
 Воспѣлъ Боговъ, любовь, свободу:
 Какой бы славный былъ пѣвецъ!
 Въ моихъ бы пѣсняхъ жаръ и сила
 И чувствы были, вмѣсто словъ;
 Каршину, мысль и жизнь явила
 Гармонія моихъ стиховъ.

Тогда бѣ, подобно Тимошею,
 Въ шапрѣ Персидскомъ я возлюгъ,
 И сладкой лирою моею
 Царево сердце двигаю могъ:
 То вспламеня любовной спрасью,
 Къ Таисѣ бы его склонялъ;
 То, возбуждая грозой, напасью,
 Копье ему на брань вручалъ.

Тогда бы я между прудами
 На мягку мураву возсѣлъ,
 И арфы съ психими струнами
 Пріятность сельской жизни пѣлъ;
 Тогда бы Нимфа мнѣ внимала,
 Боясь въ зеркало воду взглянуть;
 Сквозь дымку бы едва дышала
 Ея высока, нѣжна грудь.

Иль храбрыхъ Россіянъ дѣлами
 Пѣнясь бы, духомъ возлещалъ,
 Героевъ полкъ надъ облаками
 Въ сіяньи звѣздъ я созерцалъ:
 О! коль бы ихъ воспѣлъ я сладко,
 Гремя поэзіей моею
 Опважно, быспро, плавно, крапко,
 Какъ ты,—о дивный соловей!

Какое гордое творенье,
 Хвостъ пышно разширяя свой,
 Чернозелены въ искрахъ перья
 Со рассыпною бахрамой
 Позади чешуйной груди кажетъ,
 Какъ нѣкій круглый, дивный щипъ?

Лазурно - сизы - бирюзовы
 На каждого концъ пера,
 Тѣнисы круги, волны новы
 Спруиса злапа и сребра:
 Наклонись, — изумруды блещущъ!
 Повернешь, — яхонты горящъ!

Не по ли славный Царь пернастый?
 Не по ли райска птица *Жарь*,
 Кошорой споль уборъ богатый
 Приводишь въ удивленье шварь?
 Гдѣ спунишь, — радуги играющъ!
 Гдѣ спанешь, — шамъ лучи вокругъ!

Конечно сила и паренье
Орлиныя въ ея крылахъ,
Гласъ трубный, лебедино пѣнье
Въ ея пресладостныхъ устахъ:
А пеликана добродѣтель
Въ ея и сердце и душѣ!

Но что за чудное явленье?
Я слышу нѣкій странный визгъ!
Сей Фениксъ опушилъ вдругъ перья,
Увидя гнусность ногъ своихъ.—
О пышность! какъ ты ослѣпляешь!
И баринъ безъ ума павлинъ.

LIX.

БОГИНѢ ЗДРАВІЯ.

Здравья Богиня благая,
 Въ вѣкъ ты со мною, Гигея, живи!
 Въ дни живоша моего
 Мнѣ ты соупницей будь!
 Еслили обилье слабишся смертнымъ,
 Еслили гордяшся они правовласнымъ
 Блескомъ богашства;
 Еслили любви спрасны желанья спремяшся
 Къ сладкимъ ушѣхамъ на лоно;
 Еслили на опчи глаза
 Слезы младенецъ нѣжны манишь;
 Ежели Боги на насъ съ высоты
 Дождь благодаши кропяшь разнovidный;
 Еслили спокойство опшельныхъ,
 Скромна насъ жизнь веселишь.....
 Всякая радость съ побой благовоннѣй цвѣ-
 шешь.
 Еслилижъ, Богиня, ты опспушаешь:
 Благо съ побой все уходишь опъ насъ.

LX.

НА КРЕЩЕНІЕ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ
НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.

Блаженная Россія!
Среди швоихъ чудесъ
Ошъ высоты свяшья
Еще залогъ Небесъ
Прими и веселися,
Сугубымъ блескомъ освѣпися!

Се нынѣ духъ Господень
На опрока сошелъ;
Прекрасень, благородень,
И какъ заря разцвѣлъ
Онъ въ пеленахъ лучами:
Дшя равняешя съ Царями!

Родишелямъ по крови,
По сану—исполинь;
По благоспи, любви,
Полсвѣта власпелинь:
Онъ будешъ, будешъ славень,
Душей Екaтepинъ равень!

LXI.

Г О Р Ъ Л К И.

На поприщѣ сей жизни склизкомъ
Всѣ люди бѣгашели сущь:
Въ печенѣи дальномъ, или близкомъ
Они къ мѣшѣ своей бѣгушъ.

И сильный тамо упадаешъ,
Свой кончишъ бѣгъ гдѣ не желалъ:
Лежишъ;—но спорника—мечтаешъ,—
Коль не спопкнулся бы,—догналъ.

Надеждой, самолюбя дщерью,
Весъ возбуждается сей свѣшъ;
Всякъ рвеніе прилагаешъ къ рвенію,
Чтوبъ у переднихъ взяшь передъ.

Хопъ дѣшской сей игрѣ, забавѣ,
И насмѣхаешся мудрецъ;
Но гордый духъ лепишъ ко славѣ,
И свяшъ ему ея вѣнецъ.

Сіе риспалище опличій,
Соревнованіе чеспей,
Испочникъ и шворецъ величій
И обоженіе людей;

Оно изящнаго содѣшель,
Великолѣнъ имъ сей свѣтъ:
Превозможенъе, добродѣшель,
Лишь имъ крѣпнися и распешъ.

О! вы, рожденные судьбою
Вождами Росскимъ вождямъ бышь,
Примѣры подавашъ собою,
И плески мира заслужишь!

Дерзайте! рвеніе полезно,
Гдѣ предстоишь вамъ славы видъ;
Но больше праведно, любезно,
Кто милосердьемъ знаменишь.

Екатеринъ подражая,
Ея спяжайте вы вѣнецъ;
Она доброшами плѣняя,
Царица подданныхъ сердецъ.

LXII.

НА РОЖДЕНІЕ ЦАРИЦЫ ГРЕМИСЛАВЫ
Л. А. НАРЫШКИНУ.

Живи, и жишь давай другимъ,
Но только не на счесть другаго;
Всегда доволенъ будь своимъ,
Не прогай ничего чужаго:
Вопъ правило, спезя прямая,
Для щасья каждаго и всѣхъ!

Нарышкинъ!—коль и ты привѣспвомъ
Къ веселью всѣмъ швой домъ опкрылъ,
Такимъ любезнымъ, скромнымъ средспвомъ
Богашыхъ съ бѣдными сравнилъ:
Прехвальна жизнь швоя такая,
Блаженъ шворецъ людскихъ ушѣхъ!

Пускай богачъ шамъ, по разчопу
Назнача день, зовешъ госпей,
Злашой родни, кліеншовъ рошу
Прибавишь къ пышности своей;
Пускай они, предъ нимъ спавъ спроемъ,
Кадяшь, вздыхаюшь—и молчашь.

Но мнѣ пріятно тамъ опкушашь,
 Гдѣ дружеской незваной споль;
 Гдѣ можно говоришь и слушаешь
 Тара - бара про хлѣбъ и соль;
 Гдѣ гость хозяина покоемъ,
 Хозяинъ гостемъ, дорожаешь.

Гдѣ скука и шоска забыта,
 Семья учпива, не шумна;
 Важна хозяйка, домовица,
 Досука, ласкова, умна;
 Гдѣ лишь пріязнью, хлѣбосольствомъ
 И взоромъ ищущъ угождаешь.

Что нужды мнѣ, кто по паркешу
 Подъ часъ и кубари спускалъ;
 Смошрѣлъ въ полкучемъ рынкѣ свѣшу,
 Народны мысли замѣчалъ,
 И могъ при случаѣ посольствомъ,
 Перомъ и шпагою блисташь!

Что нужды мнѣ, кто все зефиромъ
 Съ цвѣшка лишь на цвѣшокъ лепя,
 Доволенъ былъ собою, міромъ,
 Шушилъ, рѣзвился, какъ дитя;
 Но естли онъ съ полъ легкимъ нравомъ
 Всегда былъ добрый человекъ!

Всегда жилъ весело, пріятно,
 И не гонялся за мечтой;
 Жалѣлъ о тѣхъ, кто жилъ развратно,
 Плясалъ и самъ подъ тонъ чужой.
 Хвалю тебя, ты въ смыслъ здоровомъ
 Прещасливо провелъ свой вѣкъ.

Какой театръ, какъ всю вселенну,
 Ядущихъ и ядому пварь,
 За швой я вижу споль вмѣщенну,
 И ты сидишь, какъ Сирской Царь,
 Въ соборѣ цѣлыя природы!
 Въ семьѣ швоей—какъ Авраамъ!

Осшая Короли престола
 И Ханы у тебя гостяшъ:
 Киргисцы, Нѣмчики, Моголы
 Салму и соусы ѣдяшъ:
 Какіе разные народы,
 Языкъ, одежда, лица, спанъ!

Какой предметъ, какъ на качеляхъ
 Предъ домъ швой соберешся чернь,
 На свѣпныхъ праздничныхъ недѣляхъ!
 Вершишся въ воздухъ весь день,
 Покрыша площадь песпрошою,
 Чепцовъ и шапокъ миліонъ!

Какой восторгъ!—Какъ все играешь!
 Все скачешь, пляшешь и поешь,
 Все въ улицѣ швоей гуляешь,
 Кричишь, смѣешься, ѣсшь и пьешь!
 И ты, народной сей полною,
 Такъ весель, гордъ, какъ Соломонъ!

Блаженъ и мудръ, кто въ ближнихъ спавишь
 Блаженство купно и свое,
 Свою по вѣпру лодку правишь,
 И непорочно жиши
 О камень золь не разбиваешь,
 И къ приспани безъ бурь плывешь!

Левъ именемъ,—звѣринный Царь;
 Ты родомъ—богатырь, сынъ Барской;
 Ты сердцемъ—спольникъ, хлѣбодарь;
 Ты должностью—конюшій Царской;
 Твой домъ ушѣхой разцвѣтаешь,
 И всякъ подъ шѣнь его идешь.

Идушь прохладой насладишься,
 Музыкой душу напишаешь;
 То шѣмъ, то сѣмъ повеселишься,
 Въ боспонъ и въ шашки поиграешь;
 И словомъ: радость всю, забаву
 Столицы ты къ себѣ вмѣспилъ.

Бывало, даже сами Боги,
 Наскуча жиць въ своемъ раю,
 Оспавя радужны черпоги,
 Заходящъ въ храмину швою:
 О! еспьлибъ ты и Гремиславу
 Къ себѣ Царицу заманилъ!

И ей въ забаву, хопъ пихонько
 Осмѣлился въ ушко сказаць:
 Кпо вѣкъ провель споль славно, громко,
 Топъ можешъ въ праздникъ погулять,
 И зрѣшь людей блаженныхъ чувспво
 Въ ея пресвѣпло рождеспво.

Въ цвѣпахъ другой нѣшь розы въ мѣрь:
 Такой Царицы мѣрь не зришь!
 Любовь и власъ въ ея порфирѣ
 Благоухаетъ и спрашишь.
 Такъ знаешъ царспвоващъ искуспво
 Лишь въ Гремиславѣ,—Божеспво.

LXIII.

ХРАПОВИЦКОМУ.

Товарищъ давній, вновь сосѣдъ,
Пріятный, оспрый Храповицкой!
Ты умный мнѣ даешь совѣтъ,
Чшобы владычицъ Киргизской
Я пѣсни пѣлъ
И лирой ей хвалы гремѣлъ.

Такъ, такъ,—за средспвенны спишки
Мониспы, гривны, ожерелья,
Безцѣнны перспни, камешки
Я бралъ съ нея бы за бездѣля,
И былъ—гудкомъ—
Давно Мурза съ большимъ усомъ.

Но ежели наложенъ долгъ
Мнѣ опъ судебъ и вышня прона,
Чшобъ не лучиспый милый Богъ
Съ высопъ лазурна Геликона
Меня внушалъ,
Но я экспракты бѣ сочинялъ;

Быль чпець и пономарь Ѳемиды,
 И ей служиль предъ олшаремъ;
 Какъ омофоромъ опъ обиды
 Однихъ покрывъ, другихъ мечемъ
 Своймъ спрашишь
 И щаспье всѣмъ она даришь:

То какъ Я. оспавишь,
 Копораго весь міръ пѣснишь?
 Какъ Л. дашь оправишь,
 Копорый золопомъ гремишь?
 Боговъ пѣвецъ
 Не будешь никогда подлець.

Ты самъ со временемъ осудишь
 Меня за мглисый ѳиміамъ;
 За правдужъ чпишь меня шы будешь,
 Она любезна всѣмъ вѣкамъ;
 Въ ея вѣнцѣ
 Свѣплѣе царское лице.

LXIV.

НА КОНЧИНУ Г: ОРЛОВА.

Что слышу я? Орель изъ спай той высокой,
Копора въ воздухъ плыла
Впреди Минервы свѣплоокой,
Когда она съ Олимпа шла;—
Орель, который надъ Чесмою
Предъ флопомъ Россіянъ лепалъ,
Внезапно роковой спрѣлою
Сраженный, съ высоты упалъ!

Увы! гдѣ, гдѣ его подъ солнцемъ днесъ паренье?
Гдѣ по морямъ его слѣды?
Гдѣ бурно громовъ успремленье
И пламенны межъ тучъ бразды?
Гдѣ быстрыя всезрящи очи
И грудь, опважноспи полна?
Все, все, сокрыль мракъ вѣчной ночи,
Оспалась слава лишь одна!

LXV.

ПАМЯТНИКЪ.

Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный,
 Металловъ шверже онъ и выше пирамидъ;
 Ни вихрь его, ни громъ не сломишь быспропеч-
 ный,
 И времени полешь его не сокрушишь.

* * *

Такъ!—весь я не умру: но часъ меня большая,
 Опъ плѣна убѣжавъ, по смерти спанешъ жишь,
 И слава возрастетъ моя, не увядая,
 Доколь Славяновъ родъ вселенна будешъ чшишь.

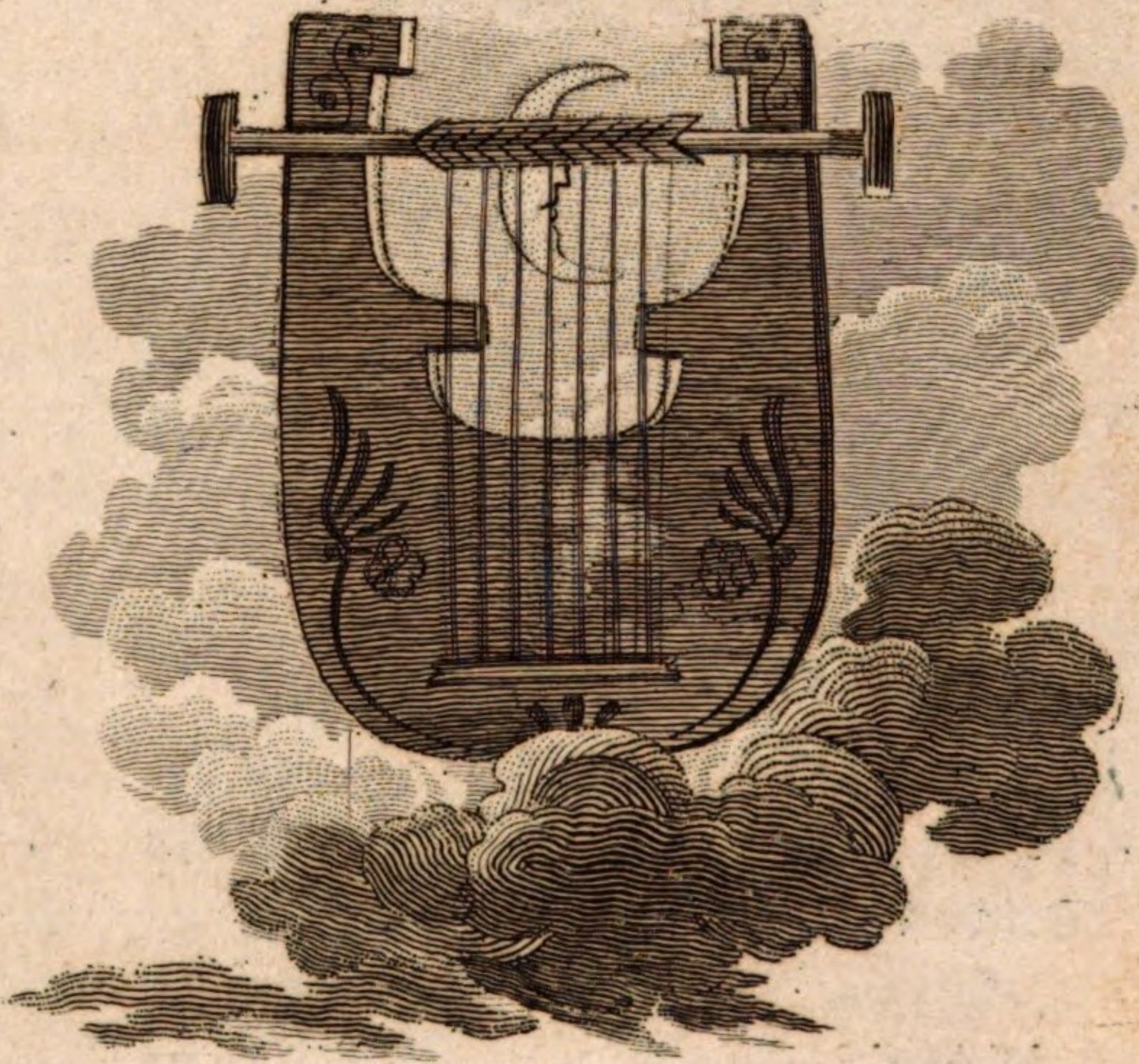
* * *

Слухъ пройдетъ обо мнѣ опъ Бѣлыхъ водъ до
 Черныхъ,
 Гдѣ Волга, Донъ, Нева, съ Рифея льешъ Уралъ;
 Всякъ будешъ помнишь то въ народахъ не-
 изчепныхъ,
 Какъ изъ безвѣстности я шѣмъ извѣстенъ
 спаль,

* * *

Что первый я дерзнулъ въ забавномъ Рускомъ
 слогѣ
 О добродѣтеляхъ Фелицы возгласишь,
 Въ сердечной простотѣ бесѣдовашь о Богѣ,
 И истину Царямъ съ улыбкой говоришь.

О Муза! возгордись заслугой справедливой,
И презришь кно себя, сама шѣхъ презирай;
Не принужденною рукой, не поропливой,
Чело швое зарей безсмертія вѣнчай.

ПОГРЪШНОСТИ

въ первой части.

Напечатано :

читай :

страниц. строк.

V	—	10	Московскимъ	-	Московскомъ
18	—	17	въ пренодобви;	-	въ преподобьи ;
46	—	10	великъ, какъ Богъ.	-	великъ, какъ Богъ?
67	—	4	нѣжно звучну	-	нѣжно звучну
71	—	10	порфиродный	-	порфирородный
77	—	4	И всѣ	- - -	И всѣхъ
84	—	7	лишь	- - -	лишь
104	—	20	зрѣлились	- -	зрѣлись
125	—	4	представляашь	-	представляешь
127	—	12	слабымъ смерш-	-	слабыхъ смерш-
			нымъ	- - -	ныхъ.
174	—	18	взялъ. мнѣ все	-	взялъ , мнѣ все
			равно	- - -	равно
180	—	20	червь	- - -	чернь
186	—	20	И міра	- - -	И мира
211	—	19	На шакъ ли	- -	Не шакъ ли
212	—	7	цѣль словъ.	- -	слова.
213	—	10	солнца	- - -	солнце
217	—	5	здѣсь	- - -	здѣсь
235	—	20	пошупляешь	-	пошупляя
237	—	20	Глядясь	- - -	Глядясь
248	—	14	поишь	- - -	поишь
297	—	18	міра	- - -	міра
311	—	8	мира	- - -	міра.

Deržavin, Gavriil Romanovič,

Sočinenija Deržavina

Bd.: 1

Sanktpeterburg 1808

P.o.russ. 60 c-1

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610052-0